

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA

Adres redakcji

Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej UAM
al. Niepodległości 4
61-874 Poznań, Polska
Tel. +48618293576, faks +48618293575
email: studia.rossica.poznan@gmail.com; ifros@amu.edu.pl
strona domowa: srp.amu.edu.pl

Zespół redakcyjny

Beata Waligórska-Olejniczak (redaktor naczelna), Bożena Hrynkiewicz-Adamskich,
Svetlana Kirschbaum, Aurelia Kotkiewicz, Wiera Mienajło, Wawrzyniec Popiel-Machnicki,
Roman Szubin, Konrad Rachut (sekretarz)

Recenzenci

Lista recenzentów, opis procedury recenzowania oraz wskazówki dla autorów dostępne są
na stronie internetowej czasopisma: srp.amu.edu.pl

Rada naukowa

Stefano Aloe (Uniwersytet w Weronie, Włochy)
Wojciech Chlebda (Uniwersytet Opolski, Polska)
Claudia Criveller (Uniwersytet Padewski, Włochy)
Olga Frolova (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M.W. Łomonosowa, Rosja)
Vladimir Klimonov (Uniwersytet Humboldtów w Berlinie, Niemcy)
Tatiana Kosmeda (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska)
Elisa Kriza (Uniwersytet Ottona i Fryderyka w Bambergu, Niemcy)
Joanna Mianowska (Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska)
Anna Paszkiewicz (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Audinga Pelurityte-Tikuisiene (Uniwersytet Wileński, Litwa)
Walenty Piłat (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, Polska)
Larysa Raciburskaja (Niżegorodski Uniwersytet Państwowy im. N.I. Łobaczewskiego, Rosja)
Michał Sarnowski (Uniwersytet Wrocławski, Polska)
Antonina Szczerbak (Tambowski Uniwersytet Państwowy im. G.R. Dzierżawina, Rosja)
Bazyli Tichoniuk (Uniwersytet Zielonogórski, Polska)
Natalia Tuliakova (Państwowy Uniwersytet Badawczy Wyższa Szkoła Ekonomii
w Sankt Petersburgu, Rosja)
Natalia Tupikova (Wołgogradzki Uniwersytet Państwowy, Rosja)
Roman Voitekhovich (Uniwersytet w Tartu, Estonia)
Halina Wątróbska (Uniwersytet Gdański, Polska)
Jarosław Wierzbński (Uniwersytet Łódzki, Polska)
Alexander Wöll (Uniwersytet Poczdamski, Niemcy)

UNIWERSYTET IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA

TOM XLV, NR 1

Redaktorzy naukowi tomu

BOŻENA HRYNKIEWICZ-ADAMSKICH

BEATA WALIGÓRSKA-OLEJNICZAK

WYDAWNICTWO
NAUKOWE

POZNAŃ 2020

Okładkę projektowała

MARIA DOLNA

*Publikacja sfinansowana przez Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej UAM
oraz Wydział Neofilologii UAM*

© Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu,
Wydawnictwo Naukowe UAM, 2020

Wydano na podstawie maszynopisu gwarantowanego

Redaktor techniczny: DOROTA BOROWIAK
Koordynacja prac wydawniczych: OLGA BRONIKOWSKA
Opracowanie graficzne okładki: EWA WĄSOWSKA
Łamanie komputerowe: MARCIN TYMA

ISSN 0081-6884

WYDAWNICTWO NAUKOWE UNIwersytetu IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU
61-701 POZNAŃ, UL. ALEKSANDRA FREDRY 10

www.press.amu.edu.pl

Sekretariat: tel. 61 829 46 46, faks 61 829 46 47, e-mail: wydnauk@amu.edu.pl

Dział sprzedaży: tel. 61 829 46 40, e-mail: press@amu.edu.pl

Wydanie I. Ark. wyd. 13,50. Ark. druk. 14,00

DRUK I OPRAWA: VOLUMINA.PL DANIEL KRZANOWSKI, SZCZECIN,
UL. KS. WITOLDA 7-9

CONTENTS

LITERARY STUDIES

Tatiana Krol, <i>The literary expression of national trauma in Irish and Ukrainian literatures</i>	9
Wawrzyniec Popiel-Machnicki, <i>An ironic assessment of the Soviet reality in the writer's biography of Oleg Grigoryev</i>	21
Nel Bielniak, <i>Russian emigrants in satirical miniatures by Arkady Averchenko</i>	37
Bartosz Osiewicz, <i>Irony in Vladlen Gavrilchik's poetry</i>	47
Svetlana Zaytseva, <i>Traditions of Ilya Ilf and Yevgeny Petrov and "Compromise" of Sergey Dovlatov</i>	57
Anna Stryjakowska, <i>The conception of illness as a value in the novels "The Idiot" by Fyodor Dostoyevsky and "The Magic Mountain" by Thomas Mann</i>	73
Irina Sääsk, <i>"Far away worlds" in the novel by Ivan Efremov "Andromeda Nebula"</i>	81
Andrzej Polak, <i>Russian. European. Enlightened. Rational. On the presence of Russia in Central Asia (and not only)</i>	89
Krzysztof Tyczko, <i>Pathological reason in Asya Voloshina's drama "Patients"</i>	99

LINGUISTIC STUDIES

Lyudmila Fedorova, <i>On the model of Russian compounding with the verbal preposition in comparison with the Italian model</i>	109
Andrzej Charciarek, <i>Treq – a tool for searching translation equivalents: benefits and shortcomings</i>	121
Joanna Orzechowska, <i>Departures from the norm in the grammatical category of number in the novel "Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną" and their reflection in its Russian translation</i>	133
Elena Koryakovtseva, <i>On the word creation of Russian and Polish Internet users in the era of global internationalization</i>	143
Vladimir Klimonov, <i>Paradigmatics and syntagmatics of aspectual-temporal forms of the Russian verb</i>	155
Piotr Zemszał, <i>The word-formation nest of words motivated by a proper noun "Cоdom" in a discourse of the radical Orthodox Church movement in modern Russia</i> . . .	163
Anna Żebrowska, <i>The influence of the Russian language on contemporary Belarusian dialects (on the example of field research carried out in Myadzyel district in the Minsk region)</i>	181

Bartosz Juszczak, <i>The vocabulary of Slavonic urban dialects: Exoethnonyms in Warsaw, Brno and Moscow dialects</i>	195
Ekaterina Starodvorskaya, <i>The metalinguistic aspect of irony</i>	205

VARIA

Vera Meniailo, Natalia Tuliakova, <i>13th Conference of the Estonian Association of Comparative Literature (EACL), 2019</i>	215
---	-----

SPIS TREŚCI

LITERATUROZNAWSTWO

Tatiana Krol, <i>Literary expression of national trauma in Irish and Ukrainian literatures</i>	9
Wawrzyniec Popiel-Machnicki, <i>Ироническая оценка советской действительности в творческой биографии Олега Григорьева</i>	21
Nel Bielniak, <i>Rosyjscy emigranci w miniaturach satyrycznych Arkadija Awierzenki</i>	37
Bartosz Osiewicz, <i>Ирония в поэзии Владлена Гаврильчика</i>	47
Светлана Зайцева, <i>Традиции Ильи Ильфа и Евгения Петрова и „Компромисс” Сергея Довлатова</i>	57
Anna Stryjakowska, <i>Концепция болезни как ценности в романах „Идиот” Федора Достоевского и „Волибная гора” Томаса Манна</i>	73
Irina Säask, <i>„Дальние миры” в романе Ивана Ефремова „Туманность Андромеды”</i>	81
Andrzej Polak, <i>Rosyjskie. Europejskie. Oświecone. Rozumne. O obecności Rosji w Azji Środkowej (i nie tylko)</i>	89
Krzysztof Tuczko, <i>Патологический разум в пьесе Аси Волошиной „Пациенты”</i>	99

JĘZYKOZNAWSTWO

Людмила Федорова, <i>О модели русского словосложения с глагольной препозицией в сравнении с итальянской моделью</i>	109
Andrzej Charciarek, <i>Программа для установления переводных эквивалентов Treg: преимущества и недостатки</i>	121
Joanna Orzechowska, <i>Odstępstwa od normy w kategorii gramatycznej liczby w powieści „Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną” i ich odzwierciedlenie w przekładzie na język rosyjski</i>	133
Elena Koriakowsewa, <i>О словотворчестве российских и польских интернет-пользователей в эпоху глобальной интернационализации</i>	143
Vladimir Klimonov, <i>Парадигматика и синтагматика видовременных форм русского глагола</i>	155
Piotr Zemszał, <i>Gniazdo słowotwórcze wyrazów motywowanych nazwą własną „Codom” w dyskursie radykalnego ruchu prawosławnego we współczesnej Rosji</i>	163
Anna Żebrowska, <i>Влияние русского языка на белорусские говоры (на примере левых исследований в Мядельском районе Минской области)</i>	181

Bartosz Juszczak, <i>Leksyka słowiańskich dialektów miejskich: egzoetnonimy w gwarze Warszawy, Brna i Moskwy</i>	195
Ekaterina Starodworskaja, <i>Metajęzykowe oblicze ironii</i>	205

VARIA

Vera Meniailo, Natalia Tuliakova, <i>13th Conference of the Estonian Association of Comparative Literature (EACL), 2019</i>	215
---	-----

LITERATUROZNAWSTWO

TATIANA KROL

The literary expression of national trauma in Irish and Ukrainian literatures

Отражение национальной травмы в ирландской и украинской художественной литературе

Abstract. The most tragic and traumatic experiences in the respective histories of Ireland and Ukraine were their Great Famines. This paper discusses literary techniques used for the expression of national trauma in Irish and Ukrainian famine fictions. It examines the representations of An Gorta Mór and the Holodomor in *The Silent People* by Walter Macken, *The Hungry Land* by Michael Mullen, *Maria: A Chronicle of a Life* by Ulas Samchuk and *Sweet Snow* by Alexander J. Motyl, and demonstrates that the rhetoric of a national character occupies a prominent position in the novels. Exploring images of the Self and the Other within the oppressor/oppressed dichotomy, expressed from the perspective of the latter, the paper argues that national character stereotypes function to highlight the detrimental effects of British rule in Ireland and Soviet rule in Ukraine. Imagology and trauma studies underpin the paper's theoretical framework. The paper is part of the doctoral thesis *An Imagological Study of the Depiction of the Irish and Ukrainian Great Famines in the novels by Samchuk, Macken, Motyl and Mullen*, supervised by Dr. Brigitte Le Juez and Dr. Áine McGillicuddy, defended in December 2018 at Dublin City University.

Keywords: An Gorta Mór, the Holodomor, images of Self and the Other, famine, trauma

Tatiana Krol, Dublin City University, Dublin – Ireland, tatianakrol5@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8410-7996>

The literature of a nation is far more revealing
than all the official histories ever written

(Broderick quoted by Gunilla Bexar 1)

Both the Irish and Ukrainian people endured appalling moments in the histories of their countries, ‘horrendous’ events that have left ‘indelible marks upon their consciousness’, and marked their memories (Alexander, Eyerman, Giesen,

Smelser, and Sztompka 1). Between 1845 and 1852, Ireland experienced one of the most devastating calamities in her history – the Great Famine known as An Gorta Mór. In a country with a population of 8.2 million people before the famine, deaths in the famine years ranged from 290,000 to 1,500,000, while another 1.5 million people emigrated (*Travel Through the Ireland Story*, electronic source). Highlighting the scale of the Irish Great Famine, Terry Eagleton has called it “the greatest social disaster of 19th century Europe – an event with something of the characteristics of a low-level nuclear attack” (Kelly 2).

The Holodomor was a famine that ravaged Ukraine in 1932–1933, having taken from 3.5 up to 10 million lives, according to various data sources. The term ‘Holodomor’ is the combination of the two Ukrainian words, ‘holod’ and ‘mor’, meaning ‘death by starvation’. Raphael Lemkin, the author of the term ‘genocide’, explained in his article *Soviet Genocide in the Ukraine* (1953) why he considered Ukraine’s 1932–1933 Famine a case of genocide. He described it as “the mass murder of peoples and of nations that has characterized the advance of the Soviet Union into Europe”, highlighting that it was “the classic example of Soviet genocide, its longest and broadest experiment in Russification – the destruction of the Ukrainian nation” (Lemkin 31). Research on these two national tragedies, the Irish and Ukrainian, reveals points that can be examined in juxtaposition with each other.

The scale of these famines indeed allows a comparison: their death toll mounted to one-quarter of the population of each country. Both famines had dramatic effects on the Irish and Ukrainian people within each country and on those who fled their homes. Another important aspect of similarity is that at the time of the famine both countries were parts of empires. The fact that the famines’ magnitude was a result of the British rule in Ireland and Soviet rule in Ukraine has had a significant impact on the issue of culpability. Even though the Great Famine in Ireland was caused by a natural factor – the potato blight – British misrule and lack of concern in Westminster for its colony led to immense losses. Discussing Ireland’s famine, the terms ‘British’ and ‘English’ are often used interchangeably, highlighting that the English were the domineering nation in the British Empire. In a similar manner, the terms ‘Soviet’ and ‘Russian’ have become synonymous in the Ukrainian discourse. Ukraine’s 1932–1933 Famine was entirely politically engineered by the Soviet government in Moscow. It is not surprising, therefore, that accountability is central in literary representations of An Gorta Mór and the Holodomor, for British and Soviet government policies were seen as those that have brought about suffering and death. Michael Nicholson’s reflection on Ireland’s Great Famine accentuates its magnitude: “«A million dead. A million fled». It was those few words that had such an impact on me. Think of it. Try to visualise. Try putting it into a modern context, something happening today, something you

are watching on television news, an apocalyptic disaster on an unheard-of scale, something that dwarfs Hiroshima” (*Famine novel changed my mind on England’s guilt*, electronic source). Timothy Snyder reminds us that the Holodomor was “one of the most harrowing passages in the recent literature on Europe’s dark twentieth century” (Roche 48).

Irish and Ukrainian famine fictions draw heavily on the political, ideological and economic reality revealing the historical conditions in which the famines occurred. In doing so, they reproduce the power tensions and relationships between the victimized and perpetrators, highlighting that the blame is on the latter, and can be seen as “yet another modality for sharing trauma” (Kaplan 101). In this regard, it is important to note that the Self/Other process is a two-way phenomenon. The English perception of the Irish Otherness in pre-famine and famine periods is illustrative of this. In his analysis of the construction of the Irish image in the British press, Michael de Nie presents multiple passages portraying the Irish from newspapers and magazines that circulated prior to and during An Gorta Mór, such as this one, published in *The Times*:

They have come amongst us, but they have not become of us. They have earned our money; but they have carried back neither our habits nor sympathies, neither our love for cleanliness nor our love for comfort, neither our economy nor our prudence. Is this distinctive character incapable of subjugation or change? (de Nie 90)

De Nie provides many more examples of unfavourable descriptions of the Irish and points out that their stereotypical representations as ignorant, uncouth, dirty, immoral and lazy were a dominant trend in nineteenth-century British press. The Irish peasant was depicted as ‘violent’ and ‘conspiring’ (de Nie 90), a ‘wild man’, ‘an animal in human form’ (de Nie 120), ‘short-sighted and foolish’ (de Nie 121), and often ‘symbolized in the satirical press by the pig’ (de Nie 17, 233). This view is reflected in the famine fiction. One of Walter Macken’s characters, a tithe proctor, Clarke, for example, sees benefits in the famine: “When it was all over, it would be a tranquil country. It would have been cleansed of the parasites. Things would be ordered, like a good estate” (Macken 328). Paul Martin Lester’s thoughts on stereotyping suggest that it exerts crucial influence on the relations between groups of people, while at the same time highlighting the role of power in the process of stereotype formation: “History has shown that stereotyping can lead to scapegoating, which can lead to discrimination, which can lead to segregation, which can lead to physical abuse, which can lead to state-sponsored genocide” (Lester, Ross 2). The Holodomor is another example that endorses this point.

In Soviet Ukraine in the 1930s, the quality of Otherness was largely ascribed to the peasantry. Wealthy peasants were labelled as ‘kulaks’, branded as traitors and portrayed as ‘the enemy of the people’; and these images were abundant in

the Soviet press. The term ‘kulak’ was used to identify the enemy, and “the term «de-kulakization» was shorthand for the «elimination of the kulaks as a class»” (Applebaum 124). When they were eliminated, the term shifted to denote less wealthy ones, and eventually extended to mean all those who opposed the Soviet regime. Anne Applebaum explains that:

in 1929, just as in 1919, the notion of a “wealthy” peasant remained a relative thing. In a poor village, “wealthy” could mean a man with two pigs instead of one. A “wealthy” peasant might also be one who inspired dislike or envy among his neighbours – or who acquired enemies among the village rulers or the local communists (Applebaum 124).

Negative attitudes towards peasants are mirrored in Ukrainian famine fiction. One of Alexander J. Motyl’s characters, Vanya, dismisses peasants: “*Eta tolka kulak*” [...] “It’s only a kulak” (Motyl 45). His contempt is expressed both in words: “There are many rich peasants hiding from Soviet power under the snow” [...] “That’s where they belong, *svoloch*.”¹, and in deeds: “Did I ever tell you about the kulaks in my village? We took their grain and their clothes and we drove them bare-assed to the cemetery” (Motyl 45–46).

In both cases, the “othering” process, based on stereotyping, is entwined with the issue of power, which, within a colonial context, serves the colonizer to “justify the colonial system” that is achieved by “a systematic devaluation of the colonized” (Memmi 110). Seamus Deane’s observation substantiates the interdependence between stereotyping and power: “The definition of otherness, the degree to which others can be persuasively shown to be discordant with the putative norm, provides a rationale for conquest” (Deane 12). In line with Manfred Beller’s point that valorizing the Other is “nothing but a reflection of one’s own point of view” (Beller 6). Irish and Ukrainian famine novels show the reciprocity of the “othering” process. Their representations of the Other during An Gorta Mór and the Holodomor respectively are constructed upon negative perceptions of the famines’ perpetrators. The “othering” process is, therefore, reversed, and the nation exercising the power is Othered. Experiencing a traumatic event essentially generates a sense of anger and outrage, which, in turn, results in ascribing negative traits to the Other. In this way, the colonized deconstruct their Otherness. Within the Irish and Ukrainian contexts, the “othering” process, caused by the famines, is deepened by the awareness of the two nations’ long-term colonial oppression throughout hundreds of years prior to the famine events. The stereotypes of the past continue to circulate; moreover, they grow stronger if power issues, the force that fuels the stereotypes, have not been resolved.

¹ The Russian word “сволочь” can be translated as “asshole” or “scum”.

In *The Silent People*, *The Hungry Land*, *Maria: A Chronicle of a Life* and *Sweet Snow*, images are deployed for the expression of national trauma. At the core of the novels' imagological constructs are images of the Self representing the group of victims, and images of the Other symbolic of the group of perpetrators. Within this binary opposition, the rhetoric of a national character functions to draw a line of distinction between them. The Irish and Ukrainian texts abound in national character stereotypes in their representations of the Irish and English, and Ukrainians and Russians respectively. The dichotomic constructs English/Irish and Russian/Ukrainian are formed on opposing qualities, and a positive image of the Self contrasts with a negative portrayal of the Other. Characters belonging to the group of the Self are imbued with favourable traits, such as, diligence, kindness, sense of humour, spirituality and love of the land. Traits characteristic of the Other are laziness and cruelty.

In *Maria: A Chronicle of a Life*, Samchuk presents his characters, Ukrainian country people, as hard-working and religious. They adhere to religious customs that encompass their work and leisure, and lead a peaceful life in Hnyloryby – “the ancient spreading village” that “has entwined itself intricately around orchards, meadows, and ravines” (Samchuk 39). The protagonists' love to God parallels their reverent attitude to the land:

Martyn scatters the white kernels, and Maria walks behind him and shoves the tiny seeds into the crumbly soil. The billowing of the tolling bell swoops down over them, and Martyn pauses, doffs his grimy cap, and blesses himself three times with a wide, sweeping motion. Maria also blesses herself... (Samchuk 38)

The Ukrainian characters' love for their native land can be compared to the portrayal of patriotism in the Irish novels. In Macken's *The Silent People* and Mullen's *The Hungry Land*, this trait is used to separate the Self from the Other. The Irish are depicted as patriots, even those living abroad. Old Mr. Prendergast, for example, “never deviated from his love of Ireland” (Mullen 32). In the context of British colonial rule, the patriotism of the Irish is regarded as nationalism by the English. This is clearly shown in *The Silent People*, whose characters, Daniel O Connell, Cuan, and others, are portrayed as Ireland's patriots and perceived by the English as criminals. The theme of patriotism allows highlighting how unjust British rule and cruel treatment of the Irish add to the rise of the nationalist spirit in Ireland. This is validated by Dualta's reflection that “There comes a time when oppression becomes too hard to bear” [...] “and men must assert themselves” (Macken 229).

These two thought-provoking concepts, patriotism and nationalism, are also part of the Self-image in Motyl's *Sweet Snow*. His protagonists' identities: they are all of different nationalities, reveal the complexity of its construction. One

of the elements that unites them is their love of their native land. German aristocrat and diplomat, Count August von Mecklenburg, cultural attaché at the Polish consulate, Zbigniew Pieracki, and a poet of Ukrainian origin from Vienna, Igor Kortschenko, are at variance in many ways due to political and ideological issues between their countries, yet they are all ardent patriots of their countries. The Pole is proud of his feeling for his Motherland: “You must know that I would die for Poland. All Polish patriots would. You must know that, too” (Motyl 111). Von Mecklenburg’s deep love for his native land is felt in the “unconcealed grief” with which the count speaks of a Germany devastated by the war, and her “ill-tempered fortuna”, as well as in his determination to be useful to his country “at its time of greatest need” (Motyl 98). Pieracki’s and von Mecklenburg’s love of their countries echoes Kortschenko’s yearning for an independent Ukraine during this tragic time in history, and their feelings allow readers to see the ambiguity of the concepts of nationalism and patriotism. Moreover, reflections on the characters’ suffering and their countries’ plight sharpen readers’ awareness that the Bolshevik rule was brutal and destructive. In this way, a deeper connection between the literary characters and readers is created, adding a sense of credibility to the former and arousing empathy in the latter.

Credibility is important in famine fiction. Frequent use of geographical names, numerous references to actual events and historical figures, as well as realistic descriptions of famine victims, found in all four novels, approximate the fictional texts to factual accounts, making the “realness of their existence” more convincing (*The Rise of the Nameless Narrator*, electronic source). This is especially true in the case of the Ukrainian novels whose graphic scenes of suffering and death reflect witnesses’ testimonies recorded in 1932–1933.² The fact that famine fiction mirrors real accounts in its representations of cruelty makes the image of the Other look even more odious. In *Sweet Snow*, the ruthlessness of the Soviet regime is heightened by the elements of spatiality and disgust. The magnitude of the characters’ plight increases with the enlargement of the novel’s spatial entities: the protagonists experience more pain and suffering as they move from small to bigger places. This strategy allows for the development of the reader’s feelings of empathy for the famine victims and condemnation of the cruelty of the per-

² See, for example, Yuriy Mytsyk. *Ukrainian Holocaust 1932–33. Eyewitness Accounts of Those Who Survived: Part One*; Ганна Капустян. *Пам’ять 33-го Кличе Молодих. Сповіді свідків і слово історика*; ‘Testimonies of the Witnesses of the Holodomor’ – [my translation]. *Радіо Свобода*, *Radio Svoboda Ukrainian Service*, Web. 23.11.2013. <http://www.radiosvoboda.org/media/video/25177973.html>; Ярослав Трегубова. ‘Свідок Голодомору Станіслав Ільницький: померлих ніхто не закопував’ [‘The Holodomor Witness Stanislav Ilnytskyu: nobody covered over the graves with the dead’ – my translation]. *Радіо Свобода*. *Radio Svoboda Ukrainian Service*. Web. 22.11.2017. <https://www.radiosvoboda.org/a/28870173.html>.

petrators. The descriptions of those who perished from hunger are particularly disturbing:

Five minutes later, they chanced upon a bloated corpse lying face up in the ice. It was a girl, no more than fifteen years old, with coal-black hair tied in two braids and a sack-like beige dress made of some coarse material. She was barefoot and her arms lay along her sides, with the palms of her small hands facing upward near the surface of the ice. Her gaunt yellow face had remained well preserved: she had green eyes, long lashes, and what must have at some time been full lips. Only the tip of her nose, which extended above the ice, had begun to rot, creating an unsettling effect that reminded the count of a painting by Kirchner or Dix (Motyl 59).

The horror of the famine is deepened by the Bolsheviks' cruel deeds:

Four meters away stood the iconostasis, its gold frames glistening darkly and its painted icons almost invisible to the eye. Hanging from the three crosses, evenly arrayed along the top of the iconostasis, were three emaciated bodies. The nooses had been attached to the crosses. The central figure, with long white hair and a long white beard and dressed in a black cassock, was obviously the village priest. The other two were probably village elders or kulaks. Their heads were tilted to the sides, their glassy eyes bulged, as if they were surprised by their own death, and their blackened tongues extended from their distorted mouths to their pointy chins. Their hands were tied behind their backs and their bare feet, bloody and swollen, dangled below (Motyl 145).

The images of those who have perished from hunger, shown side by side with the cruelty of the Other, enhance understanding of the Bolsheviks' culpability for the famine.

Although cruelty is also shown as the most prominent trait of the Other in the novels by Macken and Mullen, the scenes depicting it appear less severe than in the texts by Samchuk and Motyl. *The Silent People's* most dramatic episode is the execution of two Irish men, "a double hanging" (Macken 65). Their death arouses readers' condemnation of British rule, for those who are hanged are innocent. Yet the scene of hanging is not presented in such distressing details as the descriptions of death in Motyl's passages: "The living ones fell and the bodies swung, and there were still tears on Paidi's dead cheeks when Dualta turned away and groped his way free of the square and stumbled down the street" (Macken 66). And in *The Hungry Land*, one of the most egregious examples of cruelty is when Colonel Spiker orders that the "half-idiot" (Mullen 56) and "simpleton" (Mullen 66) Ned Kenny be whipped a hundred times. It can be suggested that Soviet rule and the Holodomor organizers are associated with a higher degree of premeditated violence.³ The fact that Ukraine's 1932–33 Famine is a more recent event probably adds to the way it is represented in literary works: with particularly harsh and

³ On Bolshevik policies in Ukraine see Volodymyr Vassylenko. *The Holodomor: An Act of Genocide against the Ukrainian People of 1932–1933*; Anne Applebaum. *Red Famine*; Lesa Melnyczuk. *Silent*

more realistic portrayals of its perpetrators. This point can be corroborated by Stanislav Kulchytsky's point that more recent events are likely to show a larger degree of politicization:

No one is crossing swords over the revolution of 1905–1907, and its centennial is passing completely unnoticed. The situation with the Holodomor or the problem of the OUN and UPA are different because they are part of the life experiences of the current generation of Ukrainian citizens, who were participants in those events, or the children of these people. People tend to have differing opinions on events in the not so distant past, whereas all politicians try to please the public (*Why did Stalin exterminate the Ukrainians?*, electronic source).

A sense that the main focus in Ukrainian famine fiction is on the cruelty of the Other is revealed in the novels' endings. In *Maria: A Chronicle of a Life*, the protagonist dies of hunger: "The moon is slowly fading. One after the other, thoughts vanish from her head never to return. Her eyes grow heavy and slowly close. Her dry lips. Turn cold... Her chest caves in... The last nerve is tensely severed. Her heart beats one last time" (Samchuk 241). In *Sweet Snow*, all four protagonists starve to death. Their passing conveys the meaning of the demise of the entire country: "There was nothing here. Everything was dead, rotten, and decaying and everyone was dead, rotten, and decaying. Ukraine – his Ukraine – was dead, a corpse. No, it was worse. It was gone. It had disappeared, vanished. It had been extinguished and obliterated by the Russians" (Motyl 147). By contrast, most of the Irish characters survive the famine, and the Irish novels' endings adopt a more hopeful stance. *The Silent People* ends with the protagonist's expression of his beliefs in the future: "Then there is no fear for us, or for my son" said Dualta. "We will survive" (Macken 346). *The Hungry Land's* protagonists emigrate to America, and the novel ends with an expectation of a new life: "The stars were bright in the wide arc of the heavens. A wind was rising in the sails" (Mullen 429). The final passages from the novels on the Holodomor are devoid of hope.

Importantly, the dynamics of the literary construct of the Other throughout the novels is reinforced by a cultural difference – the use of language. Travis Hubbs's explanation of the importance of the language for a national identification suggests its suitability in distinguishing between the Self and the Other:

The conceptual existence of either nation, of course, depends on the language that conveys it. [...] Identity functions through language and, in turn, language functions through a negative structure of semiotic comparisons and contrasts. In other words, identity can only exist alongside its opposite (Hubbs 1–2).

Memories. Traumatic Events; Serhii Plokhyy. *The Gates of Europe. A History of Ukraine*; Yuri Mytsyk. *Український голокост. 1932–1933: Свідчення тих, хто вижив* and other sources.

Corroborating the view that the descriptions of the Holodomor events are stark, it should be pointed out that in the Ukrainian novels, the language of the Other acquires a decidedly negative connotation. In fact, it comes to denote the Other with idleness and the use of bad language, indicating the stereotypical Russian. In this way, clear-cut patterns of the Ukrainian Self-image and the Russian Other are formed. In Macken's and Mullen's novels, the Irish language also constitutes an important attribute of the Self; however, English as a language is not depicted as essentially disadvantageous. The idea of the importance of education, also in English, is demonstrated in the themes on literacy, learning, and schooling throughout *The Silent People* and *The Hungry Land*.

In addition, a juxtaposition of the themes of hybridity in the Irish novels and disintegration in the Ukrainian ones stresses the sharpness of the famine representations in the latter. Hybrid images in Macken's and Mullen's works mark the process of a transition between the Self and the Other; and, depending on the dichotomous qualities of humanity and cruelty, they can belong to either one of them. Samchuk's characters that undergo the process of disintegration are those that move from the group of the Self to the group of the Other, and they are depicted in an ultimately negative light. In Motyl's *Sweet Snow*, the characters perpetrating cruelty comprise the group of the Other, while their victims constitute the Self. Hence, Otherness is based on cruelty, and it is associated with the imposition of power.

This brief analysis of representations of An Gorta Mór and the Holodomor in *The Silent People* by Walter Macken, *The Hungry Land* by Michael Mullen, *Maria: A Chronicle of a Life* by Ulas Samchuk and *Sweet Snow* by Alexander J. Motyl demonstrated that the rhetoric of a national character occupies a prominent position in the novels. Reproducing the Anglo-Irish and Russian-Ukrainian power tensions and relationships during An Gorta Mór and the Holodomor, images of the Self and the Other are deployed to highlight the detrimental effects of the British rule in Ireland and the Soviet rule in Ukraine. Within the context of the unjust and oppressive conditions for Ireland and Ukraine, violence and cruelty are the main gauge of the "othering" process; however, cultural elements prove to be the most convenient and easily accessible tools for the discernment of the Self from the Other.

John Broderick pointed out that (a country's) literature is more revealing than all official histories. Indeed, in literature, factual material is interwoven with characters' actions and perceptions that reflect various, often antagonistic, views and attitudes. This allows us as readers to see a broader picture of events and historic processes and understand the reasons behind them.

Bibliography

- Alexander, Jeffrey C., Ron Eyerman, Bernard Giesen, Neil J. Smelser, Piotr Sztompka. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA, University of California Press, 2004.
- Applebaum, Anne. *Red Famine: Stalin's War on Ukraine*. London, Penguin Books, 2017.
- Bell, Duncan, ed. *Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship between Past and Present*. Basingstoke, United Kingdom, Palgrave Macmillan, 2010.
- Beller, Manfred. "Perception, Image, Imagology". *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey*. Ed. Manfred Beller, Joep Leerssen. Amsterdam–New York, Rodopi, 2007.
- Bezar, Gunilla. *The Great Irish Famine in History-Writing and Prose Fiction: "The Mutual Interplay of Two Narrative Genres"*. Åbo, Åbo Akademi University Press, 2016.
- Collins, Michael. "Famine fiction and a surfeit of facts". *The Irish Times*. Web. 29.03.2017. www.irishtimes.com/culture/books/famine-fiction-and-a-surfeit-of-facts-1.3029213.
- De Nie, Michael. *The Eternal Paddy: Irish Identity and the British Press*. Madison, WI, University of Wisconsin Press, 2004.
- Deane, Seamus. "Introduction". *Nationalism, Colonialism and Literature*. Ed. Terry Eagleton, Frederic Jameson, Edward Said. Minneapolis–London, University of Minnesota Press, 1990.
- Donnelly, Brian. "The Great Famine and the Literary Imagination". *An Irish Quarterly Review*, vol. 69, no. 275/276, Autumn – Winter 1980, p. 260–272.
- Hubbs, Travis. "The Consumption of Simulacra: Deconstructing Otherness in Katherine Anne Porter's *Mexican Conceptual Space*". *Journal of Texas Women Writers*, vol. 1.2, 2009, p. 1–29.
- Kaplan, E. Ann. "«Translating» Trauma in Postcolonial Contexts". *Trauma Culture: The Politics of Terror and Loss in Media and Literature*. New Brunswick, New Jersey–London, Rutgers University Press, 2005.
- Kelly, John. *The Graves are Walking: A History of the Great Irish Famine*. London, Faber & Faber, 2012.
- Kulchytsky, Stanislav. "Why did Stalin exterminate the Ukrainians?". *День*. Web. 25.10.2005. day.kyiv.ua/en/article/history-and-i/why-did-stalin-exterminate-ukrainians-4.
- Lemkin, Raphael. *Soviet Genocide in Ukraine*. Kyiv, Maisternia Knyhy, 2009.
- Lester, Paul Martin, Susan Dente Ross, eds. *Images that Injure: Pictorial Stereotypes in the Media*. Westport, Connecticut–London, Praeger, 2003.
- Macken, Walter. *The Silent People*. London, Pan Books Ltd., 1965.
- Mark-FitzGerald, Emily. "Artistic works inspired by the Great Famine struggle to do it justice, but they keep the memory alive". Web. 14.11.2018. www.ucd.ie/newsandopinion/news/2018/november/14/artisticworksinspiredbythegreatfaminestruggletodoitjusticebuttheykeepthemoryalive/.
- Memmi, Albert. *The Colonizer and the Colonized*. London, Earthscan Publications, 1990.
- Motyl, Alexander J. *Sweet Snow*. Somerville, Massachusetts, Červená Barva Press, 2013.
- Mullen, Michael. *The Hungry Land*. New York–London–Toronto–Sydney–Auckland, Bantam Press, 1986.
- Nicholson, Michael. "Famine novel changed my mind on England's guilt". *The Irish Times*, 14.12.2015. Web. 10.08.2019. www.irishtimes.com/culture/books/michael-nicholson-famine-novel-changed-my-mind-on-england-s-guilt-1.2465994.
- Powell, John A. "Us vs them: the sinister techniques of 'Othering' – and how to avoid them". *The Guardian*. 08.11.2017. Web. 12.08.2019. www.theguardian.com/inequality/2017/nov/08/us-vs-them-the-sinister-techniques-of-othering-and-how-to-avoid-them.

- Roche, Helen. *An Analysis of Timothy Snyder's Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. London, Routledge, 2017.
- Sacks, Sam. "The Rise of the Nameless Narrator". *The New Yorker*. 03.03.2015. Web. 24.10.2016. www.newyorker.com/books/page-turner/the-rise-of-the-nameless-narrator.
- Samchuk, Ulas. *Maria: A Chronicle of a Life*. Toronto, Language Lanterns Publications Inc., 2011.
- Sayegh, Pascal-Yan. *Cultural Hybridity and Modern Binaries: Overcoming the Opposition between Identity and Otherness?* 2008. Web. 11.03.2020. <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00610753/document>.
- Travel Through the Ireland Story*. Web. 11.03.2020. www.wesleyjohnston.com/users/ireland/past/famine/blight.html.

WAWRZYNIEC POPIEL-MACHNICKI

Ироническая оценка советской действительности в творческой биографии Олега Григорьева

An ironic assessment of the Soviet reality in the writer's biography of Oleg Grigoryev

Abstract. This text is an attempt to acquaint the reader with the writer's biography of Oleg Grigoryev, a Russian poet and a representative of "the literary underground". His works can be classified as urban folklore. Most of his poems are full of harsh irony, which may shock with its dark humour. Grigoryev often resorts to the poetics of the absurd, which may lead a keen reader to the conclusion that he is close to the creative actions of the poetic group of the Oberiuty with Daniil Kharmis and Alexander Vvedenski as their main representatives. In this light, Grigoryev's poetry can be interpreted as a reflection of the dark Soviet reality in which he lived and with which he struggled. Such an attitude surely did not help him in succeeding within the official Russian literature.

Keywords: Oleg Grigoryev, Soviet reality, poetry, irony, urban folklore, dark humour

Wawrzyniec Popiel-Machnicki, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, wawerpma@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3097-2615>

Тунеядец, хулиган, пьяница, психически больной, чужой и т. п. – это наиболее популярные эпитеты-ярлыки, которые часто обезображивали „невыгодных” литераторов времен Советского Союза. Именно такой номенклатурой пропитана вульгарно-критическая оценка хотя бы таких художников слова, как Сергей Есенин, Иосиф Бродский, Венедикт Ерофеев или Сергей Довлатов, творчество которых – каждое в свое время – было в авангарде русской литературы. Вписывается в тот ряд биография Олега Григорьева (1943–1992), представителя ленинградского андеграунда¹, поэта, чья жизнь пришлось на

¹ Андеграунд сосредоточивал литераторов, для которых „исходным пунктом была литература начала XX века; каждый из них вырабатывал особое отношение к этому прошлому – принимал его, пытаясь продолжить, или отталкивался от него, чтобы создать беспрецедентно новый поэтический язык. Неофициальные поэты искали собственное место между двух полюсов – дореволюционным авангардом (в лице Велимира Хлебникова и Владимира Маяков-

шестидесятые-восемидесятые годы XX века. Его поэтическая деятельность совершенно отличается от наследия вышеупомянутых писателей.

Целью настоящей статьи является попытка исследовать творческую судьбу Григорьева, обращая внимание на его поэзию, в которой наличие иронии и черного юмора, неоднократно переходящего в эпатаж, сопутствовало оценке Советской действительности. Присутствие комизма в этой оценке в свою очередь повлияло на составление биографии Олега Евгеньевича. Как считает известный критик, главный редактор литературной газеты „День литературы” Владимир Бондаренко, на Григорьева смотрели по-другому: „[...] политику ему в милиции не шили, да и не смотрели на него участковые как на писателя” (Bondarenko, электронный ресурс). Стоит здесь, однако, заметить, что „власть имущие” все-таки решили притормозить его развитие как свободного художника и литератора, о чем еще будет сказано в дальнейшей части статьи. В контексте жизни Григорьева, Михаил Яснов, знаток творчества поэта, в кратких словах описывает ее так:

Так начиналась маргинальность – пьянство, отсидка в „Крестах”, ссылка, вытеснение из литературной взрослой жизни в детскую, из детской – в непечатание, бытовая несовместимость с миром, пьянство, психушка, снова „Кресты”, бездомность, пьянство, ранняя и нелепая смерть... (Âsnoy 2008: 507).

Этот биографический эскиз отражает мнение окружения, которое действительно видело в Григорьеве единственно чудака, бомжа, алкоголика – человека, просто мешавшего жить „нормальным” людям. А он, как дальше пишет Яснов, стал типом „внутреннего эмигранта, в душе своей чуждого всего официального, презирающего строй и власть, но не идущего на прямую конфронтацию с ними, а предпочитающего занять свою, по возможности, отдаленную и отделенную от них нишу” (Âsnoy 2008: 507). Для него не было места в литературной жизни Советской России, где все-таки пытались напечатать его „детские” стишки, но истолковав их как не до конца „детские”, вытеснили его из этой жизни. Таким образом, личная судьба приводит к тому, что лирический герой Григорьева жалуется:

По мнению соседа-первоклассника,
Устарела в наш век вся классика.
Не надо петь, умиляться и плакать,
А надо хрюкать, визжать и кавкать.
(Grigor'ev 27)

ского) и акмеизмом (в лице Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама). [...] Нужно помнить, что между андеграундом и официальной поэзией не всегда были четкие границы: многие неофициальные поэты предпринимали попытки публиковаться в советской печати – и не всегда такие попытки оставались безуспешными” (Korçagin, Laïonov, электронный ресурс).

Молодой поэт, хотевший показать окружению свой талант, не был готов на грубости, которые все чаще его встречали. Безвкусье чиновников от литературы выбило этого впечатлительного человека из колеи. Григорьев пошел на дно, погрузился в алкоголизм. К счастью, болезнь не уничтожила его восприимчивого взгляда, благодаря которому он находил все новые темы для своей поэзии – сюжеты, которые разоблачали моральный распад советского общества и лицемерие его руководителей. Хорошо отражает это стихотворение *Поплавок*:

Я плавучий поплавок,
Я зыбучий островок.
Над собою я не волен:
Утону – рыбак доволен.
Дернет вверх – лечу я ввысь,
Клонет рыба – снова вниз.
Вверх и вниз, туда-сюда,
Беспокоен я всегда:
Но не праздный я ныряльщик –
Безотказный я сигнальщик!
(Grigor'ev 61)

Лирическое „Я”, при наличии самоиронии и черного юмора, надевает маску человека, который не в состоянии самостоятельно руководить своей жизнью. О личной судьбе он может информировать только поведением. Так вели себя юродивые. Еще Михаил Бахтин говорил, что юродство это „своего рода форма, своего рода эстетизм, но как бы с обратным знаком” (Bahtin 257). Григорьев хотел передать, что его герой-поплавок все время пересекает горизонтальную границу между воздухом и водой. Это так, как если бы он переходил в подполье или, как юродивые, намеревался показать людям, что кроме жуткой и чудовищной действительности необходимо искать более ценные „глубокие” и „безземельные” пространства, которые в итоге направят ищущего „вверх” (ср. Wodziński 104).

В контексте сказанного необходимо сделать ссылку на теорию вопроса, подчеркивая, что ирония (которой пропитаны стихи Григорьева) это свойство стиля, основанное на противоречии между буквальным и надлежащим значениями высказанного. Автор часто изменяет эти значения, не выражает их явно, но обычно делает это так, чтобы измененное значение было понятно для получателя-читателя. Иногда ирония документирует превосходство говорящего. Но бывает, что ирония может также быть сознательно направлена против самого автора, его ситуации и творчества, становясь тогда самоиронией (ср. Sławiński et al. 221–222). Виктор Пигулевский пишет, что

герой для иронизирующего – своего рода козел отпущения. Понятно, что чистый или архетипичный иронизирующий – это Бог. Он иронизирующий *par excellence*, потому что он всеведущий, всемогущий, трансцендентный, абсолютный, бесконечный и свободный. Архетип жертвы – это *per contra*, человек, скованный временем и пространством, слепой, случайный, ограниченный и несвободный, к тому же самоуверенный и не подозревающий обо всей сложности своего положения. Допущение метафизического основания, которое известно зрителю и которое неведомо герою, означает, что суть иронического образа действия всегда одна и та же – противоречие скрытого замысла и самонадеянной неосведомленности, поэтической мысли и целенаправленных устремлений характера (Pigulevskij, электронный ресурс).

Именно с учетом такого „скрытого замысла” Григорьев решил показывать свой мир, в котором его лирический герой всегда чувствует себя беспокойным. Стоит здесь привести точку зрения Александра Житенева, считающего, что

восприятие мира в таком ключе – характерная черта позднеавангардной традиции, но в еще большей степени – литературы советского андеграунда. Для этой традиции, возникшей и развивавшейся в ситуации остановившегося времени, косность действительности казалась абсолютной. Закономерно, что одной из самых распространенных форм авторского поведения в этой связи оказывалось юродство, „наоборотная”, маргинальная логика (Žitenev 40).

Нельзя забывать, однако, что поведение „поплавка-юродивого” было Григорьеву навязано сверху. Он хотел быть нормально развивающимся человеком, а стал „безотказным сигнальщиком”. Когда его выкинули из Академии Художеств, а потом сослали, как Бродского за тунеядство, в Вологодскую область, он начал искать утешение в алкоголе. Глубокую скорбь показывают строки монологического стихотворения *Слезы*:

Горькие, длинные слезы из глаз по щекам на плечи,
 Как парафин из свечек,
 Каплют,
 Пол протыкают.
 Соседи внизу визжат –
 Слезы мои черепа им насквозь прожигают.
 [...]
 Человек в моей голове поселился,
 Двигает мебелью, кашляет и ругается.
 Ходит из угла в угол по комнате,
 Голова моя из стороны в сторону качается.

И травлю его спиртом и кокаином,
 Выкуриваю гашишем и табаком.
 А он опрокидывает на пол ящики с инструментами
 И вбивает гвозди в затылок молотком.

(Grigor'ev 213)

Лирический герой *Слез* словно перекликается с лирическим героем поэмы Есенина *Черный человек*. И у Григорьева, и у Есенина читатель чувствует терзающий поэтов страх. Если обратим внимание на слова: „Человек в моей голове поселился” (у Григорьева) и на фразу: „Черный человек / Глядит на меня в упор” (Esenin 460), то увидим, что лирический герой уступает место ролевому герою. Как утверждает Евгений Тарланов,

в обличье героя ролевой лирики изображаются различные культурно-исторические типы сознания, порою резко отличные от собственно авторского. Если лирический герой находится в сложных и неоднозначных отношениях с личной биографией поэта, то герой ролевой лирики, как правило, не имеет с реальным жизненным опытом автора ничего общего; [...] герой ролевой лирики, всегда появляется в стилизованных ситуациях, являющихся плодом сугубо авторского воображения (Tarlanov 61).

В контексте вышесказанного видим, что Григорьев, как и раньше автор *Черного человека*, решил поделиться со своими читателями „соображением” об окружающем его мире, в котором появляются злые субъекты, мешающие нормально и спокойно жить. Все это напоминает творческую судьбу Есенина, пытающегося свои страхи также лечить алкоголем.

„Стихи Григорьева, – считает Яснов, – можно назвать высокой поэзией низкого быта” (Āsnov 2015: 16). Его стихотворная форма, которую составляют частушки, лимерики, эпиграммы, анекдоты, близка к новому городскому фольклору с характерным для него черным юмором.

Современный городской фольклор включает в себя как традиционные жанры фольклора, адаптированные в современном городском обиходе, так и собственно городские тексты, распространяющиеся в двух формах: устной и письменной. [...] Современный городской фольклор – явление синтетическое. Он не существует в виде текстов „чистого” репертуара. Здесь устная словесность не отделяется от атрибутики, которая сопутствует бытованию тех либо иных фольклорных жанров. Так, фольклорная поэзия неотъемлема от оформления и содержания рукописных альбомов, включает арготизированную речь и связана с обрядами посвящения (например, у солдат, альпинистов, заключённых, подростков и др.) (Priemko et al. 5, 8).

Григорьевская поэзия пользовалась популярностью и среди детей, и среди взрослых, нередко не имевших понятия о том, что цитированные стихи, со своей ритмической организацией, точными рифмами, особой музыкальностью, способствующей их запоминанию, имеют самобытного автора. Анна Леухина подчеркивает, что

большая часть стихов Олега Евгеньевича не была отредактирована: если стихотворение было написано и потеряно, Григорьев просто записывал его по памяти в том виде, в котором вспоминал (часто на обрывках, клочках бумаги, на наволочках). Это напоминает фольклорные тексты, которые обладают обилием разночтений, версий, порожденных

многочисленными исполнителями этих текстов, и варианты эти рассматриваются как равноценные. [...] По сути, „черновая”, или „черновиковая”, художественная стратегия становится яркой особенностью литературного примитивизма (Leuhina 173).

Здесь стоит задать вопрос относительно подхода к личному творчеству, на которое имел влияние стиль жизни самого Григорьева. Может, стоит назвать поведение поэта примитивным? А может, это, как утверждает Леухина, стремление сблизиться с примитивистским искусством? В этом контексте необходимо обратить внимание на разновидность понятий „примитив” и „примитивизм”. Наталья Федотова, в статье *Примитивизм: к вопросу о понятии*, ссылаясь на Андрея Кофмана, объясняющего эти термины, пишет:

Если примитив, существующий за пределами „верхней”, элитарной культуры, [...] это спонтанное искусство, не знающее стилизаторства, отражающее единственно возможную ориентацию художника, то примитивизм создается исключительно в сфере учено-артистического профессионализма и является одним из модусов самовыражения художника, который он выбирает сознательно, преследуя решение определенных задач. В последнем случае неизбежен момент стилизаторства. В самом же общем смысле примитивизм – это „апология нецивилизованного сознания и бытия средствами искусства” (Fedotova 210).

Григорьев, в свете сказанного, является поэтом, который преднамеренно подбирал языковой материал, с целью обрести заранее придуманный эффект. Даже если небрежно записанный текст терялся, то, со временем, вспоминая его, автор умел точно воссоздать ранее придуманное. Это свойство позволяет связать его поэзию с примитивистским искусством. Подходящим примером такой „черновой”, „примитивистской” поэзии и „народной” популярности является, наверно, наиболее известное стихотворение „про электрика Петрова”, вошедшее в городской фольклор:

Я спросил электрика Петрова:
– Для чего ты намотал на шею провод?
Ничего Петров не отвечает,
Висит и только ботами качает.
(Grigor'ev 171)

Здесь читатель имеет возможность проследить специфический подход Григорьева к действительности, которую фокусирует с помощью черного юмора. Пытаясь объяснить это понятие, Наталья Шмелева пишет, что „многие ученые при исследовании этого феномена вообще избегали его определения и характеризовали черный юмор как шутки человека, находящегося в безвыходном положении. [...] «Черный юмор», наряду с циничным прятием и борьбой, является способом реагирования на зло и абсурдность жизни” (Šmeleva 210).

Приведенное в качестве примера четверостишие является своеобразной игрой с читателем в слова и в смыслы, ведущейся затем, чтобы показать ему бессмыслицу и абсурд зрелого советского застоя, который привел людей к нигилистическим настроениям. Распространенный вместе с другими, т. н. детскими страшилками, лаконичный стишок пропитан сарказмом и черным юмором, и он отнюдь не имеет комической подоплеки. Отвратительность и ужас положения, в котором оказался поэт, заставили его затрагивать самые щекотливые струны человеческой моральности. Он, наподобие постмодернистского искусства, не намерен отгораживаться от эпатажа:

Девочка красивая
В кустах лежит нагой.
Другой бы изнасиловал,
А я лишь пнул ногой.
(Grigor'ev 155)

Дело в том, что Григорьев шокирует ситуациями, не придуманными, а взятыми из советской действительности. Он спустился на самое дно социальной жизни, в которой не только является наблюдателем, а также участником, своего рода выступающим на сцене актером. Григорьев обладает драматургическим талантом, которым пропитана его поэзия. Заметно это хотя бы в стихотворении *Яма*, которое, по словам Татьяны Светашёвой,

представляет собой драматизированный диалог, построенный на приеме синтаксического параллелизма. Финал обманывает ожидания читателя, нарушает поведенческий шаблон, в нем скрыта ирония, требующая от незрелого адресата способности к самостоятельной этической оценке: – Как голова? / – Цела. / – Значит, живой? / – Живой. / – Ну, я пошел домой! (Svetašëva 39).

Григорьев старается в каждой строчке подчеркнуть, что его лирический герой является истинным участником повседневной, напоенной дешевым портвейном жизни ленинградских бомжей, беспризорников и проституток. Поэт живописует эту кошмарную утопию со специфической, иногда веселой, иногда грустной улыбкой, которая чаще всего в своей безнадежной или иронической интонации не отражает никакого юмора. Улыбка неоднократно просто вынужденная:

Был праздник с весельем и танцами,
Потом разодрался народ,
Во время драки мне пальцами
До ушей растянули рот.
(Grigor'ev 164)

Михаил Лурье, задерживаясь над темой идеологического наполнения такого рода произведений, убеждает, что „присутствие в садистском стишке разрушительного иронического начала, обращенного, в частности, и на социальные, культурные, идеологические приоритеты своего времени, кажется вполне очевидным” (Lur’e 291). Таким же способом отражал окружавший его мир Венедикт Ерофеев, охотно использовавший гоголевский „смех сквозь слезы”. Григорьевское лирическое „Я” словно входит в роль пассажира на трассе Москва-Петушки:

– Я гном
Ростом с дом.
Облака плывут вроде льдин.
Кругом люди – а я один.

– Я великан
Со стакан.
Тоже совсем одинок –
Среди чемоданов и ног.
(Grigor’ev 140)

В известной поэме Ерофеева пассажиры старались вести важные дискуссии на тему высокой культуры, в том числе литературы, которая в жизни русского человека всегда играла важную роль. Автор *Москвы-Петушки*, как каждый писатель, мечтал о том, чтобы своим творчеством вписаться в ряды самых лучших творцов. Боялся, что алкоголизм навсегда перечеркнет эти мечты, бросая его на дно, „среди чемоданов и ног”. Подобное можем встретить и у поэтов, для которых примером творческого величия в России являются Пушкин или Лермонтов. Каждый литератор думает о том, чтобы создать свой „памятник нерукотворный”. Говоря о великих романтиках, невольно обращаем внимание на тему их отчуждения от общества и связанное с этим чувство одиночества. У Григорьева эта мысль тоже появляется, словно напоминание уединения героев автора *Медного всадника*. Примером может послужить четверостишие *Как проходняк квартира*, в котором поэт вспоминал перенаселенные ленинградские квартиры. Попытка выбраться из такой типичной коммуналки, ставшей трагифарсом русской соборности, жажда выбраться наружу из притесняющей серой толпы, стали частым мотивом его поэтических высказываний:

Как проходняк квартира,
Но не иду я ко дну.
Один на один с миром
Честную веду войну.
(Grigor’ev 156)

Григорьев в своем окружении не замечал всеобщности. Не верил в политические лозунги, на которых слова, говорящие о братстве и любви были лишь пустыми символами. Поэтому с помощью иронии решил бороться с абсурдной советской действительностью, что оказало определенное, отрицательное влияние на доступ его книг к читателям. При его жизни вышли всего три сборника его детских стихотворений: *Чудаки* (1971), *Витамин роста* (1981) и *Говорящий ворон* (1989) – все в издательстве „Детская литература”. Но уже в этих сборниках нашлись стихи, которые восторженно полюбили взрослые, но которые вызвали интерес к автору у представителей органов безопасности и породили одновременно проблемы с издателями. Ярким примером такого произведения является замечательное четверостишие *В клетке*:

– Ну, как тебе на ветке? –
Спросила птица в клетке.
– На ветке – как и в клетке,
Только прутья редки.
(Grigor'ev 41)

Как справедливо замечает Олег Юрьев, стихи „«детские» могли быть напечатаны, «взрослые» – ни при каких обстоятельствах”, и нельзя „отделять одно от другого” (Ūr'ev, электронный ресурс). Татьяна Светашёва, сосредоточиваясь на этой проблеме, подчеркивает, что

стремление опубликовать написанное побуждало авторов маркировать свои произведения как детские, в то время как в действительности ожидаемый круг адресатов не ограничивался лишь детской аудиторией [...] что подтверждает тезис о размывании границ между „детскими” и „взрослыми” стихами авангардистов в условиях ограничения свободы печати (Svetašëva 37).

Такой способ мышления об издательских шансах невольно отсылает нас к сочинителям детских стихотворений: Даниилу Хармсу, Николаю Олейникову и Александру Введенскому. „В 1950–70-х гг., – продолжает рассуждать Светашёва, – поэты-неоавангардисты возрождают традиции футуристов и обэриутов, восприняв от них поэтику примитивизма и инфантильного письма, тяготение к иронии и игре” (Svetašëva 37). В контексте Григорьева более значительное место играет ОБЭРИУ (Объединение Реального Искусства) – ленинградская группа писателей и деятелей культуры, в которую в 30-х годах XX века входили наряду с вышеупомянутыми Хармсом, Олейниковым и Введенским, Николай Заболоцкий, Константин Вагинов, Юрий Владимиров, Игорь Бахтерев, Борис Левин и др. „ОБЭРИУ было авангардом, не только догадывавшимся о наступлении тоталитарной культуры, но

вынужденным себя с ней так или иначе (негативно, полемически, иронически) соотносить: ситуация более чем типичная для авангарда 1950–1960-х годов” (Lejderman, Lipoveckij 391–392). Григорьев, однако, отличался от обэриутов, что подчеркивает Бондаренко: „Те формировали эстетику абсурда, а Григорьев жил этой эстетикой и по-другому не мог. Жил, по-русски, сжигая себя, этим согласовывая свои абсурдистские стихи и свою абсурдную жизнь” (Bondarenko, электронный ресурс). Разделяет такую точку зрения также Яснов, который в поэзии Григорьева видит обнаженную „низовую эстетику ее реальности” (Âsnov 2015: 12). Сам Григорьев свои связи с обэриутами запечатлел в стихотворении *На отшибе*. Сделал он это в контексте своего „лечения” в психиатрической больнице, описывая это событие в типичном для себя стиле:

На отшибе, неприличный,
Здесь за Пряжкой-рекой,
Сумасшедший дом кирпичный
Нарушает мой покой.
[...]
Хармс погиб в пустыне этой,
В склеп живых сюда сойдя,
Живописцы и поэты...
Вот сподобился и я.
(Grigor'ev 227)

Имея в виду стихотворения для детей, необходимо подчеркнуть, что Григорьева не интересовал дидактический взгляд взрослого, склонявшегося к ребенку. В детях он замечал мудрое умение воспринимать мир таким, как он есть, без всякой фальши, в настоящих его оттенках. Острый взгляд маленьких людей отождествлялся у поэта с черным юмором, который в сочетании с иронией позволял ему затрагивать „взрослые” темы.

Традиция русского „черного юмора”, – подчеркивают Светлана Козлова и Александр Кулапин, – угасшая вместе с обэриутами, возродилась в 1960–70-е годы в фольклорной форме детских садистских частушек, в которых нашло отражение общее мироощущение, сложившееся к середине XX века, в катастрофах которого были нарушены онтологические и духовные основания человеческого существования (Kozlova, Kulâpin, электронный ресурс).

Примером григорьевских раздумий на тему фундаментальных принципов бытия является построенный на ироническом обыгрывании дидактического подхода к детям стишок *Магнитное поле*:

Однажды Сережа и Оля
Попали в магнитное поле.

Напуганные родители
Еле их размагнитили.
(Grigor'ev 72)

Как утверждает Марина Новицкая, „вся система аллюзий «садистских стишков» второй половины XX в. осмысляет трагические противоречия современной действительности как следствия тотального господства лжи и «двоемыслия»» (Novickaâ 103). В случае процитированного четверостишия, черно-юмористический сюжет с примесью построенного на грани сатизма повествования о попавших в беду детях и встревоженных этим фактом их родителях, на самом деле не касается темы угрозы, которую может нести современная техника. Суть вопроса составляет тема секса и связанного с ним полового „притяжения”, так неохотно поднимаемая в официальной литературе Советского Союза. Интересно пишет о проблеме воспитания детей Анастасия Губайдуллина:

Поведение детей и взрослых сходится в отсутствии личной ответственности. Однако если взрослые подходят к ситуации с определенными требованиями и пытаются найти нарушителя, не соблюдающего эти требования, то ребенок не воспринимает ситуацию анархии как общественное нарушение (детям не за что брать ответственность) (Gubajdullina 84–85).

Григорьев самым обычным способом, как в детском восприятии мира, умеет максимально приблизить своего героя к реальности. С иронией он обыгрывает самые серьезные темы, о которых с энтузиазмом говорила советская власть. В образной и типичной для себя краткой форме поэт обращает внимание на тему космической гонки, которая велась между США и СССР:

Я в луже стою босиком на Луне,
Не нужно скафандра для этого мне.
(Grigor'ev 89)

Другим двустушием, которое могло вызвать негодование властей, являются строчки:

Дорожных знаков так много,
Что пустует эта дорога.
(Grigor'ev 148)

Евгений Евтушенко, посвятивший Григорьеву стихотворение *Гвозди и люди* и в своей антологии *Десять веков русской поэзии* главу *Поэт в стиле „баракко”* проинтерпретировал процитированные слова ленин-

градского стихотворца как лозунг о „безадресной дороге к коммунизму”. Известный шестидесятник написал, что „Олег Григорьев оказался достойным наследником, и его стихи как исторические документы помогают понять, почему все-таки рухнул Советский Союз” (Evtušenko, электронный ресурс).

Григорьев действительно вел свою тихую войну с тоталитарной системой, зная, что она раньше или позже его раздавит. Проблемы у андеграундного поэта, как считает Яснов, появились в момент публикации его второй книги *Витамин роста*.

Причиной начальственного гнева был вовсе не „черный юмор”, как быстренько окрестили его стихи, – черный юмор эта братия съела бы и не поморщилась, как бы за ним не стояла живая пародия на то, чему служили верой и правдой апологеты системы. А такое не прощают (Âsnov 2008: 513).

Ощущая нарастающий вокруг него гнев органов безопасности, поэт делился с читателями своих стихов для детей чувством угнетающего страха:

– Чего ты трясешься?
Ты, видимо, трус.
Разве можно бояться коров?
– Я не трус, я не трус,
Я коров не боюсь,
А боюсь только их рогов.
(Grigor'ev 47)

В стихотворениях адресованных взрослым коровьи рога получают уже свое наименование. Говорят об этом строки произведения *Смена шкур*:

Че КА,
ОГПУ,
НКВД, КГБ,
МВД,
МГБ,
Ке Ге Бе...
Сижу и дрожу я в трубе.
(Grigor'ev 211)

Вскоре, как это четко определил Житенев, появляется в жизни Григорьева „случай, когда субъективная интерпретация и оценка реальности радикально расходится с ее объективной трактовкой и оценкой” (Žitenev 41). Литературовед имел в виду четверостишие, в котором лирический герой точно предугадал свою судьбу:

С бритой головою,
В форме полосатой,
Коммунизм я строю
Ломом и лопатой.
(Grigor'ev 209)

Когда в 1989 году Григорьева в очередной раз арестовали, в судебном процессе роль общественного защитника от имени ленинградской писательской организации взял на себя поэт и прозаик Александр Алексеевич Крестинский. Он тогда сказал:

Олег Григорьев – поэт люмпенизированного российского мира, в котором стерлась граница между зоной и свободой, между тюрьмой и не-тюрьмой, между птицей в клетке и птицей на ветке. Когда захотят изучить и понять процесс нашего нравственного одичания – прочтут Григорьева, и многое станет ясно... (ссылка вслед за: Åsnov 2008: 510).

Крестинский понимал и верил, что люди узнают кто такой Олег Григорьев только в будущем, когда наследие поэта без каких-либо ограничений цензуры попадет на книжные полки. При жизни Григорьева людям не дано было проникнуть в его поэтический мир. Понимал это он сам, что также подтверждают строки метафорического стихотворения *Прометей*, которое может являться своеобразным завершением творческого пути поэта:

Украл у богов факел!
Принес людям свет.
А люди по норам попрятались,
Никого как бы нет.

Только из тьмы камни
Градом летят в меня;
Однако крепко руками
Держу я букет огня.

Людам меня видно,
А мне их нет;
За них мне немножко стыдно,
Ведь несут-то я им свет.
(Grigor'ev 218)

Из вышесказанного вытекает один вывод. Творческая биография Олега Григорьева никаким способом не могла войти в официальное русло русской поэзии. Его пропитанные острой иронией, сарказмом, черным юмором стихотворения, описывающие скверную советскую действительность, могли прозвучать лишь в подполье. Стал он настоящим андеграундным поэтом, известным при жизни в основном знатокам андеграундного искусства.

Библиография

- Âsnov, Mihail. „Čelovek zony. Priloženîâ”. Grigor'ev, Oleg. *Vinohranitel': Stihotvorenîâ*. Sost., poslel. i materialy k komment. Mihaila D. Âsnova. Il. Aleksandra Olegoviča Florenskogo. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Vita Nova, 2008.
- Âsnov, Mihail. „Vsled uhodâšej èpohe. Vstupitel'naâ stat'â”. Grigor'ev, Oleg. *Ptica v kletke. Stihi i proza*. Sostavlenie i vstupitel'naâ stat'â Mihail D. Âsnov. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2015.
- Bahtin, Mihail. *Problemy poëtiki Dostoevskogo*. Moskva, Russkie slovari. Âzyki slavânskoj kul'tury, 2002.
- Bondarenko, Vladimir. *Pokolenie odinoček. Po adskim krugam Olega Grigor'eva*. Web. 06.09.2019. https://www.e-reading.club/chapter.php/1036056/16/Bondarenko_-_Pokolenie_odinoček.html.
- Esenin, Sergej. *Stihotvorenîâ i poëmy*. Sostavlenie i vstupitel'naâ stat'â Alekseja Kozlovskogo. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1982.
- Evtušenko, Evgenij. *Poët v stile «barakko»*. 2008. Web. 10.09.2019. <https://newizv.ru/news/culture/27-06-2008/92802-poet-v-stile-barakko>.
- Fedotova, Natal'â. „Primitivizm: k voprosu o ponâtii”. *Gramota*, nr 12 (26), 2012, č. 1, s. 209–214.
- Grigor'ev, Oleg. *Ptica v kletke. Stihi i proza*. Sostavlenie i vstupitel'naâ stat'â Mihail Dmitrev Âsnov. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2015.
- Gubajdullina, Anastasiâ. „Deontologiâ detstva v lirike Olega Grigor'eva. Russkaâ literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog”. Vypusk 8, *Deontologičeskie aspekty hudožestvennoj slovesnosti*. Red. Tat'âna Leonidovna Rybal'čenko. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2006, s. 78–93.
- Korčagin, Kirill, Denis Larionov. *Hrestomatiâ andegraundnoj poëzii*. Web. 11.09.2019. <https://arzas.academy/materials/1243>.
- Kozlova, Svetlana, Aleksandr Kulâpin. *Otcy i deti v mire «černogo ūmora»: D. Harms i O. Grigor'ev*. Web. 09.09.2019. <http://www.d-harms.ru/library/otci-i-deti-v-mire-černogo-yumora-harms-i-grigiryev.html>.
- Lejderman, Naum, Mark Lipoveckij. *Sovremennaâ russkaâ literatura. 1950–1990-e gody* (t. 2, 1968–1990). Moskva, Izdatel'skij centr „Akademiâ”, 2003.
- Leuhina, Anna. „Zaglavie-tekst: poëtika černovika v primitivisticheskikh tekstah”. *Gramota*, nr 2 (4), 2009, s. 172–174.
- Lur'e, Mihail. „Sadistskij stišok v kontekste gorodskoj fol'klornoj tradicii: detskoe i vzrosloe, obšee i specifičeskoe”. *Antropologičeskij forum*, nr 6, 2006, s. 287–309.
- Novickaâ, Marina. „Formy ironičeskoj poëzii v sovremennoj detskoj fol'klornoj tradicii”. *Škol'nyj byt i fol'klor: Učebnyj material po russkomu fol'kloru*. Red. Aleksandr Fedorovič Belousov. Tallinn, Taganrofskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut, 1992, č. 1, s. 100–123.
- Pigulevskij, Viktor. *Ironiâ i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu*. Rostov-na-Donu, Naučnoe izdanie „Foliant”, 2002. Web. 17.03.2020. http://www.urgi.info/urginfofiles/sites/pigulevskij-ironiya/01_paragraf_1-1.htm.
- Priemko Olga et al., red. *Sovremennyj gorodskoj fol'klor*. Minsk, Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2014.
- Sławiński Janusz et al., red. *Słownik terminów literackich*. Wrocław–Warszawa–Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1998.
- Šmeleva, Natal'â. „Ponâtie «černyj ūmor» i egofunkcional'no-stilističeskie osobennosti”. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniâ*, nr 8 (27), 2009, s. 210–212.

- Svetaševa, Tat'ána. „Igrovoj karakter detskoj poëzii russkogo neoavangardizma”. *Vesnik BDU*, nr 1, 2014, s. 37–40.
- Tarlanov, Evgenij. *Osnovy teorii literatury: analiz poëticheskogo teksta*. Moskva, Izdatel'stvo Ūrajt, 2019.
- Ūr'ev, Oleg. „Otstoânie. «Letnij den'» Olega Grigor'eva kak inicial'nyj tekst neslučivšejsâ literatury”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, nr 126, 2014, s. 279–288. Web. 07.09.2019. <https://magazines.gorky.media/nlo/2014/2/otstoyanie-letnij-den-olega-grigoreva-kak-inicialnyj-tekst-neslučivšejsya-literatury.html>.
- Wodziński, Cezary. „Jurodiwy. Portret niebywalca”. *Więź*, z. 3 (497), 2000, s. 89–104.
- Žitenev, Aleksandr. „Ėstetika i poëtika černogo ūmora: lirika O. Grigor'eva”. *Vestnik VGU*, nr 1, 2009, s. 39–42.

NEL BIELNIAK

Rosyjscy emigranci w miniaturach satyrycznych Arkadija Awierczenki

Russian emigrants in satirical miniatures
by Arkady Averchenko

Abstract. The transformations in Russian satirical literature conditioned by the difficult emigration situation were reflected in the works of Arkady Averchenko, one of the most significant satirists of pre-revolutionary Russia. In his short stories created in exile, the writer showed the problems and dilemmas that his fellow-countrymen had to face abroad, mainly in Constantinople and Prague. The feeling of homelessness, loneliness and uprooting that accompanied the emigrants constantly intensified the need for self-identification in a foreign culture, which was demonstrated in manifesting their national distinctiveness, confronting new customs and idealizing the Russian past. By immortalizing the mood, spiritual life and living conditions as well as a specific metamorphosis of Russian emigrants, Averchenko did not forget about their vices. Therefore, the short stories of the emigration period, in which the writer willingly combined elements of comedy and tragedy, were saturated with self-irony, pain and bitter reflection, skillfully hidden under the mask of humour and satire.

Keywords: Arkady Averchenko, first wave of emigration, refugee, humour, satire

Nel Bielniak, Uniwersytet Zielonogórski, Zielona Góra – Polska, n.bielniak@in.uz.zgora.pl,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5101-1629>

Arkadij Awierczenko był jednym z najbardziej znaczących satyryków przedrewolucyjnej Rosji, czego odzwierciedleniem są m.in. takie określenia jak król śmiechu czy rosyjski Mark Twain. I choć był on także dramaturgiem i krytykiem teatralnym, zasłynął głównie jako autor humoresek i opowiadań satyrycznych, które z równą przyjemnością czytali zwykli obywatele, jak i sam Mikołaj II. Jeden z pierwszych zbiorów jego opowiadań, zatytułowany *Веселье устрицы. Юмористические рассказы*, opublikowany w 1910 roku, doczekał się ponad dwudziestu wznowień, co bez wątpienia świadczyło o niezwyklej poczytności tego pisarza (zob. Ikitân 55; Spiridonova, źródło elektroniczne; Bondareva 14; Kasack 45). Tom ten był wyjątkowy także z tego powodu, że składał się wyłącznie z utworów wcześniej niepublikowanych na łamach powstałego w 1908

roku czasopisma „Satirikon” („Сатирикон”), którego redaktorem i stałym autorem był Awierczenko, o czym czytelnicy tego pisma mogli przeczytać w notce zamieszczonej 3 lipca 1910 roku w numerze 27 na stronie 11 (Nikolaev 21). Ten „tygodnik satyry i humoru” na rosyjskim rynku wydawniczym wyróżniał się wysokim poziomem. Zachęcało to do współpracy utalentowanych twórców, uprawiających różne gatunki i formy satyryczne, co przyczyniło się do odnowienia rodzimej tradycji satyrycznej. Sam redaktor naczelny tak oceniał w 1920 roku działalność „satirikonców”:

Моими товарищами по работе, ближайшими сотрудниками были: Тэффи, Арк. Бухов, Саша Чёрный, художники Радаков, Юнгер, изумительный художник-график и живописец Александр Яковлев, темпераментный, яркий, неожиданный, как ракета, карикатурист Ре-Ми – с такой блестящей гвардией можно было завоевать не только Россию, но и весь мир. Никто иной, как мои товарищи сатириконцы, подняли упавший, скитавшийся до того по задворкам портерных [русский] юмор – на недосягаемую высоту! (Milenko 2018b: 58)

Większość współpracowników czasopisma funkcjonującego od 1913 roku pod nazwą „Nowyj Satirikon” („Новый Сатирикон”), w tym także część wymienionych wyżej, zdecydowała się po jego zamknięciu przez władze bolszewickie w sierpniu 1918 roku na opuszczenie ojczyzny. Dzięki temu rosyjska literatura satyryczna zaistniała na emigracji jako zjawisko całościowe, choć jednocześnie znacznie się przeobraziła. Naturalną kolejną rzeczą tragiczne doświadczenia rewolucji i wojny domowej odcisnęły na niej swoje piętno. Dlatego też w pierwszych latach po przewrocie bolszewickim zdecydowanie nasilił się w niej pierwiastek publicystyczny, a miejsce czystego humoru zajęła ostra, aktualna satyra polityczna skierowana przeciwko nowemu reżimowi. Z czasem jednak tendencja ta osłabła, pisarze próbowali bowiem wskrzesić dawny dobroduszny humor. Coraz częściej także w utworach byłych satirikonców zaczęły pojawiać się nostalgiczne motywy (Averin, Karpov, Titarenko 273).

Podobne zmiany wyraźnie zaznaczyły się w także w twórczości Awierczenki, który początkowo udał się na zajęte przez białych Południe, a jesienią 1920 roku wraz z ewakuującymi się wojskami generała Piotra Wrangla przedostał się do Konstantynopola, gdzie spędził około półtora roku. Z kolei w czerwcu 1922 roku przybył do Pragi i mieszkał tam aż do śmierci w marcu 1925 roku. I choć czas spędzony przez humorystę na uchodźstwie był stosunkowo krótki, zdołał on nie tylko odwiedzić Bułgarię, Królestwo Serbów, Chorwatów i Słoweńców, Austrię, Republikę Weimarską, Litwę, Łotwę, Estonię, Polskę, Wolne Miasto Gdańsk i Rumunię (Milenko 2018a: 78), lecz także wydać liczne zbiory opowiadań i pamfletów (m.in. *Нечистая сила*, 1920; *Дюжина ножей в спину революции*, 1921; *Кипящий котел*, 1922; *Дети*, 1922; *Отдых на крапиве*, 1924; *Рассказы циника*, 1925). Zdaniem Mikołaja Kruka w utworach powstałych

[...] po roku 1917 można zaobserwować stopniową, ale wyraźnie rysującą się ewolucję od śmiechoterapii, mającej być ratunkiem dla pogrążonych w pesymizmie, poprzez śmiech-zapomnienie, śmiech przez łzy, aż do kpiny, ironii i szyderstwa. Niewinny humor ustępuje miejsca najpierw łagodnej ironii, a później pamfletowej złośliwości (Kruk 133).

Awierczenko, jako nieprzejednany wróg nowej władzy, wiele utworów poświęcił zarówno tematyce antysowieckiej, jak i wyśmiewaniu absurdów „sowdepowskiej”¹ rzeczywistości. Takie wątki można odnaleźć m.in. w tomie *Смешное в страшном* opublikowanym w 1923 roku w Berlinie. Pisarz, w pełni świadomy rozpaczliwej sytuacji panującej w ojczyźnie, zastanawia się, czy w takich okropnych czasach jest jeszcze miejsce na śmiech i humor. Dlatego też zbiorok otwiera *Извинение автора*, który zapytuje:

Не преступление ли – отыскивать смешное в страшном?

Не кощунство ли – весело улыбаться там, где следовало бы рвать волосы, посыпать пеплом главу, бить себя в грудь, и, опустившись на колени возле вырытой могилы, долго неутешно рыдать? (Awerčenko 2015: 5)

Awierczenko wierzy jednak w Rosję, w jej niezniszczalność i odrodzenie, jak też w terapeutyczną moc śmiechu, dlatego konstatuje:

Значит, смеяться можно.

Больше того, – смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с тоски повеситься на крючке от украденной иконы, или – весело, рассыпчато рассмеяться (Awerčenko 2015: 5–6).

Wśród zamieszczonych w tym tomie „szkiców nowej obyczajowości” („очерки нового быта”), by użyć określenia autora, można również odnaleźć opowiadanie pod znamienym tytułem *Тоска по родине*, w którym poruszony został jakże charakterystyczny dla twórców pierwszej fali emigracji motyw tęsknoty za opuszczoną Rosją, by przywołać tylko takie tytuły, jak *Тоска* (1920) i *Ностальгия* (1920) Nadieżdy Teffi, *Родина* (1924) Aleksandra Kuprina czy *Тоска по родине! Давно...* (1934) Mariny Cwietajewej.

Warto tu zaznaczyć, że Awierczenko, którego Ludmiła Ikitian postrzega jako „[x]художника сильной комической жилки [...], автора каламбуров, ироничных подтекстов, парадоксов, фарсовых ситуаций, остроумных диалогов и пр.” (Ikitân 55), w utworach powstałych na emigracji nieradko przeplata elementy komiczne z tragicznymi, co skądinąd było wyróżnikiem satyrycznej literatury emigracyjnej w ogóle (Mánovska 221–222). Stąd też w analizowanym opowiadaniu zbudowanym z dialogów pełnych niespójności i nieoczekiwanych

¹ Sowdepia (od akronimu oznaczającego sowiecki departament) to pogardliwe określenie, którym emigranci nazywali sowiecką Rosję (Figes 528).

zwrotów myśli, co daje komiczny efekt, jest też miejsce dla refleksji o niezwykle trudnym położeniu emigrantów, dobrze przecież znanym samemu autorowi. Dzięki temu spomiędzy wierszy wyłania się obraz rosyjskich uchodźców w Konstantynopolu, zagubionych i osamotnionych w obcym otoczeniu kulturowym. Dlatego też dodają sobie otuchy opowieściami o dawnych, lepszych czasach, które jednocześnie konfrontują z nowymi, nieprzyjaznymi realiami. Wspominkom sprzyja świąteczny czas Bożego Narodzenia, który uchodźcy spędzają stłoczeni w wieloosobowym pokoju w domu noclegowym. Ich niechęć budzi zwłaszcza dżdżysta pogoda: „Гнилая константинопольская погода. С неба падают редкие капли скудного дождя, будто кто-то сверху брызгает облысевшим кропилом” (Averčenko 2015: 76). Diametralnie różni się ona bowiem od aury zazwyczaj panującej w tym okresie w Rosji. Dlatego też mieszkańcy noclegowni początkowo przywołują wizje zasypanej śniegiem Moskwy, silnych mrozów, skrzypiących sań i dzwoneczków przy końskiej uprzęży. Później zaś, przekonani o wyższości wszystkiego, co rosyjskie, wspominają m.in. czyste, błękitne niebo i cudowne rosyjskie zapachy. Oczywiście Awierczenko w typowy dla siebie sposób ukazuje predylekcję rosyjskiej diaspory do powracania „do przeszłości, której nie było – do przeszłości, która nigdy nie była ani tak dobra, ani tak «rosyjska», jak ją wspominali emigranci” (Figes 534). Prozaik wprowadza bowiem do wypowiedzi bohaterów zmiany naruszające logiczny bieg myśli, które poprzez swą kuriozalność nie tylko zwracają uwagę czytelnika, lecz także pozwalają spojrzeć na zagadnienie z nowej perspektywy (Ikitân 62):

– У нас в Москве и сирень пахнет лучше, чем где. Я раз в Петровском парке так-то вот под сиренью сидел, вдыхал это самое... Вдруг двое выскочили: „Скидывай, говорят, пиджак”... Чудесные ребята! Я бы с ними сейчас даже пива в Трехгорном выпил. Замечательные были времена.

– Что ж, отдал?

– Чего?

– А пиджак!

– Как же не отдать, если они враз за горло, тут и штаны отдашь! Ей-богу, доведись как теперь – то я бы сейчас все время под сиренью сидел и пиджаки им отдавал (Averčenko 2015: 78–79).

Konstantynopolskie doświadczenia i obserwacje posłużyły pisarzowi także za kanwę opowiadań zebranych w tomie *Записки Простодушного* opublikowanym w 1921 roku w tureckiej metropolii. Po dwóch latach w Berlinie ukazało się rozszerzone wydanie. Zmodyfikowany został tytuł, który brzmiał teraz *Записки Простодушного. „Я в Европе”. Турция, Чехо-Словакия*. Ponadto dodana została druga część, która zawierała miniatury wyrosłe z praskich przeżyć autora, a część pierwsza została wzbogacona o trzy nowe opowiadania: *Константинопольские греки, Утопленники* oraz *Дела*. W sumie w zbiorze znalazło się

trzydzieści jeden miniatur z życia rosyjskich uchodźców, przesyconych autoironią, bólem i smutkiem, zrećcznie ukrytymi pod maską humoru i satyry. Na to, że w centrum zainteresowania pisarza znalazły się bolączki emigracyjnej egzystencji, wskazywał podtytuł zamieszczony w pierwszym wydaniu: *О нашей жизни, терзаниях, приключениях, о том, как мы падали, подымались и вновь падали, о нашей безжалостной борьбе и о тихих радостях* (Averčenko 2018: 2).

Z kolei nowy, „egocentryczny”, jak go określa Olga Letka-Spychała, podtytuł *Я в Европе* uwidacznia nader istotny problem samoidentyfikacji pisarza i pierwszoosobowego narratora w obcej kulturze, przejawiający się m.in. w manifestowaniu odrębności narodowej (zob. Letka-Spychała 50; Želtova 207). Zachowanie tytułowego Prostopodusznego rzeczywiście cechuje skłonność do postrzegania otaczającego świata przez pryzmat opozycji swój – obcy, przybierającej formę stereotypów narodowych i etnicznych o silnym ładunku emocjonalnym. Poczucie tożsamości narodowej jest bowiem ściśle powiązane z autostereotypem i heterostereotypami. Autostereotyp jest obrazem własnym grupy, który powstaje na skutek sprowadzania rozmaitych przejawów życia narodowego do wspólnego mianownika. Bazuje na uogólnieniach podobieństw i cech wspólnych, a przy tym nie eksponuje odpowiednio różnic i podziałów istniejących wewnątrz wspólnoty narodowej. Na zasadzie typizacji i generalizacji kształtują się także pod postacią heterostereotypów obrazy innych wspólnot narodowych (Błuszkowski 16).

Awierczenko w poszukiwaniu źródeł rosyjskiego charakteru narodowego odwołuje się w przedmowie [*Предисловие Простодушного (Как я уехал)*] do ambiwalentnego obrazu folklorystycznego Iwana Głupiego, paradoksalnie łączącego głupotę i mądrość. Roman Szubin (nawiązujący do teorii Władimira Kolesowa) zauważa, że „русский дурак («специфическое русское понятие») «не дурак вовсе, поскольку на самом деле он – инверсия мудрецу», «дурак – это умный наоборот», поэтому стоит говорить *об особом русском уме*, а не о глупости дурака, «баловня трех С.» – счастья, судьбы и свободы” (Šubin 444). I tacy właśnie, w przekonaniu pisarza, byli na początku tułaczkiej wędrówki Prostopoduszny i jego rodacy: naiwni, ufni, nieco może idealistyczni i beztroscy. Jednakże z czasem, pod wpływem niekończących się rozczarowań, porażek i ciosów od życia rosyjscy emigranci przeobrażali się, przystosowywali do trudnych warunków, stawali się twardsi i sprytniejsi, ale czy były to zmiany na lepsze? – zastanawia się narrator w zakończeniu (*Заключение*) pierwszej części tomu:

Во всяком случае – умер Простодушный...

Доконал Константинополь русского Простодушного.

Целый ряд лет еще промелькнет перед нами... Но все эти годы уже будут обвеяны мудростью, хитростью и, может быть, – жестокостью.

Выковали из нас – благодушных, мягких, ласковых дураков – прочное железное изделие (Averčenko 2018: 122).

W podziale tomu na „cykl konstantynopolski” i „cykl czechosłowacki” kryje się także, jak się zdaje, stosunek Awierczenki do obu tych miast. Turecka metropolia, bardziej odległa kulturowo, była mniej przyjaznym miejscem dla emigrantów niż opisana w drugiej części Praga. Nastawienie pisarza znalazło wyraz w krótkich, acz treściwych opisach tych aglomeracji. W opowiadaniu *Благородная девушка* narrator konstatuje: „Вот тебе и Константинополь! А говорят – город продажных женщин и торгующих женщинами мужчин” (Averčenko 2018: 68). Natomiast nieco dalej w tym samym utworze czytamy: „Приветствую тебя, старый изможденный развратный мошенник – Константинополь!” (Averčenko 2018: 72). Z kolei w miniaturze zatytułowanej po prostu *Прага* pojawia się deskrypcja czechosłowackiej stolicy o zdecydowanie innym zabarwieniu: „О, прекрасная старуха, милая сердцу каждого художника, – думал я, – сколько веков копила ты свои каменные сокровища и как ты ревниво бережешь их, подобно скупому рыцарю...” (Averčenko 2018: 123). Na takie przyjazne nastawienie humorysty wpływ miała zapewne życzliwa polityka czechosłowackich władz, które nie tylko hojnie wspierały rosyjskich emigrantów, np. przyznając stypendia rosyjskim studentom, lecz także zachęcały wybitnych ludzi nauki, pisarzy, pedagogów i myślicieli do zamieszkania w ich kraju (zob. Figes 526–527; Tolstoj). Nie bez znaczenia były także osobiste doświadczenia Awierczenki, na którego po przyjeździe do Pragi na peronie czekali liczni wielbicieli oraz przedstawiciele miejscowej prasy (Egorova 138).

Natomiast źródła mniej przychylniej oceny tureckiej metropolii przez rosyjskiego twórcę kryły się najprawdopodobniej w innych okolicznościach. Turcja nie zapraszała bowiem na podobieństwo Czechosłowacji jedynie wybranych grup spośród uchodźców, lecz ze względu na swoje położenie geograficzne stała się głównym miejscem pierwszego schronienia rosyjskich emigrantów. W wyniku pięciu masowych ewakuacji z byłego Imperium Rosyjskiego na początku lat 20. XX wieku na terytorium Turcji znalazło się ok. 250 tysięcy uciekinierów: wojskowych i cywilów. I choć ich liczba stale się zmieniała, ponieważ zamożniejsi w krótkim czasie otrzymywali wizy i wyjeżdżali do Europy, to w Konstantynopolu wciąż pozostawały rzesze przede wszystkim słabo sytuowanych uchodźców. W konsekwencji miasto było przeludnione, brakowało pracy, mieszkań i żywności, ceny szalały (w 1921 roku ceny na podstawowe produkty spożywcze wzrosły o 1400% w porównaniu z przedwojennymi), pojawiło się także zagrożenie masowymi epidemiami (Škarovskij; Sabennikova 237–243; Ippolitov, Karpenko, Pivovar).

Wspomniane problemy wyraźnie zaznaczyły się w „осколках константинопольской жизни”, jak sam Awierczenko nazywa miniatury z pierwszej części omawianego tomu. Uchodźcom po zejściu na brzeg Galaty od razu rzucały się w oczy nieprzebrane tłumy rodaków, co humorysta utrwalił w zabawnym dialogu w opowiadaniu zatytułowanym *Первый день в Константинополе*:

На Пере среди грохота и гвалта меня остановила какая-то божья старушка – столь уже уместная тут, как цветочек незабудки в пасти аллигатора.

– Что вам, бабушка?

– Голубчик мой, а где ж тут турки?

– Которые?

– Да ведь это, чай, Турция.

– Чай, она.

– А чего ж турка ни одного нет? (Averčenko 2018: 13)

Nieprzypadkowo pojawiła się tu także nazwa dzielnicy Pera, gdzie umiejscowiona jest akcja wielu miniatur Awierczeni. Tam znajdowała się bowiem ambasada Imperium Rosyjskiego, a przy niej działały m.in. kwatera generała Wrangla, szpital oraz Rosyjski Czerwony Krzyż. W rezultacie Pera stała się centrum emigracyjnego życia:

Если кто желал что-нибудь узнать, навести справку, разыскать знакомого, найти или предложить работу, – все шли сюда со всех концов города. Обычным местом сбора был посольский двор, своего рода беспроволочный радио-телеграф и клуб. Здесь получались всевозможные сведения, невероятные слухи и распространялись отсюда с неправдоподобной быстротой по всему городу и „беженскому миру” (Ippolitov, Karpenko, Pivovarov).

Ponura emigracyjna codzienność w tureckiej stolicy została przez pisarza spetryfikowana m.in. w opowiadaniu *Язык богов*, które rozpoczyna się od charakterystyki warunków bytowych rosyjskiego uchodźcy:

Маленькая, грязная комнатка, с гримасой бешенства сдаваемая маленькой грязной гречанкой одному моему беззаботному знакомому.

Он слишком горд, чтобы признать отчаянное положение своих дел, но, зайдя к нему сегодня, я сразу увидел все признаки: вымытую собственными руками рубашку, сушившуюся на портрете Венизелоса, тарелку, на которой лежал огрызок ужасающей жареной печенки, с обломком семита, – отложенные в качестве ужина, грязная закопченная керосинка, с какой-то застывшей размазней в кастрюле (Averčenko 2018: 98).

Natomiast problem głodu, braku pracy i pieniędzy prześladowający białogwardzistów, którzy za kawałek chleba gotowi byli wykonać każde zlecenie, pojawił się niejako na marginesie w utworze *Оккультные тайны Востока*, którego bohaterem jest kontuzjowany pod Pierwozwanówką były kapitan pułku Markowa. Cywilni emigranci także przyjmowali każdą pracę, nawet tymczasową i najcięższą, za bardzo skromne wynagrodzenie. Byli arystokraci, generałowie, profesorowie, wybitni twórcy i aktorzy po utracie elitarniej pozycji teraz pracowali jako kelnerzy czy portierzy. Tę nową dla nich i niezwykle trudną sytuację prozaik zobrazował w następujących miniaturach: *Русские женщины в Константинополе*, *Русское искусство*, *О гробах, тараканах и пустых внутри бабах* oraz *Еще гроб*. Z kolei ci bardziej przedsiębiorczy, mający odpowiednie środki i wierzący w sukces,

otwierali lokale rozrywkowe: restauracje, kawiarnie, kluby lub zakładali gazety, co jednak, jak to zostało przedstawione w miniaturach *Аргонавты и золотое руно* oraz *Утопленники*, często kończyło się klęską.

Wrażenia wyniesione przez rosyjskiego humorystę z Konstantynopola i Pragi zaważyły, jak się zdaje, na jego wyobrażeniach o innych grupach narodowych. Heterostereotypy mieszkających w Konstantynopolu Turków i Greków, które można odnaleźć głównie w opowiadaniach *Еще гроб* i *Константинопольские греки*, uwypuklają przede wszystkim negatywne cechy przedstawicieli tych nacji. Grecy zostali zobrazowani jako skąpi ciułacze i wyrachowani oszuści wykorzystujący trudną sytuację Rosjan, Turcy zaś jako hałaśliwi handlarze. Takie właśnie postrzeganie, zdawać by się mogło, że od niechcenia, a w istocie bardzo celnie, uchwycił prozaik w pierwszym z wymienionych utworów:

В такие минуты любо беспричинно бродить по улицам, обращая умиленное внимание на всякий пустяк, попадающий в поле зрения: на турка, иступленно выкрикивающего свой товар; на деловитого грека, бегущего из харчевни с тарелочкой, на которой – горсточка вареного риса, возглавленного крохотным кусочком баранины; на фотографическую витрину с усатыми, толстоногими гречанками [...] (Averčenko 2018: 62).

Zdecydowanie inaczej sportretował Awierczenko mieszkańców Pragi w opowiadaniach *Прага*, *Чехи*, *Кнедлики* oraz *Самый страшный притон Праги*. Jego zdaniem, są to ludzie tak spokojni, kulturalni, poukładani i zrównoważeni, że nawet stałych bywalców najgorszej spelunki w stolicy wyróżnia uprzejmość, odczytanie i chęć niesienia pomocy obcym. Choć i w tym idealnym obrazie znalazły się rysy. *Ad exemplum* wspomnianą miniaturę *Чехи* otwiera panegiryczna niemal charakterystyka, która kończy się jednakże przekornym stwierdzeniem:

Нет на свете человека деликатнее и воспитаннее чеха...
Он ласков. Он заботлив. Он внимателен. Невозмутим. Всегда прекрасное расположение духа. Исключительно любит нас, русских.
Я никогда не видел, чтобы чех в обществе вышел из себя. А для меня нет ничего приятнее, как взвалить на свои плечи самую трудную задачу в мире. Поэтому я решил вывести чеха из себя... (Averčenko 2018: 128).

Jak się okazało, z równowagi wyprowadzić może mieszkańców Pragi tylko uszczypliwa uwaga o ich ukochanych knedlikach, co bardzo zaskakuje pisarza. Jednakże tak przyjazna praska rzeczywistość przy bliższym poznaniu zaczyna doskwierać rosyjskim emigrantom. Okazuje się bowiem, że Czesi, mimo swej słowiańskiej duszy, znacznie różnią się od Rosjan. Ich zamiłowanie do porządku, poszanowanie prawa i skrupulatne przestrzeganie przepisów regulujących relacje społeczne budzi sprzeciw Rosjan, którzy wszelkie normy i zakazy postrzegają jako ograniczenie ich wolności osobistej. Źródła takiego postępowania kryją się, zda-

niem Nikołaja Bierdiajewa, w rosyjskim charakterze narodowym, ukształtowanym przez nieogarnione rosyjskie przestrzenie, co nie tylko nie sprzyjało wypracowaniu w Rosjanach samodyscypliny i inicjatywy, lecz także zrodziło ich niechęć do zorganizowanego przypisywania wszystkiego do wyznaczonego mu miejsca, co leży u podstaw zachodnioeuropejskiego mieszczaństwa (Kiejzik 194–195).

Na zakończenie raz jeszcze podkreślmy, że przeobrażenia w rosyjskiej literaturze satyrycznej uwarunkowane trudną sytuacją emigracyjną znalazły także swoje odzwierciedlenie w twórczości Awierczenki. W miniaturach powstałych na wychodźstwie pisarz zawarł bowiem swoje obserwacje dotyczące problemów i dylematów, z jakimi zmagali się jego rodacy na obczyźnie. Towarzyszące emigrantom nieustanne poczucie bezdomności, osamotnienia i wykorzenia nasyliło potrzebę samoidentyfikacji w obcej kulturze, co przejawiało się w manifestowaniu swojej odrębności narodowej, konfrontowaniu z nowymi obyczajami i idealizowaniu przeszłości. Taka postawa bywała jednak nierzadko źródłem sytuacji tyle zabawnych, ile tragicznych, ponieważ na obczyźnie niektóre cechy rosyjskiego charakteru narodowego stawały się szczególnie widoczne.

W utworach napisanych po opuszczeniu kraju Awierczenko nie tylko utrwał nastroje, życie duchowe i warunki bytowe oraz swoistą metamorfozę rosyjskich emigrantów, lecz także ukazywał ich śmieszności, chętnie łącząc pierwiastki komizmu i tragizmu. Dlatego też w miniaturach prozaika okresu emigracji obok humorystycznych scen i zabawnych gier językowych zagościły na stałe autoironia i gorzka refleksja, a czytelników nie dziwiły takie lub podobne słowa, wieńczące miniaturę *Русское искусство*, pełne tęsknoty za utraconym życiem i jednocześnie lęku przed tym, co przyniesie przyszłość:

А мы сидели трое – кухарка, швейцар и я – и, сблизив головы, тихо говорили о том, что еще так недавно сверкало, звенело и искрилось, что блистало, как молодой снег на солнце, что переливалось всеми цветами радуги и что теперь залилось океаном топкой грязи. Усталые, затуманенные слезами глаза тщетно сверлят завесу мглы, повешенную Господом Богом... Какая это мгла? Предрассветная? Или это сумерки, за которыми идут ночь, одиночество и отчаяние? (Averčenko 2018: 37)

Bibliografia

- Averčenko, Arkadij. *Rasskazy cinika*. Moskva, Izdatel'stvo Dmitrij Sečin, 2015.
- Averčenko, Arkadij. *Zapiski Prostodušnogo*. Moskva, T8RUGRAM, 2018.
- Averin, Boris Valentinovič, Nikołaj Aleksandrovič Karpov, Svetlana Dmitrievna Titarenko, red. *Literatura russkogo zarubež'a (1920–1940)*. Sankt Peterburg, Filologičeskij fakul'tet SPBGU, 2013.
- Błuszkowski, Jan. *Stereotypy a tożsamość narodowa*. Warszawa, Dom Wydawniczy Elipsa, 2005.
- Bondareva, Alena. „Ave – čelovek smeušijsá!”. *Russkoe zarubež'e. Velikie sootečestvenniki. 100 sudeb russkoj èmigracii v XX veke*. Red. Nikołaj Aleksandrovič Aničkin. Moskva, Áuza – katalog, 2018, s. 13–17.

- Egorova, Nataliâ Sergeevna. „Tvorčestvo A. T. Averčenko v češskom literaturovedenii”. *Vestnik TGU*, nr 5 (121), 2013, s. 138–144.
- Figes, Orlando. *Taniec Nataszy. Z dziejów kultury rosyjskiej*. Przeł. Władysław Jeżewski. Warszawa, Wydawnictwo Magnum, 2011.
- Ikitân, Lûdmila Nodarievna. „Komičeskie èffekty v povesti A. T. Averčenko *Podhodcev i dvoe drugih*”. *Gumanitarnaâ paradigma*, nr 1 (8), 2019, s. 54–69.
- Ippolitov, Sergej Sergeevič, Sergej Vladimirovič Karpenko, Efim Iosifovič Pivovar. *Rossijskaâ èmigraciâ v Konstantinopole v načale 1920-h godov*. Web. 04.09.2019. <http://www.fedy-diary.ru/library-pages/auditorium-n-f-bugaj-20-50-e-gody-pereseleniya-i-deportacii-evrejskogo-naseleniya-v-sssr/s-s-ippolitov-s-v-karpenko-e-i-pivovar-rossijskaya-emigraciya-v-konstantinopole-v-nachale-1920-x-godov/>.
- Kasack, Wolfgang. *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku. Od początku stulecia do roku 1916*. Przeł. Bronisław Kodzis. Wrocław–Warszawa–Kraków, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1996.
- Kiejzik, Lilianna, red. *Niemarksistowska filozofia rosyjska. Antologia tekstów filozoficznych XIX i pierwszej połowy XX wieku. Część pierwsza*. Łódź, Ibidem, 2001.
- Kruk, Mikołaj. „Listy satyryczne Arkadiusza Awierczeni”. *Satyra w literaturach wschodniosłowiańskich III*. Red. Wanda Supa. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 1999.
- Letka-Spychała, Olga. „Obraz «człowieka prostodusznego» w twórczości Arkadija Awierczeni”. *Twórczość rosyjskiej zagranicy – satyra i memuarystyka*. Red. Tatiana Marczenko, Iwona Anna Ndiaye, Dmitrij Nikołajew. Olsztyn, Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej UWM, 2018, s. 49–56.
- Milenko, Viktoriâ Dmitrievna. „A. T. Averčenko v Belgrade: novye fakty i neizvestnye teksty”. *Gumanitarnaâ paradigma*, nr 3 (6), 2018a, s. 77–89.
- Milenko, Viktoriâ Dmitrievna. „*Nečto vrode lekcii o ùmore*: neizvestnaâ rukopis' A. T. Averčenko”. *Gumanitarnaâ paradigma*, nr 4 (7), 2018b, s. 48–63.
- Mânovska, Ioanna. „Parodijnyj pereskaz Don-Aminado ob èmigracii i èmigrantah”. *Studia Rossica Posnaniensia*, nr 39, 2014, s. 219–229.
- Nikolaev, Dmitrij Dmitrievič. „Rasskaz A. T. Averčenko *Bez počvy* i žurnal «Sketing-ring»: poëtika i kontekst”. *Gumanitarnaâ paradigma*, nr 1 (8), 2019, s. 18–31.
- Sabennikova, Irina Vâčeslavovna. *Rossijskaâ èmigraciâ (1917–1939): sravnitel'no-tipologičeskoe issledovanie*. Moskva–Berlin, Direkt-Mediâ, 2015.
- Škarovskij, Mihail Vital'evič. „Cerkovnaâ žizn' russkich emigrantov v rajone Konstantinopolâ i na Lemnose v načale 1920-h gg.”. Web. 04.09.2019. <https://radonezh.ru/analytics/tserkovnaya-zhizn-russkich-emigrantov-v-rayone-konstantinopolya-i-na-lemnose-v-nachale-1920-kh-gg-46606.html>.
- Spiridonova, Lidiâ Alekseevna. „Averčenko Arkadij Timofeevič”. *Russkoe zarubež'e. Zolotaâ kniga èmigracii. Pervaâ tret' XX veka. Ènciklopedičeskij biografičeskij slovar'*. Red. Valentin Valentinovič Šelohaev. Moskva, ROSSPÈN, 1997. Web. 26.09.2019. <https://lib.druzya.org/enciklopedia/view-emigrate.txt.full.html>.
- Šubin, Roman. „Obraz duraka v tvorčestve V. M. Šukšina”. *Rosja w dialogu kultur*. T. 2. Red. Bożena Żejmo. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2015, s. 443–454.
- Tolstoj, Ivan. „Zametki o russkoj Prage”. *Novyj Žurnal*, nr 251, 2008. Web. 06.09.2019. <https://magazines.gorky.media/nj/2008/251/zametki-o-russkoj-prage.html>.
- Želtova, Nataliâ Ūrievna. „Poëtika russkogo nacional'nogo haraktera v èmigrantskoj proze A. T. Averčenko”. *Vestnik TGU*, nr 8 (124), 2013, s. 205–209.

BARTOSZ OSIEWICZ

Ирония в поэзии Владлена Гаврильчика

Irony in Vladlen Gavrilchik's poetry

Abstract. This article is devoted to the analysis of irony in Vladlen Gavrilchik's lyrics, which belong to two directions in modern Russian poetry – “neo-primitive”, and “ironic, caricature-grotesque poetry”. Irony is one of the main literary techniques used by the Russian primitive poet. In the speech of Gavrilchik's characters there is a hidden living author's word, saturated with a hidden meaning. The recipient's ignorance of the irony will certainly lead to interpretative failures. Therefore, Gavrilchik the ironist addresses his poetry to a reader who understands his poetic jokes and ironic games. The article also shows that Gavrilchik depicts Soviet reality in an ironic manner; he ironically reinterprets also socialist-realist images, simultaneously mocking the founders of socialist-realist poetics.

Keywords: Vladlen Gavrilchik, irony, double meaning, modern Russian poetry, neo-primitive

Bartosz Osiewicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, osiebar@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2208-5386>

Российский литературовед и культуролог Михаил Эпштейн, создавая список „новых русских поэзий”, выделил 10 основных поэтических течений, среди которых оказались „неопримитив” и „ироническая, шаржированно-гротесковая поэзия” (Ėpštejn, электронный ресурс). Оба течения в современной лирике непременно связаны с именем Владлена Васильевича Гаврильчика (1929–2017), который в художественном слове использовал отдельные художественные приемы, характерные для этих явлений. Поэтическое наследие ленинградского художника-примитивиста – за исключением отдельных исследовательских попыток в виде немногочисленных научных статей и сообщений (Krejđ, электронный ресурс; Pazuhina 2017a, 2017b; Osiewicz) – практически не изучалось литературоведением. В советский период этому способствовали, в частности, маргинальное положение этого яркого представителя творческой богемы в тогдашнем обществе и сознательное существование Гаврильчика вне рамок официальной культуры, что сопровождалось системным игнорированием „нелепых до оторопи” сюжетов его

поэзии [так сказал о них Вадим Крейд – один из первых исследователей творчества питерского литератора (Krejđ, электронный ресурс)]. Возникшей лакуны не были в состоянии заполнить ни самиздатские [первый самиздатский авторский сборник Гаврильчика *Бляха-муха изделия духа* тиражом в три экземпляра был выпущен подругой поэта, занимавшейся, по его словам, „переплетным делом” (Gavril’čik M., электронный ресурс)], ни тамиздатские (Gavril’čik V. 1977) публикации поэзии классика ленинградского нонконформизма. В постсоветское время, когда путь Гаврильчика к массовому читателю стал открытым, чему, в свою очередь, содействовали официальные издания его произведений в области литературы (Gavril’čik V. 1994, 1995, 2004, 2005, 2008, 2009b) и изобразительного искусства (Prihod’ko; Gavril’čik V. 2009a), творческое наследие „инвалида «холодной войны»” (Val’ran, электронный ресурс) оказалось чуждым как литературному мейнстриму, регулируемому, в основном, законами рыночной экономики, так и современным энтузиастам массовой культуры, обошедшим вниманием „элитарную” примитивистскую лирику. В итоге, знаковая для литературного андеграунда фигура Гаврильчика и его творческое достояние все время нуждается в тщательном научном описании.

Рассматривая поэтическое творчество Гаврильчика в контексте двух вышеуказанных направлений в современной русской поэзии, особое внимание следует уделить иронии, являющейся как одним из основных литературных приемов, использованных поэтом-примитивистом, так и ярчайшим художественным методом, отражающим авторский способ мышления и восприятия мира. Гаврильчик – иронист и шутник по природе – в своей лирике играет новыми смыслами, пряча их под тонким слоем незакавыченных прямых значений. Таким образом, поэт оперирует литературной иронией, которая, как утверждает швейцарский литературовед Беда Алеманн, представляет собой вид дискурса, основанного на диссонансе между тем, что сказано, и тем, что хочется сказать на самом деле (Allemann 22), является „прозрачной” оппозицией, между буквальным и настоящим значением (Allemann 24, 36) или – как считает польская исследовательница иронии Агнешка Дода – „прозрачным контрастом между буквальным и настоящим смыслами” [перевод мой – В. О.] (Doda 2004b: 7). Итак, ирония, отличительной чертой которой – как совершенно справедливо замечает Джульетта Леоновна Чавчанидзе – является „двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый” (Čavčanidze 316), представляет собой фундаментальную категорию лирики ленинградского автора.

Одной из ярких особенностей поэтики Гаврильчика является удачная попытка создать новый тип поэтического героя; тип, базирующийся в основном на литературной традиции мастера сказа Михаила Зощенко, а также

виртуоза абсурда Даниила Хармса и сохраняющий отдельные черты своих первоисточников в новом родовом и жанровом контекстах. Между прочим, благодаря этому, поэзия ветерана ленинградского андерграунда вплотную примыкает к „неопрIMITиву”, который – как утверждает Эпштейн – использовал „детский и обывательский тип сознания для игры с самыми устойчивыми, близкими, поверхностными слоями реальности, поскольку все остальные метафизически неизвестны и поддаются идеологической подмене” (Ěřštejn, электронный ресурс). Она ориентируется тоже на поэтику „иронической, шаржированно-гротесковой поэзии”, которая – согласно Эпштейну – обыгрывает „трафареты повседневного образа жизни, абсурдизм существования «типичного» человека в «образцовом» обществе” и „работает с самой реальностью – на уровне не грамматического описания идеоязыка, а производимых на нем конкретных сообщений” (Ěřštejn, электронный ресурс).

Гаврильчик-иронист, предоставляя слово лирическому герою-рассказчику, с помощью его высказываний, говорит читателю совершенно другое, противоположное; дает ему понять, что в потоке речи его персонажа спрятано живое авторское слово, насыщенное настоящим скрытым смыслом. Такой способ прочтения художественного текста классика ленинградского андерграунда перспективен в случае ироничного стихотворения *Приснилось мне звериное лицо Америки...* Ироничными являются уже первые строки сочинения, послужившие ему заглавием, выражающие особенности его идейно-тематического плана и содержащие суть его смыслового концепта. Используя яркое, идеологически окрашенное выражение, поэт наводит фокус читательского внимания на смыслообразующий ряд оппозиций: свое – чужое, хорошее – плохое, советское – американское; оппозиций, на которых построена структура стихотворного текста Гаврильчика. Объектом деконструкции, проведенной автором, является стереотипное представление об Америке как идеологическом враге Страны Советов. Именно в таком ракурсе советское общество видело образ Америки, последовательно создаваемый и укрепляемый государственной пропагандистской машиной. Одной из ее многочисленных жертв является поэтический субъект стихотворения, проснувшийся от пугающего сновидения. У Гаврильчика *American Dream* под идеологическим давлением превращается в настоящий кошмар, закончившийся пробуждением спящего *Homo soveticusa*. Комический эффект достигается путем перечисления атрибутов советского быта, изображаемых в ироническом ключе авторской издевки. „Портрет Сталина”; „бутылка бормотухи на столе”; „клоп, по стенке держ<ащий> путь”; „вздохи унитаза” за дверью коммуналки; „мозолистые руки жены – ударницы труда”; „гайдаров и фадеевых творенья”, хранящиеся в домашней библиотеке (Gavril'čik V.,

электронный ресурс) – все это является неотъемлемой частью советской реальности и помогает лирическому субъекту стихотворения уяснить, где он на самом деле находится. Восклицание, завершающее стихотворение: „Товарищ Сталин, дома я. Мерси!” (Gavril’cik V., электронный ресурс), выражает чувство искренней благодарности, испытываемой персонажем Гаврильчика. Однако, что важнее, оно содержит в себе авторскую иронию, которая в качестве художественного приема и литературного метода представляет собой основу как этого, так и других стихотворений живописца-примитивиста.

Изучая ироническое поэтическое слово Гаврильчика, следует обратить внимание на категорию адресата, столь существенную в контексте размышлений об иронии. Поскольку ирония представляет собой коммуникативное явление, адекватное понимание художественного текста, согласно авторской интенции, невообразимо без идентификации иронии; идентификации, исключающей в дальнейшем возникновение недоразумений и ложных смыслов (Głowiński 8–9). Итак, игнорирование иронии реципиентом непременно приводит к интерпретационным неудачам. Этот факт касается, как иронического литературного творчества в целом, так и лирического наследия Гаврильчика в частности. Именно поэтому „ветеран ленинградского нонконформизма”, хотя и создавал свою примитивистскую поэзию в свободном акте творчества, то рассчитывал, однако, не на читателя, по умственному складу схожего с лирическими персонажами своих стихотворений, а на ценителя авторских шуток и иронических игр, происходящего из среды независимой интеллигенции советского периода. Такой читатель лирическую ситуацию упомянутого выше стихотворения *Приснилось мне звериное лицо Америки...* воспринимал не как данность, не как реальное описание действительности, а как противоречащее правде высказывание иронического характера, преследующее соответствующую идейную цель.

Слово героев Гаврильчика перенасыщено ироничной авторской интонацией; в нем запечатлены жест и мимика шута. Иногда расстояние между поэтом и созданным им персонажем сокращается до такой степени, что сам лирический субъект, вполне осознавая „двойственный” характер своих высказываний, становится *alter ego* автора, в идейном плане надевает его маску. Такого рода ситуация наблюдается в шуточном стихотворении *Шел по лесу. Присел по делу...*, в котором рассказана совершенно несообразная история, ставшая – в данном случае – поводом для „похвалы” советской реальности. (Кстати, этот прием наблюдается в поэзии Гаврильчика довольно часто; в качестве примера можно привести хотя бы стихотворение *Как-то будучи с похмелья...*, в котором наивный герой-рассказчик повествует о том, как покупая в аптеке пирамидон, неожиданно получил от девушки-фармацевта предложение записаться презервативом). Для лирического субъекта, обитаю-

щего в идеальном пространстве коммунистической утопии, где „солнце светит им. Ленина, Ордена Трудовой славы” и „веет Ордена Красного знамени ветер” (Gavril'čik V., электронный ресурс), даже процесс дефекации сопровождается чувством гордости, вызванным всеохватывающей пропагандой успеха в социалистическом соревновании. Все это заметно в оптимистичных и жизнерадостных по своему звучанию иронических строфах художественного текста, выдержанного в примитивистской манере:

Газету не мну: читаю сначала.
Вполне понятно мое волнение.
В каждой строчке сквозят успехи.
В каждой строке сквозит достижение.

Встал. Легко. И пошел со свистом.
Эх, хорошо-то как на свете!
Солнышко ласково греет и веет
Ордена Красного знамени ветер.
(Gavril'čik V., электронный ресурс)

Резкое неприятие реальности, в которой пришлось жить поэту и его персонажам, заметно и в шутовском, насыщенном автобиографическими мотивами стихотворении *Я карандаш с бумагой взял...* Как известно, Гаврильчик был талантливым поэтом-нонконформистом и одновременно одаренным художником-любителем. В одном из своих интервью в иронической манере поэт-живописец вспоминал юношескую страсть к изобразительному искусству и реакцию своих близких на его выбор: „Правда, мачеха очень возражала против моего увлечения [живописью – В. О.]. Она всегда говорила: «Владька, ты никогда не будешь художником. Все художники – пьяницы и прощельги». Славная была женщина, правильно оценила эту профессию” (Gavril'čik M., электронный ресурс). Несмотря на предостережения, поэт все-таки рискнул, выбрав холст, кисть, краски и путь сближения с ленинградской богемой. Поселившись в Северной столице, Гаврильчик часто навещал Дом художественной самодеятельности, расположенный на улице Рубинштейна. Там он познакомился с живописцами из творческой интеллигенции, „пьющими водку” и „рисующими голых баб” (Gavril'čik M., электронный ресурс). В круг его знакомых входили тогда, среди прочих, кубист Василий Полевой, ученики художника Павла Филонова, покровителя молодых талантов, – Левон Каценельсон и Михаил Цыбасов, Олег Григорьев, а также яркие репрезентанты московского авангарда – Илья Кабаков и Евгений Бачурин. Всех их спланивали дерзкое отрицание соцреализма и страстная любовь к независимому творчеству. Этот автобиографический опыт Гаврильчик использовал в своем ироническом,ходящем до сарказма, поэтическом слове:

Я карандаш с бумагой взял.
Рисую сиськи.
А мне кричат, япона мать:
Кончай, паскуда рисовать
Непомаркисьски!

А я им тихо говорю,
Что вдохновлением горю,
Что я говею.
Они мне тоже говорят,
Ответственностью что горят
И скрутят шею.
(Gavriľčik V., электронный ресурс)

В стихотворении „работника пера и кисти”, задуманном как воспроизводимый „диалог” двух противоположных лагерей, преобладает саркастический тон. Герой Гаврильчика твердо защищает позицию независимого автора, однозначно высказываясь о своих идейных противниках в области искусства, что выражается в иронично-саркастической интонации последних строчек стихотворения:

Меня партийное мурло
Хватает прямо за горло:
Рисуй трудящих!
А я в ответ – мол, я не раб,
И рисовать желаю баб
Живородящих.

Зачем комедию ломать -
Для сей державы рисовать?
Идите на ху!
[...]
(Gavriľčik V., электронный ресурс)

Иногда саморазоблачающийся герой-рассказчик Гаврильчика сам становится объектом изображения. Такая ситуация наблюдается в стихотворении *В ненастный день толпы среди*, датированном 1980 годом:

В ненастный день толпы среди,
Влача стопы свои устало,
Бредет старик, прижав к груди
Бутылочки с мочой и калом.

Да-с, тело – это не гранит.
Сосуд сей хрупок и непрочен.
Рубака старый семенит
Леченьем тела озабочен.
(Âvlenià Žizni, электронный ресурс)

Шуточно-ироническое отношение авторского героя-повествователя к персонажу стихотворения формулируется, между прочим, употреблением слов с иронической окраской („рубака старый”) и выражений, определяемых как вульгарные. Слово „рубака”, „обычно относящееся к кавалеристу” и обозначающее „храброго, отважного человека, мастерски владеющего холодным оружием” (Kuznesov 1130), у классика ленинградского нонконформизма характеризует надежного идейного коммуниста, который, несмотря на пожилой возраст и слабое здоровье, остается начеку:

Болеет грудь, болеет سراка,
Но в истине сомнений нет.
Душа его краснее рака
И в глазах бдительности свет.
(*Ávleniâ Žizni*, электронный ресурс)

С помощью вульгарной лексики поэт-примитивист рисует портрет „винтика в социалистической машине”, добросовестно выполняющего свой долг перед родиной. При этом он в ироническом авторском слове профанирует образы из известных произведений соцреалистической литературы, перед которой в сталинскую эпоху была поставлена задача „перевоспитания” людей и превращения их в единую послушную массу. На зкате дней генсека Леонида Брежнева, когда после успеха тамиздатских стихотворений Гаврильчика, опубликованных в литературном альманахе „Аполлон-77”, поэт создавал очередные шуточные иронические стихи, особо ощущалось напряжение между верой напоказ в „светлое будущее” и скрытой убежденностью в провале этой идеи. Поэтому появляющееся в стихотворении слово „бдительность”, в советскую эпоху склоняемое во всех падежах, употребляется в иронических целях. Смысл стихотворения Гаврильчика возникает вследствие противопоставления бинарных оппозиций: духа и материи. Моральной устойчивости противопоставляется хрупкость человеческой плоти: „Да-с, тело – это не гранит. / Сосуд сей хрупок и непрочен” (*Ávleniâ Žizni*, электронный ресурс). Более того, существенное значение имеет также смещение и слияние полярно противоположных компонентов, вызывающее комический эффект. Сфера идейности соединяется здесь с материальным началом, составляющим основу диалектического материализма, постулирующего первичность материи и являющегося философской основой коммунистической идеологии (ср. Tatarkiewicz 256), но оказавшейся столь „хрупкой” и „непрочной”, как и тело ее защитника.

Итак, ирония, сущностью которой – как справедливо утверждает Агнешка Дода – является „несоответствие между значением слова и интенцией, обрисованной контекстом” [перевод мой – В. О.] (Doda 2004a: 89), представ-

ляет собой центральную категорию поэтической системы Гаврильчика. Писатель и живописец пользуется в своей лирике, главным образом, „откровенной”, „явной” иронией (в терминологии Доугласа Цолина Муецке). В основе этого типа иронии, в отличие от „скрытой” и „личной” иронии, лежит ориентация на обнаружение и понимание реципиентом ее настоящего значения (Муецке 62). Для автора *Порнографической поэмы* ирония остается орудием в борьбе с советской реальностью и средством защиты от нее; инструментом, не столько исправляющим ее пороки, сколько делающим их более заметными и одновременно, благодаря использованию поэтической техники „кривого зеркала”, смешными. Поэт резко оценивает окружающий мир, превращая его в объект насмешки. Советскую реальность изображает в ироническом ключе; иронически переосмысляет также соцреалистические образы, попутно издеваясь над основоположниками соцреалистической поэтики. В высказываниях героев Гаврильчика, которых нельзя воспринимать всерьез, читатель, в свою очередь, легко может обнаружить авторский способ восприятия мира. Благодаря этому, Гаврильчик остается настоящим ироником, а это качество ощутимо в его лирике, живописи и даже метатекстах, которыми являются авторские интервью.

Библиография

- Allemann, Beda. „O ironii jako o kategorii literackiej”. Per. Maria Dramińska-Joczowa. *Ironia*. Red. Michał Głowiński. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 17–41.
- Čavčanidze, Džul'etta Leonovna. „Ironiâ”. *Literaturnaâ ènciklopediâ terminov i ponâtij*. Red. Aleksandr Nikolaevič Nikolûkin. Moskva, NPK Intelvak, 2003, s. 315–317.
- Doda, Agnieszka. „Ironia przeciw erozji wyobraźni”. *Powaga ironii*. Red. Agnieszka Doda. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004a, s. 79–98.
- Doda, Agnieszka. „Wstęp”. *Powaga ironii*. Red. Agnieszka Doda. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek, 2004b, s. 5–8.
- Èpštejn, Mihail. *Katalog novyh poèzij*. Web. 26.09.2017. <http://modernpoetry.ru/main/mihail-epshteyn-katalog-novyh-poeziy>.
- Gavril'čik, Mariâ. *Vladlen Gavril'čik*. Web. 13.03.2018. <http://www.sobaka.ru/city/portrety/18064>.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Âponskij Bog*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 1994.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Gerojskoe. Poëma*. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Krasnyj matros, 2005.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. „Iz knigi *Blâha-muha izdeliâ duha*”. *Apollon-77*. Red. Michel Chemiakine. Imprimé par les Arts Graphiques de Paris, Janvier 1977, s. 144–148.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Izdeliâ duha (Stihi i poëmy)*. Izd. podgot. i primeč. sost. L. Klemušina. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo A-Â, 1995.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Komedijnyj anbar"*: *sobranie sočinenij*. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Krasnyj matros, Nemirov, 2008.

- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Pogoda stoit petrogradskaâ: stih, poëmy, p'esy*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 2018.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Upražneniâ v užasnoj slovesnosti: stih, proza*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 2004.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Vladlen Gavril'čik*. Web. 26.02.2018. <https://lukomnikov-1.livejournal.com/587550.html>.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Vladlen Gavril'čik: živopis', grafika, ob"ekty. Katalog ûbilejnoj vystavki*. Sankt-Peterburg, Borej-Art, 2009a.
- Gavril'čik, Vladlen Vasil'evič. *Vpolgolosa* (audiokniga CD). Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Krasnyj matros, 2009b.
- Głowiński, Michał. „Ironia jako akt komunikacyjny”. *Ironia*. Red. Michał Głowiński. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 5–16.
- Krejč, Vadim. „O tvorčestve Vladlena Gavril'čika”. *Antologija novejšej rusckoj poëzii u Goluboj laguny v 5 tomah*. Red. Konstantin Konstantinovič Kuz'minskij, Grigorij L. Kovalev [*The Blue Lagoon Antology of Modern Russian Poetry*]. Red. Konstantin Kuzminsky, Gregory Kovalev]. Web. 26.02.2018. <http://www.kkk-bluelagoon.ru/tom4a/gavrilchik1.htm>.
- Kuznecov, Sergej Aleksandrovič et al. *Bol'soj tolkovyj slovar' russkogo âzyka*. Sankt-Peterburg, Norint, 2000.
- Muecke, Douglas Colin. „Ironia: podstawowe klasyfikacje”. Per. Grażyna Cendrowska. *Ironia*. Red. Michał Głowiński. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 43–74.
- Nemirov, Miroslav, Âvleniâ Žizni. *Vse o Poëzii: Bukva „G”*. Web. 10.09.2019. <http://old.guelman.ru/slava/nemirov/gavrilch.htm>.
- Osiewicz, Bartosz. „Neskol'ko slov o pervoj tamizdatskoj publikacii stihotvorenij Vladlena Gavril'čika”. *Przeгляд Rusycystyczny*, nr 3 (167), 2019, s. 157–171.
- Pazuhina, Kapitolina Igorevna. „Karnaval'nost' v poëzii V. Gavril'čika”. *Izvestiâ VGPU. Filologičeskie nauki*, 2017a, s. 148–151.
- Pazuhina, Kapitolina Igorevna. „Poëziâ V. Gavril'čika v kontekste gorodskogo fol'klora”. *Vostok – Zapad: Prostranstvo rusckoj literatury i fol'klora: Sbornik statej po itogam sed'moj Meždunarodnoj naučnoj konferencii (zaočnoj), posvâsennoj 90-letiju so dnâ roždeniâ D.N. Medriša. Volgograd, 15 dekabrâ 2016 g.* Red. Nadežda Tropkina. Volgograd, Volgogradskoe naučnoe izdatel'stvo, 2017b, s. 126–130.
- Prihod'ko, Gennadij. *Vladlen Gavril'čik/Vladlen Gavrylchik*. Sankt-Peterburg, Seriâ Avangard na Neve, OOO P.R.P., 2004.
- Tatarkiewicz, Władysław. *Historia filozofii*. T. 3. *Filozofia XIX wieku i współczesna*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2002.
- Val'ran, Valerij. *Vladlen Gavril'čik: delaû vam krasivo... Vladlen (ot Vladimira Lenina)...* Web. 29.06.2019. <http://borey.ru/publishing/vladlen-gavrilchik-delayu-vam-krasivo/>.

СВЕТЛАНА ЗАЙЦЕВА

Традиции Ильи Ильфа и Евгения Петрова и *Компромисс* Сергея Довлатова

Traditions of Ilya Ilf and Yevgeny Petrov and *Compromise* of Sergey Dovlatov

Abstract. The aim of the study is to investigate common motifs, characters, metaphors and plots in Sergey Dovlatov's *Compromise* and Ilya Ilf and Yevgeny Petrov's novels *The Twelve Chairs* and *The Little Golden Calf* using the structural and comparative-historical methods. In this case study *Compromise* is treated as the text, in which Dovlatov determines the underlying principle for reading the short stories contained in his *Compromise* collection in the context of the novels *The Twelve Chairs* and *The Little Golden Calf* by Ilf and Petrov. The results of the research are confirmed by the contextual study of Dovlatov's correspondence. This allows us to state that the novels of Ilf and Petrov are the subtext of Sergei Dovlatov's work. The article opens totally new and inspiring directions of Dovlatov studies, since no other scholars have ever turned their attention to the relationships between Dovlatov's works and the traditions of Ilf and Petrov.

Keywords: Ilf, Petrov, Dovlatov, plot, metaphors, motives

Светлана Зайцева, Московский государственный лингвистический университет, Москва – Россия, sveta_gallery@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4720-0873>

За восемь лет до рождения Сергея Довлатова Виктор Борисович Шкловский в статье *Юго-Запад* (1933) назвал Илью Ильфа и Евгения Петрова лидерами „южнорусской школы” и предрек сюжетному направлению в русской литературе блестящую будущность (Šklovskij 470–474). Многие годы Довлатов числился студентом-филологом Ленинградского университета (изучал финский язык) и, несомненно, был знаком с работами Шкловского. Ср.: „Чем объясняется факт идентичных литературных сюжетов у разных народов? По Шкловскому – самопроизвольным их возникновением. [...] Писатель [...] улавливает сигналы. Чувствительность к такого рода сигналам и есть Божий дар” (Dovlatov 2003: 205). На Шкловского обрушился шквал критики, но его прогнозы сбылись. В статье *Современная повесть и юмор* (1967) Александр Павлович и Мариэтта Омаровна Чудаковы возводили истоки молодежной

прозы оттепельного периода, тесно связанной с „отрицанием прежней фразеологии”, к романам Ильфа и Петрова (Čudakovy 222–232).

Культовый статус и рецепция романной дилогии *Двенадцать стульев* (1928) и *Золотой теленок* (1931) в творчестве современников и потомков Ильфа и Петрова пока еще не получили достаточного освещения в научной литературе. В электронной базе Российской государственной библиотеки зарегистрировано всего восемь диссертаций, связанных с творчеством Ильфа и Петрова. Основными работами остаются монографии 60-х годов Бориса Ефимовича Галанова, Лидии Марковны Яновской (Galánov; Ánovskáâ) и классические труды Юрия Константиновича Щеглова (Šeglov).

В свое время Сергей Гандлевский выявил „следы” Ильфа и Петрова в произведениях Владимира Владимировича Набокова (Gandlevskij), позднее Наталья Ильинична Фаликова нашла их в прозе Константина Вагинова, о чем был сделан доклад *К. Вагинов как советский писатель: проблема новой идентичности в авантюрном романе “Бамбочада”* (Falikova).

Но до сих пор нет исследований о влиянии „бендеряны” на творчество Довлатова, не говоря уже о посреднической роли Ильфа и Петрова в передаче традиций Николая Гоголя, Федора Достоевского и Антона Чехова. В настоящей статье мы постараемся продемонстрировать глубокую укорененность поэтики Довлатова в творчестве Ильфа и Петрова и отражение этой связи в книге Довлатова *Компромисс* (1981, 1989), как на мотивном, так и на композиционном уровне.

Компромисс имеет сложную жанровую природу и непростую историю создания (см. Dovlatov 2016a: 220). О *Компромиссе* писали как отечественные, так и зарубежные исследователи (Gudman; Rosenberg). Отдельно следует сказать о работе Алексея Светланович Семененко *Л. Пейнс как зеркало советской действительности, или О методе Сергея Довлатова*, в которой проанализирован *Компромисс восьмой* (Semenenko).

В окончательном виде *Компромисс* – конструкция из двенадцати новелл с обрамляющим сюжетом, изложенным в авторском вступлении. Словно по рецепту формалистов в изложении Бориса Викторовича Томашевского (см. Tomaševskij) Довлатов собирает повесть из отдельных рассказов: *Компромисс* в равной степени можно назвать и сборником рассказов, и повестью.

Книга отражает эстонский период жизни автора (с сентября 1972 по март 1975 г.) и содержит отрывки из его (и чужих) газетных публикаций в эстонской прессе этого времени. Каждый из отрывков дополняется новеллой об обстоятельствах возникновения этой публикации. Рассказы писались и частично печатались (под отдельным заголовком и без газетной преамбулы) с 1973 по 1980 г., то есть и в эстонский период, и после отъезда писателя из Эстонии, и после его эмиграции из СССР в 1978 г. Первоначально Довлатов

планировал составить *Компромисс* из шести рассказов, но в 1981 г. вышла книга, содержащая одиннадцать „компромиссов” (так называются рассказы-главы в книге). В 1984 г. был написан рассказ *Лишний*, а в 1989 г. он вошел на правах *Компромисса десятого* в окончательный текст, содержащий двенадцать „компромиссов”.

Пожалуй, именно включение двенадцатого „компромисса” наиболее явно обозначило связь произведения с *Двенадцатью стульями* и *Золотым Теленком*, поскольку иных подсказок Довлатов читателю не оставил. Насколько такая игра характерна для довлатовской поэтики, показывает, например, и то, что ни в одном из рассказов ни одна из сюжетных ситуаций не обозначена прямо словом „компромисс”: являясь основной темой книги, идея компромисса нигде не проявляет себя лексически – в виде прямой номинации. Именно крайний лаконизм и органическая неспособность Довлатова повторять трюизмы и общие места способствовали тому, что он практически нигде не выражает своего несомненного интереса к знаменитым сатирикам 20–30-х годов. Но „обмолвки” его существенны. Так, в *Соло на IBM* (1990) Довлатов замечает:

Существует понятие „чувство юмора”. Однако есть и [...] „чувство драмы”. Отсутствие чувства юмора [...] катастрофа. Но и отсутствие чувства драмы – такая же беда. Лишь Ильф с Петровым умудрились написать хорошие романы без тени драматизма (Dovlatov 2003: 207).

Казалось бы, отсутствие драматизма должно рассматриваться в этом контексте как недостаток романов Ильфа и Петрова, но Довлатов делает для них исключение. И в этом есть определенная логика. Еще в период армейской службы, комментируя пробы своего пера, Довлатов признавался отцу:

Ты обратил внимание на то, что о разных страшных вещах говорится спокойно и весело. Я рад, что ты это заметил. Это очень характерная для нас вещь (Dovlatov 1999a: 29).

Умение писать о „страшных вещах” „спокойно и весело” (ср. „без драматизма”) может отражать увлечение юного Довлатова прозой Михаила Александровича Шолохова и Исаака Бабеля. Позднее ориентиры сменились, Довлатов открыл для себя „чувство драмы”, но не стал его абсолютизировать, а в письме к Людмиле Яковлевне Штерн от 8 июня 1979 г., описывая открытие газеты „Новый американец”, воспользовался системой персонажей *Золотого теленка* для характеристики своей команды:

Мои товарищи и коллеги – прелесть. Расскажу о них коротко. Боря Меттер – Остап, командор. Женя Рубин – Паниковский, я – Шура Балаганов. <Алексей> Орлов – Адам Козлевич. И „антилопа” есть. Все, кроме меня, умеренно и охотно пьющие. Все рослые и толстые. Широкие и веселые... (Dovlatov 2017: 321).

Письмо к Штерн было написано в период, когда основной состав *Компромисса* уже сформировался и книга готовилась к публикации („Новый американец” выходил с февраля 1980 г. по март 1982 г.). Характерно и то, что работа журналистов как таковая ассоциируется у Довлатова с деятельностью „великого комбинатора”.

Как мы уже отметили, вторая редакция *Компромисса* (1989) – это конструкция из двенадцати новелл, объединенных сквозными героями и обрамляющим введением, нечто среднее (NB: компромисс) между сборником рассказов и повестью. Однако и дебютный роман Ильфа и Петрова имел схожее членение фабулы, заданное числом разыскиваемых стульев. Известно, что Шкловский сравнил фабулу *Двенадцати стульев* с фабулой *Шести Наполеонов* Артура Конана Дойла (Šklovskij 473). В первоначальном замысле книги Довлатова также предполагалось шесть частей (сказалась ли в этом сознательная тяга к символической шестикратности, обозначающей традицию, сказать затруднительно). Каждый из стульев был связан со своим владельцем, что давало повод для знакомства с ними и создания портретной галереи персонажей по типу *Мертвых душ* Гоголя. Обыгрывается у Довлатова и мотив „Золотого тельца”, поскольку ценность корреспонденции определяется полученным за нее гонораром [ср. „Начнем с копеечной газетной информации” (Dovlatov 2016a: 8)].

В карнавальном плутовском мире Остапа Бендера проверке и отчасти осмеянию подвергается понятие истины. Бухгалтер Берлага, от которого Бендер и его команда получают важную информацию, заявляет (гл. 18 *На суше и на море*): „Я сделал это не в интересах истины, а в интересах правды” (П'ф, Petrov 1933: 31). Думается, не случайно эта оппозиция попала в одну из статей Довлатова в „Новом американце”, а также в интродукцию книги *Компромисс*:

Трудна дорога от правды к истине. В один ручей нельзя ступить дважды. Но можно сквозь толщу воды различить усеянное консервными банками дно. А за пышными театральными декорациями увидеть кирпичную стену, веревки, огнетушитель и хмельных работяг. Это известно всем, кто хоть раз побывал за кулисами... (Dovlatov 2016a: 8).

В сложной и развернутой метафоре этого вступительного абзаца оказываются сконцентрированы мотивы целого ряда образных рядов, образующих смысловую структуру книги Довлатова: здесь и проблемы истинности-ложности, и гидронимические метафоры, и театральные образы, характерные для травестийных плутовских сюжетов. Так, в первом томе дилогии (гл. XXXIII *В театре Колумба*) Остап обнажает театральную сторону своих талантов:

Помните, Воробьянинов, наступает последний акт комедии *Сокровище моей тещи*. Приближается финита-ла-комедия, Воробьянинов! Не дышите, мой старый друг! Равнение на рампу! О, моя молодость! О, запах кулис! Сколько воспоминаний! Сколько интриг! Сколько таланту я показал в свое время в роли Гамлета!.. Одним словом – заседание продолжается (И'ф, Petrov 1997: 399).

Именно Остап Бендер, путешествующий, терпящий нужду, добывающий нужные ему сведения, изменчивый как Протей и покоряющий всех, с кем его сводит судьба (особенно женщин), является душой дилогии Ильфа и Петрова. Его яркая портретная характеристика – незабываемая часть этого образа:

В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный. [...] В город молодой человек вошел в зеленом, узком, в талию, костюме. Его могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинового цвета. Носков под штиблетами не было. В руке молодой человек держал астролябию (И'ф, Petrov 1997: 46).

Очень схожий внешне герой был введен Довлатовым во вторую редакцию *Компромисса*. Исходное название рассказа *Лишний* напоминает нам о „лишнем человеке”, к чьей категории в советском контексте, несомненно, следует отнести и Остапа Бендера (что и вообще характерно для героя плутовского типа, по мнению Михаила Михайловича Бахтина). Современные Ильфу и Петрову критики Федор Васильевич Гладков (*В чем опасность*) и Сергей Борисович Ингулов видели опасность „в склонности некоторых литераторов живописать так называемых лишних людей современности” (Odesskij, Fel'dman 183). В *Компромиссе* десятом мы знакомимся с Эрнстом Бушем:

С продавленного дивана встал мужчина лет тридцати. У него было смуглое мужественное лицо американского киногероя. Лацкан добротного заграничного пиджака был украшен гвоздикой. Полуботинки сверкали. [...] В Буше имелось то, что роковым образом действует на стареющих женщин. А именно – бедность, красота, саркастический юмор, но главное – полное отсутствие характера. За два года Буш обольстил четырех стареющих женщин. Галина Аркадьевна была пятой и самой любимой. Остальные сохранили к Бушу чувство признательности и восхищения. Злые языки называли Буша альфонсом. Это было не справедливо. В любви к стареющим женщинам он руководствовался мотивами альтруистического порядка. Буш милостиво разрешал им обрушиваться на себя водопады горьких запоздалых эмоций (Dovlatov 2016a: 140, 143).

Буш не полностью воспроизводит тип Бендера, но последний, как мы помним, нередко испытывал свои чары на женщинах старше себя, в частности – на мадам Грицацуевой: „Молодая была уже не молода. [...] Но-

вого мужа она обожала и очень боялась. Поэтому звала его [...] товарищ Бендер” (П’ф, Petrov 1997: 107). Буш воплощает в себе концентрированное влияние Ильфа и Петрова, поскольку воспроизводит не только тип Бендера, но и других ярких представителей его команды. Так, под влиянием голода в нем просыпаются черты „гусекрада” Михаила Самуэлевича Паниковского (*Золотой теленок*):

– Бендер, – захрипел он вдруг, – вы знаете, как я вас уважаю, но вы ничего не понимаете! Вы не знаете, что такое гусь! Ах, как я люблю эту птицу! Это дивная жирная птица, честное, благородное слово. Гусь! Бендер! Крылышко! Шейка! Ножка! Вы знаете, Бендер, как я ловлю гуся? Я убиваю его, как тореадор, – одним ударом. Это опера, когда я иду на гуся! „Кармен”!.. (П’ф, Petrov 1933: 322).

Сравним с описанием скитаний Буша по таллинскому парку Кадриорг, где он знакомится с Галиной. Увидев плавающих в пруду лебедей, Буш становится похожим на Паниковского; даже мысли его становятся отрывистыми, как речь „гусекрада”:

Мысли его становились все короче: „...Лебедь... Птица... Дичь...” [...] Он замер, как сеттер на болоте [...] Ощипанный лебедь может вполне сойти за гуся. А с целым гусем Буш не пропадет. В любой компании будет желанным гостем... Буш преобразился. В глубине его души звучал охотничий рожок. Он чувствовал, как тверд его небритый подбородок (Dovlatov 2016a: 156–158).

В Буше откликается и тип фанатичного антисоветчика Полесова, не способного поверить ни в какие достижения новой власти:

Как же большевики будут воевать? Чем? Сормовские заводы делают не танки, а барахло! Чем они будут воевать? Старыми винтовками? А воздушный флот? [...] Да-а... Довели большевички до ручки... (П’ф, Petrov 1997: 135).

Антисоветский нигилизм доведен в Эрнсте Буше до абсурдных пределов:

Буш отрицал саму историческую реальность. В частности – победу над фашистской Германией. Он твердил, что бесплатной медицины не существует. Делился сомнениями относительно нашего приоритета в космосе. После третьей рюмки Буш выкрикивал: Гагарин в космос не летал! [...] А все советские ракеты – это огромные консервные банки, наполненные глиной... (Dovlatov 2016a: 143).

Эрнест Буш концентрирует в себе целый спектр „ильфо-петровских” черт. Первоначальное название довлатовского рассказа *Лишний* имеет фразеологический аналог у Ильфа и Петрова, закрепившийся в виде крылатого выражения: „Эх, Киса, – сказал Остап, – мы чужие на этом празднике жиз-

ни”. Фраза Остапа почти без изменений перекочевала в роман из дневника Ильи Ильфа о пребывании в Пятигорске в июне 1927 г.: „На празднике жизни в Пятигорске мы чувствовали себя совершенно чужими” (П’f 134). 2 октября 1984 г. Довлатов писал Игорю Марковичу Ефимову:

В связи с Вашим возможным намерением издать в 86–87 году том моих рассказов, сообщая, что я написал огромный рассказ под названием *Лишний* – старая тема „лишнего человека”: Онегин, Печорин, Григорий Мелехов, Остап Бендер... Не хотелось бы, чтоб она заглохла. Пока что я отослал рассказ Владимову в „Грани”, посмотрим, что он скажет. [...] Старший Серман довольно энергично его похвалил (Efimov 315).

Может сложиться впечатление, что влияние Ильфа и Петрова на Довлатова и ограничивается своеобразной стилизацией в *Компромиссе десятом*. Но это не так. В действительности, уже в первой редакции *Компромисса* просматривалось влияние авантюрной стихии дилогии Ильфа и Петрова, а к числу „лишних” героев, несомненно, относится и сам герой-рассказчик. С Бендером его сближает, в частности, мечтательность. В *Двенадцати стульях* о проектах Бендера сказано так:

Его проекты были грандиозны. Не то заграждение Голубого Нила плотиной, не то открытие игорного особняка в Риге с филиалами во всех лимитрофах (П’f, Petrov 1991: 263).

Мечты автобиографического героя Довлатова скромнее, но так же несбыточны. Вот что мы находим в *Компромиссе третьем*:

- А правда, что все журналисты мечтают написать роман?
- Нет, – солгал я (Dovlatov 2016a: 17).

О крушении мечты главного героя повести мы узнаем в том же *Компромиссе десятом*, где появляется Эрнст Буш. Таким образом, отсвет Бендера лежит в этом „компромиссе”, как минимум, на двух персонажах сразу:

А тут еще начались в Эстонии политические беспорядки. Группа диссидентов обратилась с петицией к Вальдхайму. Потребовали демократизации и самоопределения. Через три дня их меморандум передавало западное радио. Еще через неделю из Москвы последовала директива – усилить воспитательную работу. [...] Завхоз Мелешко говорил в редакции:

- Могли обратиться к собственному начальству! Выдумали еще какого-то Хайма...
- Я был подходящим человеком для репрессий. И меня уволили. Одновременно в типографии был уничтожен почти готовый сборник моих рассказов. И все это для того, чтобы рапортовать кремлевским боссам – меры приняты.
- Конечно, я был не единственной жертвой. В эти же дни закрыли ипподром – рассадник буржуазных настроений (Dovlatov 2016a: 176).

Примечательно, что упоминания о мечте в *Компромиссе третьем* и *Компромиссе десятом* связаны с фамилией Мелешко; в обоих случаях ее носит

задающий вопросы наивный персонаж, но в одном случае это Алла Мелешко, в другом – ее однофамилец завхоз, комически остранивающий ситуацию своими репликами.

Мечты Остапа Бендера и мечты героя-повествователя у Довлатова сходны своим гротескным характером и географическим кодом: у одного „игорный особняк в Риге”, у другого – писательский проект в Таллине; у одного заграждение Нила, у другого – политические акции, сотрясающие Европу. Парадоксальным образом мечта о книге контекстуально связывается с „ипподромом – рассадником буржуазных настроений”. Тем самым они окрашиваются авантюрными коннотациями, словно писатель также участвует в „забеге” и в азартной игре с судьбой.

Дилогия о Бендере является не только очередной панорамой русской жизни, но и своеобразной энциклопедией плутовства, из парадигмы которой невозможно изъять тему игры на скачках. В русской литературе образ ипподрома привлекал многих писателей (ср. *Изумруд* Александра Ивановича Куприна, *Фогобал* Владимира Алексеевича Гиляровского). В *Двенадцати стульях* эта тема вводится в виде вставной новеллы о графе Друцком, которую Остап рассказывает Ипполиту Воробьянинову, перекрашивая его усы:

Графу дали три года. Оказалось, что „Маклер” не орловец, а перекрашенный метис [...] Вот это красочка! Не то что ваши усы!.. (П’f, Petrov 1991: 59).

В книге Довлатова юбилею таллинского ипподрома целиком посвящен *Компромисс второй*. Автор отмечает, что заслуженный ипподром представлял собой „жалкое зрелище” с косыми трибунами и запущенным полем, но он был единственным местом, где „в розлив” торговали дешевым портвейном. Здесь еще сохранился „нэпманский” дух наживы:

Фаворита угадать нетрудно. Труднее предусмотреть неожиданное – вспышку резвости у какого-нибудь шелудивого одра. Классные наездники за большие деньги придерживают фаворитов. Умело отстать – это тоже искусство. Это даже труднее, чем победить. [...] Выигрыши достигают иногда ста пятидесяти рублей (Dovlatov 2016a: 11).

Поэтому ассоциации с авантюрной дилогией Ильфа и Петрова могли казаться Довлатову естественными. Слово „буржуазный” в советской печати могло маскироваться словом „внешний”. В повести *Ремесло* Довлатов пишет:

Эстонскую культуру называют внешней. [...] А ругают внешнюю культуру, я думаю, именно потому, что ее так заметно не хватает гостям эстонской столицы. В Эстонии – нарядные дети. В Эстонии нет бездомных собак. В Эстонии можно увидеть такелажников, пьющих шерри-бренди из крошечных рюмок... (Dovlatov 2016b: 74).

Ассоциации усиливались и „богемным” характером главного героя, вынужденным скитаться по Союзу в поисках заработка. Но встречается в *Компромиссе* и более эксплицитный мотив „богатства”. В *Компромиссе детства* Довлатов пишет:

За Нарвой пейзаж изменился. Природа выглядела теперь менее беспорядочно. Дома – более аккуратно и строго (Dovlatov 2016a: 135).

Мотив „золотой лихорадки” у Ильфа и Петрова имеет среди прочих воплощений и образ затонувших сокровищ. Одна из глав дилогии называется *Среди океана стульев*, а в главе XXVII *Разговор с голым инженером* знаменитый лозунг „лед тронулся” превращается в образ замусоренной реки, напоминающей вышеприведенный пассаж из введения к *Компромиссу*:

Лед, который тронулся еще в дворницкой [...] измельчал и стаял. Льда уже не было. Была широко разлившаяся вода, которая [...] несла на себе Ипполита Матвеевича, швыряя его из стороны в сторону [...] По реке плыли мусор, нефтяные остатки, пробитые курятники,дохлая рыба [...] плыть против течения бывший предводитель дворянства не имел ни сил, ни желания. Его несло в открытое море приключений (П'f, Petrov 1997: 172).

У Довлатова метафоры реализуются в сюжеты и мотивы конкретного характера. Так, „затонувшие” сокровища трансформируются в случайно оброненную в морскую глубину вставную челюсть („А там у него золота колов на восемьсот с довеском”), поднятую со дна с риском для жизни – перед надвигающимся штормом – водолазами, якобы занятыми „поиском ценного груза” (*Компромисс пятый*). Как и приключения Остапа Бендера, авантюра в итоге терпит крах: во время „обмывания” находки „золотая” челюсть оказывается украдена.

Речной мусор, уже упомянутый Довлатовым метафорически во вступлении, вновь всплывает в *Компромиссе восьмом*:

Жбанков [...] Произвел звериный, неприличный вопль и рухнул... Поднялся фонтан муаровых брызг. Со дна потревоженной реки всплыли какие-то банки, коряги и мусор (Dovlatov 2016a: 106).

Не только Остап Бендер, но и женские персонажи Ильфа и Петрова имеют больше одного аналога в *Компромиссе*. Коллективный образ женщин, влюбленных в Эрнста Буша, находит частичное соответствие и в образе подруги героя-повествователя. Так, брошенная и обокраденная мадам Грицацуева вступает в следующий диалог с Бендером:

– Товарищ Бендер! [...]

– Ну что вы терзаетесь, кто вам мешает жить? [...]

- Сам уехал, а сам спрашивает. А я ждала, ждала, торговлю закрыла. Все это она произносила с плачем.
- Изменщик, – выговорила она вздрогнув, чтоб тебе лопнуть! [...]
- Обниматься некогда, – сказал он, – прощай любимая! Мы разошлись как в море корабли (И'ф, Petrov 1991: 182).

В *Компромиссе* отчасти схожая роль достается Марине, которая ревнует героя-рассказчика, обвиняя его в пьянстве, пытается заплакать „горько и отчаянно” и получает в ответ довольно циничное заявление: „Пока мне хорошо, я здесь, мне надоест, уйду” (Dovlatov 2016a: 36).

Одна из масок автора – служивший в лагерной охране филолог Алиханов (*Компромисс шестой*), который копирует черты речевой характеристики Остапа в эпизоде посещения мадам Боур (гл. XVI *Союз меча и орала в Двенадцати стульях*):

- Мадам, – сказал он, – мы счастливы видеть в вашем лице...
- Он не знал, кого он счастлив видеть [...] Пришлось начать снова. Изю всех пышных оборотов [...] вертелось в голове только [...] „милостиво повелеть соизволил” (И'ф, Petrov 1997: 140).

У Довлатова галантным хозяином, встречающим неизвестную ему даму-визитера, является сам косноязычно-велеречивый герой:

- Затем попытался еще раз, теперь уже штурмом осилить громоздкую фразу: – Чем я обязан, можно сказать, тому неожиданному удовольствию, коего... [...] Чем я обязан неожиданному удовольствию лицемерья? (Dovlatov 2016a: 64).

Помимо вдовы Грицацовой и аристократки мадам Боур Ильф и Петров создали запоминающийся образ „людоедки” Элочки Щукиной, ведущей „титаническую борьбу” с целью перещеголять дочь американского миллионера Вандербилла:

- Платье, отороченное собачкой, нанесло заносчивой Вандербильдихе первый меткий удар. Потом [...] Элочка приобрела у домашнего скорняка Фимочки Собак шиншилловый палантин (русский заяц, умерщвленный в Тульской губернии), завела себе голубиную шляпу из аргентинского фетра и перешла [...] пиджак мужа в модный дамский жакет (И'ф, Petrov 1991: 151).

При всем своем эстетизме и амбициях Элочка отличается минимальным словарным запасом. Отсвет этого персонажа падает на „беспечную” Аллу Мелешко из *Компромисса третьего*, которая приехала то ли из Саратова, то ли из Двинска в „широкополой шляпе” и в „импортных” сапогах. Она не стесняется сообщить, что Одри Хепберн прислала ей импортный шампунь. Речь ее так же лапидарна:

- А, – говорю, – здравствуйте. Ну как?
- Гемоглобин – 200.
- Не понял.
- [...] Паршиво, как же еще... (Dovlatov 2016a: 22).

С Эллочкой связан образ „домашнего скорняка” Фимочки Собак, которая сшила „шиншилловый палантин” из „русского зайца” и „слыла культурной девушкой – в ее словаре было около ста восьмидесяти слов”, включая слово „гомосексуализм” (И'ф, Petrov 1997: 151).

У Довлатова нет в точности такого персонажа, но сочетание гомосексуализма, космополитизма, портновского мастерства и культурных запросов воплотилось в образе театрального портного Вольдемара Сильда, героя *Компромисса седьмого*, который во время войны „вешал советских патриотов”, а после войны служил под началом директора театра, „бывшего обер-лейтенанта СС” и гомосексуалиста (Dovlatov 2016a: 80–81). Над культурным уровнем Сильда Довлатов тоже посмеивается, поскольку Сильд смотрит на театральное искусство с точки зрения портного:

- И только на спектаклях моего любимого Вахтанговского театра, – говорит В. Сильд,
- я забываю о том, что я модельер, и слежу за развитием пьесы – верный признак того, что костюмеры в этом театре работают безукоризненно (Dovlatov 2016a: 80).

Обширная галерея портретов в дилогии Ильфа и Петрова находит множество соответствий в книге Довлатова. Целый ряд узнаваемых мотивов перенесен на фотографа Жбанкова, одного из спутников героя-повествователя.

В *Двенадцати стульях* мотив фальши и обмана связан не только с главными героями, но и отчасти – с более уважаемыми представителями общества. Так, в сцене запуска новой трамвайной линии появляется кинорежиссер-халтурщик, снимающий псевдо-документальный фильм:

- Дышите глубже. Вы взволнованы... Так... Прекрасно. Коля, кончили.
- А трамвай снимать не будете? – спросил Треухов застенчиво.
- Видите ли, – промывчал кожаный режиссер, – условия освещения не позволяют. Придется доснять в Москве (И'ф, Petrov 1997: 101).

Аналогичная реплика вложена Довлатовым в уста Жбанкова:

- Линда замерла, устремив глаза в пространство.
- Порядок, – сказал Жбанков [...].
- А корова? – удивилась Белла. [...] По-моему, их нужно сфотографировать рядом.
- Корова здесь не поместится, – разъяснил Жбанков [...] Коров в редакции навалом [...] Вырежу твою Линду и подклею (Dovlatov 2016a: 116).

Помимо „кожаного режиссера” Жбанков также напоминает пьяницу, эстета, хвастуна и гробовых дел мастера Безенчука в *Двенадцати стульях* (гл. II *Кончина мадам Петуховой*):

Хотя дикая рожа и сияла, но сказать он ничего не мог. [...] Нимфа разве товар дает... [...] А я – фирма старая. У меня гроб – огурчик. <...> Тут только Ипполит Матвеевич заметил, что мастер смертельно пьян (П'ф, Petrov 1991: 18).

В *Компромиссе восьмом* Жбанков кричит, „угрожающе приподнимаясь”:

– Я художник, понял! Художник! Я жену Хрущева фотографировал! Самого Жискара, блядь, д'Эстена! У меня при доме инвалидов выставка была! А ты говоришь – корова!..
– Дурень ты мой, дурень, – любовалась им Белла, – пойдем, киса, я тебя спать уложу... (Dovlatov 2016a: 120).

Жбанков так же шантажирует свое начальство, как инженер Талмудовский в *Золотом теленке*. Если Талмудовскому казалось, что администрация не выполняет договорных обязательств, он собирал вещи для отъезда: „Квартира – свинюшник, театра нет, оклад [...] Извозчик! Пошел на вокзал” (П'ф, Petrov 1933: 22). Схожим образом ведет себя и Жбанков, когда главный редактор Туронок не спешит выполнять его требования: „сомнения [...] были прекращены вопросом Жбанкова о времени работы кассы взаимопомощи, что являлось скрытой угрозой уйти в запой” (Dovlatov 2016a: 22).

С Безенчуком у Ильфа и Петрова связан макабрический юмор, в частности эпизод торгов с Воробьяниновым за право на похороны тещи (П'ф, Petrov 1997: 57). В *Золотом теленке* эту тему продолжает посещение учреждения „Геркулес”, где в одной из комнат обнаруживается гроб с надписью „Смерть бюрократизму!”: „Этот гроб [...] носили по праздникам на демонстрациях” (П'ф, Petrov 1933: 251). Схожий юмор можно встретить в *Компромиссе одиннадцатом*, где герою-повествователю приходится не просто присутствовать на похоронах незнакомого ему видного чиновника, директора телестудии Хуберта Ильвеса, но и произнести о нем „теплую” речь, а позднее даже поделиться с ним собственным галстуком.

Смесь наивной искренности и официозной фальши – важнейший мотив речевой характеристики рядовых героев Ильфа и Петрова. В главе XV *Дышите глубже, вы взволнованы!* (*Двенадцать стульев*) Гаврилин произносит речь о запуске трамвая:

Гаврилин начал свою речь хорошо и просто [...] Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении (П'ф, Petrov 1997: 130).

В *Компромиссе восьмом* та же метаморфоза происходит в интервью трудолюбивой эстонской доярки:

- Записывайте, – сказала Белла, – Коммунистическая партия и ее ленинский Центральный Комитет...
- Все ясно, – говорю, – узнайте, состоит ли она в партии? (Dovlatov 2016a: 116).

Кроме эпизода с недоснятым запуском трамвая в дилогии есть эпизод, связанный с недостроенной магистралью Турксиба. Прибывший на магистраль член правительства принял рапорт от начальника магистрали о досрочном выполнении строительства:

Когда формальность была выполнена, рапорт отдан и принят, два немолодых и несентиментальных человека поцеловались (И'ф, Petrov 1933: 366).

Схожим образом в *Компромиссе восьмом* происходит бюрократическое чудо обратного течения времени, когда журналисты приезжают в колхоз, чтобы помочь составить благодарственную телеграмму от лица награжденной за героический труд Линды Пейпс генсеку Леониду Брежневу, но, закончив интервью, узнают, что ответная телеграмма от товарища Брежнева пришла раньше, чем была составлена телеграмма Линды Пейпс:

- Что же пишет товарищ Брежнев?
- Поздравляет... Благодарит за достигнутые успехи... Желает личного счастья... (Dovlatov 2016a: 118–119).

Во вступительной статье „От авторов” к *Золотому теленку* Ильф и Петров отстаивают свое право на высмеивание официозной фальши и штампа:

Сатира не может быть смешной, – сказал строгий товарищ и, подхватив под руку какого-то кустаря-баптиста, которого он принял за стопроцентного пролетария, повел его к себе на квартиру. Повел описывать скучными словами, повел вставлять в шеститомный роман под названием: *А паразиты никогда!* (И'ф, Petrov 1933: 13).

Чувство официозной скуки ненавистно и автору *Компромисса*:

- Тебя Цехановский разыскивает. Хочет долг вернуть. [...] Деньги получил за книгу.
- *Караван уходит в небо?* [...] – Я оглядел заваленные газетами столы. Ощутил запах табачного дыма и клея. Испытал такую острую скуку и горечь, что даже атмосфера больницы уже не пугала меня (Dovlatov 2016a: 36).

Высмеивают Ильф и Петров и цензуру. В *Золотом теленке* (глава третья *Снова кризис жанра*) сочинитель ребусов Синицкий пытается написать идеологически выдержанную шараду для слова „индустриализация”, но лишь демонстрирует свою отсталость и политическую неграмотность. Дочь Зося и Корейко его поправляют:

- Что ты тут написал? [...] „Четвертый слог поможет бог узнать, что это есть предлог”. [...] Синицкий ахнул. Крича: „Где бог, где? Там нет бога” [...]
- Есть бог, – промолвил он печально. [...]
- А ты вместо „бог” поставь „рок”, – сказала Зося. [...]
- Это тоже мистика. [...] Я еще третьим слогом поставил „кац” и написал так: „А третий слог, досуг имея, узнает всяк фамилию еврея”. Не взяли эту шараду. [...]
- Этот ребус трудненько будет разгадать [...] Придется вам посидеть над ним!
- Придется, придется, – ответил Корейко с усмешкой, – [...] „В борьбе обретишь ты право свое”? [...] Это эсеровский лозунг. Для печати не годится.
- Ах ты боже мой! – застонал старик. – Царица небесная! Опять маху дал. (И'ф, Petrov 1933: 130).

Тема цензурных ограничений и препон возникает у Довлатова уже в *Компромиссе первом*, где герой-повествователь точно так же наивно нарушает идеологические конвенции, раз за разом получая разнос от редактора за неправильное перечисление стран – участниц научной конференции:

Демократические страны – вперед! Затем – нейтральные государства. И, наконец, – участники блока [...] Венгрию – на третье место! Там был путч... Политическая близорукость! Нравственный инфантилизм! (Dovlatov 2016a: 9–10).

Примечательно, что Остап Бендер также проявляет себя как автор. Он создает киносценарий *Шея* и получает за него гонорар, но меньше, чем ожидал:

- Вы говорите с толком. Что вам нужно [...] Короче, сколько вам следует? [...]
- Девятьсот рублей...
- Триста... получите, уходите. [...] Вы украли у меня лишних полторы минуты (И'ф, Petrov 1933: 311).

Сатирический и карнавально-амбивалентный взгляд на реалии советской жизни характерен как для Ильфа и Петрова, так и для Довлатова. Отношение последнего к собственному ремеслу – эпатающе-презрительное. Не случайно *Компромисс двенадцатый* заканчивается диалогом со своеобразным *alter ego*:

- Мой брат, у которого две судимости (одна – за непредумышленное убийство), часто говорит:
- Займись каким-нибудь полезным делом. Как тебе не стыдно?
- Тоже мне, учитель нашелся!
- Я всего лишь убил человека, – говорит мой брат, – и пытался сжечь его труп. А ты?! (Dovlatov 2016a: 219).

Журналистская работа – это погоня за деньгами, в которой есть своя „правда”, но далекая от истинного искусства. Путь к искусству можно прой-

ти только двигаясь в обратном направлении – от официозной фальши к подлинной жизни и заключенному в ней искусству.

Герой-повествователь Довлатова способен на это, как и герой Ильфа и Петрова. Он – герой пути, а значит не окончательно пропащий. Не зря Остап Бендер заявляет в *Золотом теленке*: „Я, конечно, не херувим. [...] Но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость” (И'ф, Петров 1933: 43). Довлатов подхватывает и эту дихотомию, заменив херувима ангелом в *Компромиссе третьем*: „В этой повести нет ангелов и нет злодеев [...] Да и в жизни их не существует” (Dovlatov 2016a: 14).

Как можно было убедиться, в книге *Компромисс*, созданной в период явно обозначенного интереса Довлатова к диалогии Ильфа и Петрова (письмо к Людмиле Яковлевне Штерн) имеется обширная сеть персонажей, мотивов, лексических переключек, идейных коллизий, прямо или косвенно связанных с литературным наследием авторов *Двенадцати стульев* и *Золотого теленка*. Единственное, чего в *Компромиссе* нет, так это единой фабулы, охватывающей всю книгу, но эта проблема успешно решается на уровне отдельных „компромиссов”.

Разница, конечно, и в том, что романы Ильфа и Петрова создавались в эпоху, которая рассматривалась авторами как переход к социализму, тогда как Довлатов не имел никаких иллюзий на счет социализма, и его сочувствие вызывали рудименты буржуазной культуры, еще сохранявшиеся в Эстонии 1970-х годов.

Библиография

- Ānovskaā, Lidiā. *Počemu vy pišete smešno?* Moskva, Nauka, 1969.
- Čudakova, Mariĕtta, Aleksandr Čudakov. „Sovremennaā povest' i ūmor”. *Novyj mir*, nr 7, 1967.
- Dovlatov, Sergej. *Maloizvestnyj Dovlatov*. Sankt-Peterburg, Azbuka, 2017.
- Dovlatov, Sergej. *Kompromiss*. Sankt-Peterburg, Azbuka, 2016a.
- Dovlatov, Sergej. *Remeslo*. Sankt-Peterburg, Azbuka, 2016b.
- Dovlatov, Sergej. „Sergej Dovlatov: tvorčestvo, ličnost', sud'ba: itogi Pervoj meždunarodnoj konferencii «Dovlatovskie čtenia»”. Sankt-Peterburg, Zvezda, 1999.
- Dovlatov, Sergej. *Sobranie sočinienij: v 4 t. T. 4*. Sankt-Peterburg, Azbuka, 2003.
- Efimov, Igor', Sergej Dovlatov. *Ėpistolārnyj roman*. Moskva, Zaharov, 2001.
- Falikova, Natal'ā. *K. Vaginov kak sovetskij pisatel': problema novoj identičnosti v avantŭrnom romane „Bambočada”*. *Materiāly meždunarodnoj konferencii molodyh filologov. Tartu, 27–29 aprilā 2018 g.*, 2018.
- Galanov, Boris. *Il'ā Il'f i Evgenij Petrov*. Moskva, Sovetskij pisatel', 1961.
- Gandlevskij, Sergej. „Strannye sblīženia”. *Inostrannaā literatura*, nr 10, 2004.
- Gudman, Walter. „O knige S. Dovlatova «Kompromiss»”. *Zvezda*, nr 3, 1994.
- И'ф, И'ā. *Zapisnye knižki*. Moskva, Sovetskij pisatel', 1957.
- И'ф, И'ā, Evgenij Petrov. *Dvenadcat' stul'ev*. Moskva, Vagrius, 1997.

- П'ф, П'а, Evgenij Petrov. *Dvenadcat' stul'ev. Zolotoj telenok*. Riga, Trans izdevejs, 1991.
- П'ф, П'а, Evgenij Petrov. *Zolotoj telenok*. Moskva, Sovetskaâ literatura, 1933.
- Odesskij, Mihail, David Fel'dman. *Miry I.A. Il'fa i E.P. Petrova. Očerki verbalizirovannoj povsednevnosti*. Moskva, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2015.
- Rosenberg, Karen. „Of Compromise and Corruption”. *The Nation*, CCXXXVII (November 5), 1983.
- Šeglov, Ūrij. *Dvenadcat' stul'ev*. Moskva, Panorama, 1995.
- Semenenko, Aleksej. „L. Pejps kak zerkalo sovjetskoj dejstvitel'nosti, ili o metode Sergeâ Dvlatova”. *Russkaâ filologija. 10: Sbornik naučnyh rabot molodyh filologov*. Red. Tat'âna Stepaniševa, Ol'ga Palikova. Tartu, Ūlikooli kirjastus, 1999.
- Šklovskij, Viktor. *Gamburgskij sčet*. Moskva, Sovetskij pisatel', 1990.
- Tomaševskij, Boris. *Teoriâ literatury: Poëtika*. Leningrad, Gosizdat, 1925.

ANNA STRYJAKOWSKA

Концепция болезни как ценности в романах *Идиот* Федора Достоевского и *Волшебная гора* Томаса Манна

The conception of illness as a value in the novels *The Idiot* by Fyodor Dostoyevsky and *The Magic Mountain* by Thomas Mann

Abstract. The article is an attempt to analyse the novels *The Idiot* by Fyodor Dostoyevsky and *The Magic Mountain* by Thomas Mann in the context of the category of illness. The author undertakes a comparison of the characters suffering from tuberculosis: Hans Castorp and Ippolit Terentyev. It is claimed that in both of the works illness acquires the status of a value and opens before the characters a path to self-knowledge. However, while Castorp's illness develops in comfortable conditions and he finally decides to cease his fascination with death, for the terminally ill Terentyev it is far too late to fight for his life. For this reason, the sacralisation of death is alien to Dostoyevsky's character. In his case, death can be perceived as the Lacanian Real that interrupts the self-narrative. The noted phenomenon can be attributed to Dostoyevsky's maximalism that urges the Russian novelist to bring the disease to the limits, and take it out of control. Mann, in turn, portrays the disease as a kind of safety valve, keeping the fascination with the dark sides of life in a healthy framework.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, Thomas Mann, *Idiot*, *Magic Mountain*, illness

Anna Stryjakowska, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, a.stryjakowska@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9429-2849>

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются избранные аспекты восприятия явления болезни как ценности в романах *Идиот* (1868–1869) Федора Достоевского и *Волшебная гора* (*Der Zauberberg*, 1924) Томаса Манна. В качестве исходной точки рассуждений стоит привести слова Лодовико Сеттембрини – героя романа *Волшебная гора*, сторонника рационализма и светского гуманизма. Итальянец, разговаривая с протагонистом, высказывается на тему болезни следующим образом:

Болезнь отнюдь не аристократична, отнюдь не почтенна, самый этот взгляд есть болезнь или ведет к ней. [...] Зарубите себе на носу: в болезни отнюдь нет ничего возвышенного, ничего столь почтенного, чтобы она никак не могла сочетаться с глупостью;

напротив, болезнь скорее – унижение, да, и она очень мучительна, очень оскорбительна, она унижает идею человека... Можно в отдельных случаях относиться к болезни бережно, с сочувствием, но уважать ее как особую духовную ценность – нельзя, это заблуждение, – зарубите себе на носу, – и оно служит началом всех умственных заблуждений (Mann 1959).

Вышеприведенную трактовку болезни, как можно предполагать, трезвую и разумную, разделяет Сьюзен Зонтаг. Американская писательница в эссе *Болезнь как метафора* (*Illness as Metaphor*, 1978) разоблачает культурные мифы, сопровождающие туберкулез и рак, советуя читателям, в качестве наиболее здорового подхода, отказаться от метафоризации болезни (Sontag 5). Томас Манн же придерживался другого мнения, воспринимая болезнь как потенциальную ценность, открывающую перед личностью новые возможности в области самопознания. Данный способ мышления связывает автора *Будденброок* с идеями Федора Достоевского. В эссе *Достоевский – но в меру* (*Dostojewski mit Maßen*, 1946) немецкий классик признает, что Достоевский и Фридрих Ницше, как демонические, больные, одержимые гении, повлияли на его творческий путь не в меньшей степени, чем Гете и Толстой (Mann 2000: 220–221). Манн почтительно относится к болезни самого Достоевского как существенному фактору его таланта. Медицинский взгляд на болезнь как на падение жизненных сил является для немецкого писателя недостаточным и односторонним. В культурном ракурсе болезнь может, по его мнению, восприниматься как подъем, интенсификация жизни; она становится в данном контексте даже условием познания и духовного роста. Следует, однако, подчеркнуть, что Манн считает болезнь более плодотворной чем здоровье лишь в случае выдающихся личностей. Именно созидательную, порождающую творчество болезнь, считает Манн более ценной для жизни, чем банальное, вялотекущее здоровье (Mann 2000: 230). Обращаясь к *Запискам из подполья* (1864), писатель акцентирует познавательное измерение страдания, считая темную сторону человека достойным внимания источником истины (Mann 2000: 236).

Литературным воплощением приведенной концепции болезни является роман *Волшебная гора*, изданный в 1924 году. Художественную и интеллектуальную близость данного романа с творчеством Достоевского отмечает известный русский достоевковед Георгий Фридлиндер, сопоставляющий творческие пути обоих классиков мировой литературы (Fridlender 1977). Фридлиндер, однако, исследует вопрос в довольно широком контексте, уделяя детальное внимание в основном сходству романов *Бесы* (1871–1872) и *Доктор Фаустус* (*Doktor Faustus*, 1947) (Fridlender 1997). Попытки подробного сравнительного анализа произведений *Идиот* и *Волшебная гора* пока не предпринимались. Правда, Владислав Пронин, автор учебного по-

собия по немецкой литературе, отмечает реминисценции из романа *Идиот* в *Волшебной горе*, но ограничивается лишь лаконичными замечаниями про сходство князя Мышкина и Ганса Касторпа, а также Настасьи Филипповны и Клавдии Шоша (Pronin 285). Желая частично восполнить данный пробел, попытаюсь сравнить некоторые аспекты художественной трактовки категории болезни в обоих произведениях, сосредоточившись на героях, больных туберкулезом – Гансе Касторпе и Ипполите Терентьеве и начав с Касторпа как более сложного и зрелого персонажа.

Волшебная гора – это роман-воспитание о формировании личности молодого инженера Ганса Касторпа, очарованного декадентской атмосферой швейцарского санатория для больных туберкулезом. Герой приезжает в Давос к двоюродному брату, но, узнав, что он сам болен, остается в санатории на семь лет. По словам Зонтаг, несмотря на то, что *Волшебная гора* является поздним, сознательным комментарием к мифу о туберкулезе, роман этот миф репродуцирует, изображая болезнь как фактор, обогащающий героя, расширяющий его ментальную жизнь (Sontag 36). Действительно, болезнь дает герою возможность приостановить стандартную мещанскую жизнь „внизу”, вводит его в состояние внутреннего напряжения, волнения и интроспекции. Интеллектуальная обстановка санатория позволяет молодому мужчине исследовать до сих пор вытесняемые, „темные” стороны своей личности, изучать и удовлетворять желания, неуместные в его обычной жизни, тестировать различные мировоззрения. В последнем его наставниками становятся герои-носители идей, главным образом упомянутый Сеттембрини, либерал и гуманист, и иезуит Нафта, культивирующий мистическое страдание. Сеттембрини в целом поощряет эксперименты Касторпа, определяя экзистенциальную ситуацию героя латинским выражением „*placet experiri*” („стоит пробовать”).

Ганс явно увлечен описанными преимуществами болезни, он охотно остается на горе, и даже развивает в себе почтение смерти, приходя к выводу, что процесс умирания наделяет человека достоинством. Стоит здесь упомянуть точку зрения неизлечимо больного пациента, господина Альбина, который думает о совершении самоубийства. Осознание близкой смерти вызывает у героя ощущение безграничной свободы, что отсылает к идее вседозволенности, творчески разрабатываемой Достоевским. Слова господина Альбина возбуждают Ганса, открывая перед ним возможности наслаждения позором болезни:

[...] если честь имеет немалые преимущества, то их имеет, и позор, и тогда они, пожалуй, даже необъятнее. А когда он, для пробы, перенесся в положение господина Альбина и постарался представить себе, что будет, если совсем освободиться от бремени чести и вкушать лишь бездонные преимущества позора, то на миг с испугом ощутил неистовое блаженство, которое заставило его сердце биться еще торопливее (Mann 1959).

Легко влившись в микрокосм санатория, герой начинает пренебрегать жизнью внизу, считая людей из своей социальной сферы холодными, пошлыми и жестокими. Ганс до той степени интернализирует этот своеобразный аристократизм, что ему кажется, что пренебрежение накопительством, цинизмом и даже возвышающее влечение к болезни сопровождали его уже перед приездом на гору:

Видите ли, нужно, вероятно, быть по натуре довольно толстокожим, чтобы так вот, безоговорочно мириться с воззрениями людей там, на равнине, с их вопросами вроде: „А разве у него еще есть деньги?“ – и с выражением их лиц, когда они говорят такие вещи. Мне это и раньше казалось чем-то неестественным, хотя я даже не homo humanus, а теперь мне ясно, что всегда поражался этому. Может быть, в таком неприятии сыграло роль скрытое предрасположение к болезни [...] (Mann 1959).

В приведенном контексте обращает на себя внимание символика пространства, совпадающая с традиционными воображениями человечества: гора становится пристанищем для личностей утонченных, чувствительных, привлекательных, в то время как на низинах (т. е. в пространстве обычной жизни) обитают люди узкого кругозора, мелкие в интеллектуальном и эмоциональном плане.

Существенным элементом пристрастия Касторпа к болезни является его увлечение русской пациенткой Клавдией Шоша. Мадам Шоша можно считать *femme fatale*, она ассоциируется с ноншалантностью, свободой нравов, хаосом, страстью. Ганс, изначально раздраженный свободным поведением Клавдии, быстро влюбляется в женщину. Данное чувство для него настолько неожиданно, что он сначала не способен найти адекватные слова для его описания и долгое время не решается явно ухаживать за обаятельной героиней. Увлечение больной, небрежной, во многом отличающейся от него женщиной герой считает приключением вне правил разума, но вскоре он признает, что настоящая любовь – не что иное, как безумие, абсурд и запретный плод. Стоит заметить, что любовь в романе иногда отождествляется с болезнью, что вписывается в приведенные Зонтаг соображения о туберкулезе как проявлении именно любви, страсти и подавленных эмоций. Данного взгляда придерживается доктор Кроковски, врач санатория, полагающий, что „симптомы болезни – это замаскированная любовная активность, и всякая болезнь – видоизмененная любовь” (Mann 1959). От увлечения Клавдией Ганса предостерегает Сеттембрини, считающий мадам Шоша воплощением отождествляемого с Востоком беспорядка, иррационализма, почтительного отношения к страданию и, следовательно, влечения к смерти. Клавдия отчасти подтверждает опасения итальянца, указывая в разговоре с Гансом на достоинства саморазрушения. Слова героини очень близки художественному миру Достоевского:

Морали? Тебе интересно? Ну вот, мы считаем, что нравственность не в добродетели, то есть не в благоразумии, дисциплинированности, добрых нравах, честности, но скорее в обратном, я хочу сказать – когда мы грешим, когда отдаемся опасности, тому, что нам вредно, что пожирает нас. Нам кажется, что нравственнее потерять себя и даже погибнуть, чем себя сберечь. Великие моралисты вовсе не были добродетельными, они были порочными, искушенными в зле, великими грешниками, и они учат нас по-христиански склоняться перед несчастьем... (Mann 1959).

Слова Клавдии о преимуществе саморазрушения Ганс повторяет потом, после смерти слишком бережного по отношению к самому себе Иоахима. В цитируемом же разговоре герой признается мадам Шоша в любви, рассуждая о магическом единстве тела, любви и смерти. Последнюю он называет торжественной и величественной силой, гораздо выше жизни [„которая хохочет, наживает деньги и набивает брюхо” (Mann 1959)] и прогресса. Герои проводят вместе карнавальную ночь, что Сеттембрини воспринимает как поражение в процессе воспитания молодого человека. Эта трактовка представляется ошибочной – во время пребывания в санатории Ганс ментально взрослеет, приобретает новые знания и умения, дистанцируясь от своих учителей и вырабатывая свое собственное, независимое мировоззрение, которое в конечном счете оказывается жизнеутверждающим. Решающим моментом является в этом отношении пробег на лыжах во время пурги, когда Ганс впервые встречается с осязаемой угрозой собственной смерти. Герою снится тогда знаменательный сон, в котором он сначала наблюдает за счастливыми, разумными и красивыми людьми на Средиземноморье (данное видение похоже на сны героев Достоевского о золотом веке человечества), а затем становится свидетелем ужасной сцены поглощения младенца двумя старыми женщинами. Ошеломленный герой приходит к заключению, что сон отражает его ментальные колебания. Как и люди из сновидения, он познал величие и блаженство смерти, что для него является условием познания и выбора жизни. Герой с этого момента противопоставляет смерти любовь и не позволяет этой первой овладеть его мыслями. Приняв решение, Ганс освобождается из снежной ловушки и возвращается в Берггоф. Как суммирует германист Малгожата Лукасевич, Манн в решающий момент способен высказаться против увлечения смертью и встать на сторону жизни (Łukasiewicz 86). Следует при этом еще раз подчеркнуть, что опыт болезни, саморазрушения и изучения иррациональных, темных сторон личности изображен Манном как необходимое условие познания и утверждения жизни.

В намеченном контексте стоит перейти к рассмотрению романа *Идиот* Достоевского. Восприятие болезни как ценности свойственно, в первую очередь, князю Льву Мышкину, испытывающему эпилептический экстаз как момент высшей гармонии и связи со сверхъестественным. Вопрос болезни Мышки-

на рассматривался в научной литературе неоднократно (Bogdanov; Przybysz). В данной статье предлагаю сопоставить Касторпа с Ипполитом Терентьевым, больным, как герой Манна, туберкулезом и склонным подвергать свою болезнь глубокому осмыслению. Ипполита и Ганса связывают некоторые элементы во внешнем виде и поведении, свойственные больным туберкулезом: бледность лица, румянец и горящие глаза, состояние напряжения, чередующиеся припадки смеха и тревоги. Положение Терентьева при этом намного хуже: его болезнь в последней стадии, ему осталось жить лишь несколько недель. Данный факт обуславливает в целом отрицательное отношение Ипполита к смерти и, с моей точки зрения, предопределяет главные различия между героями. Молодых людей объединяет, в свою очередь, порожденное контактом со смертью утверждение жизни и предоставленная болезнью возможность предаться размышлениям, обогащающим интеллект и позволяющим исследовать тайные уголки психики. Ипполит описывает данное состояние в своем *Необходимом объяснении*. Задумываясь над смыслом жизни, герой, сходным с Гансом образом, начинает пренебрегать людьми здоровыми, погруженными в суету, считая их злыми и несчастливыми, лишенными способности радоваться жизни. Он завидует здоровым людям, уверенный в том, что сам не стал бы на их месте растрачивать жизнь, но наслаждался бы ей самой по себе:

Пусть тот, кому попадетсЯ в руки мое „Объяснение”, и у кого станет терпения прочесть его, сочтет меня за помешанного, или даже за гимназиста, а вернее всего за приговоренного к смерти, которому естественно стало казаться, что все люди, кроме него, слишком жизнью не дорожат, слишком дешево повадились тратить ее, слишком лениво, слишком бессовестно ею пользуются, а стало быть, все до единого не достойны ее! И что же? я объявляю, что читатель мой ошибется, и что убеждение мое совершенно независимо от моего смертного приговора. Спросите, спросите их только, как они все, сплошь до единого, понимают в чем счастье? [...] Дело в жизни, в одной жизни, – в открывании ее, беспрерывном и вечном, а совсем не в открытии! (Dostoevskij 390).

Достоинo внимания то, что похожую уверенность мы замечаем у Мышкина в разговоре с генеральшей и сестрами Епанчиными. Несмотря на полугодичную прикованность к кровати, Ипполит проявляет интерес к жизни: получает удовольствие от помощи нищему медику, ищет правды и одобрения со стороны других, влюбляется в Аглаю, с неким презрением смотря на нерешительность Мышкина по отношению к барышне.

Со временем желание жить все чаще чередуется, однако, с безразличием, а приближающаяся смерть приводит к решению о самоубийстве как единственном оставшемся проявлении свободной воли. Данный вывод приводит на мысль слова господина Альбина, также решившего в соответствующий момент окончить свою жизнь и посеявшего в Гансе зерно вседозволенности, которая не чужда и Ипполиту. Герой Достоевского рассуждает о возможности

убийства десяти человек – для Ипполита-убийцы – практически безнаказанного. Следует здесь заметить, что идея вседозволенности выступает у Достоевского в крайних проявлениях, в то время как уравновешенный Манн остается на социально одобряемом удовлетворении влечений.

Ипполит находится в трагическом положении: он не хочет жить на унижающих его условиях, но одновременно боится смерти. Несмотря на то, что юноша замечает некие достоинства болезни, расширяющие сознание и побуждающие к искренности, ему, в отличие от Ганса, чужда сакрализация самой смерти. Он воспринимает ее как орудие всеохватывающей природы, способной беспощадно уничтожить даже высшие существа. О жестокости природы напоминает картина Ганса Гольбейна *Мертвый Христос* (*Der Leichnam Christi im Grabe*, 1521–1522) в доме потерявшего веру, inferнального Парфена Семеновича Рогожина. В ней Ипполит увидел отражение беспощадного могущества природы, отнимающего веру в бессмертие:

Тут невольно приходит понятие, что если так ужасна смерть и так сильны законы природы, то как же одолеть их? Как одолеть их, когда не победил их теперь даже тот, который побеждал и природу при жизни своей, которому она подчинилась, которой воскликнул: „Талифа куми”, – и девица встала, „Лазарь, гряди вон”, – и вышел умерший? Природа мерещится при взгляде на эту картину в виде какого-то огромного, неумолимого и немого зверя или, вернее, гораздо вернее сказать, хоть и странно, – в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчувственно, великое и бесценное существо – такое существо, которое одно стоило всей природы и всех законов ее, всей земли, которая и создавалась-то, может быть, единственно для одного только появления этого существа! Картиною этою как будто именно выражается это понятие о темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой всё подчинено, и передается вам невольно (Dostoevskij 403–404).

Ужас смерти навещает героя во сне также в виде скорлупчатого насекомого, похожего на скорпиона, которого пытается поглотить собака Норма (результат этой борьбы неизвестен). Достоевсковед Татьяна Касаткина интерпретирует скорпиона как символ осатаневшей души, обращая при этом внимание на присутствие защитника в виде собаки (Kasatkina 680–681). Сон юноши ассоциируется с видением Ганса Касторпа, который, столкнувшись со смертью в виде старух поглощающих младенца, решает в пользу жизни. Но Ипполит уже лишен возможности принимать решения в этой области. Хотя герой допускает существование вечной жизни, эта гипотеза не в состоянии его утешить.

Проведенный анализ произведений двух великих классиков позволяет сделать вывод, что в случае Ипполита смерть проявляется как лакановское Реальное, в интерпретации Агаты Белик-Робсон: как „чистая травма” (Bielik-Robson 227), прерывающая автонарратив личности (Bielik-Robson 217–218). На возможность данной интерпретации указывает также неопределен-

ność twari во сне героя: Реальное ведь не поддается символизации. Его ощущение, однако, предопределяет направление мыслей героя, значительно сужая пространство „*placet experiri*”. Ганс Касторп же болеет в комфортных, по словам Фридлендера – тепличных (Fridlender 1977), условиях. Смерть функционирует здесь как Символическое, безопасная дистанция позволяет наслаждаться свободным экспериментом. Единственным исключением представляется пурга – знаменателен факт, что именно тогда Ганс выступает против смерти, которая для неизлечимо больного Ипполита давно является чем-то неестественным, нечеловеческим. Читатель вполне вправе относить отмеченный феномен к максимализму Достоевского, который доводит болезнь до пределов, выводит ее из-под контроля. Манн, в свою очередь, изображает болезнь как своего рода вентиль безопасности, удерживая увлечение темными сторонами жизни в разумных рамках.

Библиография

- Bielik-Robson, Agata. „*Na pustyni*”. *Kryptoteologie późnej nowoczesności*. Kraków, Universitas, 2008.
- Bogdanov, Nikolaj. „Svâšennaâ bolezn' Knâzâ Myškina – morbus sacer Fedora Dostoevskogo”. *Roman F.M. Dostoevskogo „Idiot” : sovremennoe sostoânie izučeniâ*. Red. Tat'âna Aleksandrovnâ Kasatkina. Moskva, Nasledie, 2001.
- Dostoevskij, Fedor. *Sobranie sočinenij v devâti tomah*. T. 4. *Idiot*. Moskva, AST, 2004.
- Fridlender, Georgij. „«Doktor Faustus» Tomasa Manna i «Besy» Dostoevskogo”. *Dostoevskij. Materialy i issledovaniâ*. T. 14. Red. Nina Fedotovna Budanova, Irina Dmitrievna Âkubovič. Sankt-Peterburg, Nauka, 1997.
- Fridlender, Georgij. „Dostoevskij i Tomas Mann”. *Izvestiâ Akademii nauk SSSR. Seriâ literatury i âzyka*, t. 36, nr 4, 1997. Web. 12.08.2019. <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/fridlender-dostoevskij-i-tomas-mann.htm>.
- Kasatkina, Tat'âna. „Primečaniâ”. Fedor Dostoevskij. *Sobranie sočinenij v devâti tomah*. T. 4. *Idiot*. Moskva, AST, 2004.
- Łukasiewicz, Małgorzata. *Jak być artystą. Na przykładzie Thomasa Manna*. Warszawa, Towarzystwo „Więź”, 2011.
- Mann, Tomas. *Sobranie sočinenij v desâti tomah*. Tom 3. *Volšebnaâ gora*. Per. Vera Stanevič. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudožestvennoj literatury, 1959. Web. 12.08.2019. <http://lib.ru/INPROZ/MANN/zauberg1.txt>.
- Mann, Tomasz. *Dostojewski – z umiarem i inne eseje*. Przeł. Jan Błoński. Warszawa, Wydawnictwo Literackie MUZA SA, 2000.
- Pronin, Vladislav. *Istoriâ nemeckoj literatury*. Moskva, Logos, 2007.
- Przybysz, Anna Katarzyna. „Próba czytania choroby księcia Myszkina w kluczu koncepcji duchowości ciała Alexandra Lowena”. *Choroba – ciało – dusza w literaturze i kulturze*. Red. Justyna Tymieniecka-Suchanek. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2017.
- Sontag, Susan. *Choroba jako metafora. AIDS i jego metafory*. Per. Jarosław Anders. Kraków, Karakter, 2016.

IRINA SÄÄSK

***Дальние миры в романе Ивана Ефремова
Туманность Андромеды***

*Far away worlds in the novel by Ivan Efremov
Andromeda Nebula*

Abstract. The characters of the rational utopia by Ivan Efremov feel an irrational attraction to distant worlds. This allows us to reveal the relationship between Efremov's fantasy and the neo-mythological novel of modernism. One of the sources of Efremov's imagery was the book *Agni Yoga*, published anonymously in Paris by the Roerichs. Nostalgia for the distant worlds becomes a nostalgia for the free world and the pre-revolutionary past of Russia.

Keywords: utopia, Efremov, Agni Yoga, modernism, Roerich

Irina Sääsik, University of Tartu, Tartu – Estonia, rina@ut.ee, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6951-3857>

В 2017 г. в России отмечалось 60 лет со дня первой публикации романа Ивана Антоновича Ефремова *Туманность Андромеды* (1957), в котором описывается общество будущего и полеты к дальним мирам. Контакты с межгалактическим союзом Великого Кольца должны были ознаменовать, по мысли автора, новую ступень в эволюции человеческого общества. Идеи этой всекосмической связи подчинены все силы человечества в романе.

Однако в момент получения сообщений с далеких планет их отправители уже давно мертвы. Радость от контакта смешивается с горечью утраты и нестерпимой ностальгией по недостижимой внеземной цивилизации. Контакт с космосом – это контакт с прошлым, даже сама карта звездного неба отражает давно минувшее состояние. Не случайно старший современник Ефремова – Илья Эренбург – живой свет потухшей звезды сделал финальным образом своей миниатюрной элегии *Умрет садовник, что сажает семя...* (1940):

Фитиль уснет, когда иссякнет масло,
Ветра сотрут ступни горячей след.
Но нежная звезда давно погасла,
И виден мне ее горячий свет.

(Erenburg 13)

Один из главных героев романа Ефремова, Мвен Мас, совершает рискованный опыт, который ставит под угрозу жизни людей и энергетические запасы всего человечества, чтобы совершить мгновенный прорыв сквозь пространство, настолько сильна в нем тоска по видениям далеких планет, полученным во время сеансов связи. Страстность чувств героев и сама сосредоточенность на теме межпланетного общения представляется несколько чрезмерной для создателя рациональной утопии, каким считается Ефремов. Откуда она берет свои корни? На этот вопрос мы и попытаемся ответить в настоящей работе.

Представление о романе Ефремова как „коммунистической утопии” отчасти верно (Revič 172–212), но требует уточнения. Еще в 1977 г. Леонид Геллер обоснованно поставил советскую ортодоксальность художественного мира Ефремова под сомнение в статье (Geller 134–151). Благодаря исследованию Александры Алексеевны Юферовой, известно, что Ефремов использовал в романе фрагменты книги *Агни Йога*, анонимно изданной семьей Рерихов в Париже в 1929 г. (Uferova 40–44). Это – образец религиозно-философской и художественной прозы в духе исканий символизма: синтез науки, искусства и религиозных учений, прежде всего – христианства, буддизма и индуизма. В Советском Союзе подобная литература воспринималась как сугубо враждебная, несмотря на то, что сами Рерихи стремились вернуться в СССР и помочь коммунистам в построении „светлого будущего”.

Активно помогая возвращению рериховского наследия в СССР, Ефремов не считал себя чуждым идее построения коммунизма и успешно обходил идеологические барьеры. Мальчишкой он участвовал в гражданской войне на стороне красных. Служил матросом на Дальнем Востоке, учился в Ленинградском университете, а затем в Горном институте. Стал геологом, доктором биологических наук и профессором палеонтологии. Ефремов создал новую отрасль науки – „тафономию”, за книгу *Тафономия и геологическая летопись* был удостоен Сталинской премии в 1952 г. Двадцать шесть раз руководил экспедициями, в том числе – в Монголию. С 1942 г. начал писать прозу, документальную, историческую и фантастическую. Его стиль высоко оценил Алексей Николаевич Толстой [недавно Дмитрий Быков в лекции о Ефремове солидаризовался с Толстым: „Ефремов – выдающийся стилист” (Bykov)], но критика писала о нем раздраженно (отчасти потому, что он идеологически неправильно изображал прошлое).

По признанию Ефремова, роман *Туманность Андромеды* был написан в пику американской фантастике, в которой господствовала идея „войны миров” (и в подражание роману-утопии Герберта Уэллса *Люди как боги*) (Efremov I. 1961). Ефремов публично не упоминал об этом, но роман оказался полемичен и по отношению к советской политике изоляции 1940-х годов. К моменту завершения романа в 1956 г., на XX съезде КПСС, было провозглашено „многообразие путей, ведущих к социализму” и взят курс на „мирное сосуществование” с Западом: интенции автора совпали с духом эпохи. В романе Ефремова идея „мирного сосуществования” была выведена на космический уровень: первоначальное название *Великое Кольцо* символизировало дружбу космических цивилизаций.

Туманность Андромеды – роман о будущем, в котором мир землян преобразился: нет государств, правителей, рас, национальностей, нет частной собственности и семьи в современном понимании. Большая часть населения занята наукой. При этом нет узких специалистов. За время жизни, которая увеличилась в несколько раз, человек сменяет ряд специальностей. Одной из важнейших наук является психология, а одной из важнейших жизненных задач – воспитание: у каждого землянина есть свой личный учитель, которому он дает клятву, приступая к совершению подвигов по достижении совершеннолетия. В этом мире нет насилия: все, кто не хочет жить героической и трудовой жизнью, могут удалиться на острова, где они живут совершенно вольно. На острова удаляются и совершившие преступления. Все вопросы решаются коллективно, общим голосованием-референдумом. Вместо правительства существует система центров управления, связанная между собой по типу нейронной сети мозга.

Сюжет развивается в двух планах: на звездолете „Тантра” и на Земле, которая ищет контактов с другими цивилизациями (одна из важнейших обсерваторий находится в Тибетских Гималаях). В тексте много научных терминов, в том числе Ефремовских неологизмов. Ефремов реформировал жанр утопии, отбросив фигуру внешнего наблюдателя, что компенсируется развернутыми выступлениями-лекциями, обращенными к школьникам и жителям других миров.

В одной из таких речей: в лекции психолога Эвды Наль перед школьниками, приступающими к „подвигам Геркулеса”, – связь с идеями *Агни Йоги* прослеживается очень четко. Приведем несколько примеров. В § 22 *Агни Йоги* говорится: „Учение, которое ведет к истокам действительности, люди обычно называют мечтами” (Agni Joga 24¹). Для Эвды Наль это – в прошлом:

¹ Здесь и далее – цитаты приводятся по изданию *Учение Живой Этики: Знаки Агни Йоги* (см. Библиографию) с указанием в скобках Agni Joga.

„Когда-то люди называли мечтами стремление к познанию действительности [...]” (Efremov I. 1976: 204). В § 32 дается установка: „Нет личного желания, но непреложность законов материи. Не хочу, но – знаю” (Agni Joga 32). В эпоху Эвды Наль это общепринятая норма: „Когда мы говорим «Хочу», мы подразумеваем: «Знаю...»” (Efremov I. 1976: 204). В § 163 содержится утешение: „Не обращайтесь внимания на ныряния и взлеты духа, ибо это могут быть лишь кольца спирали движения” (Agni Joga 104–105). Эвда Наль вторит: „Не обращайтесь внимания на спады после взлетов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи” (Efremov I. 1976: 204).

Нет возможности описать философию Агни Йоги (буквально: огненной йоги или огненной *связи*), тем более, что ее полное изложение содержится в четырнадцати книгах, о существовании которых Ефремов и не знал до середины 1960-х годов. В ее русском названии *Живая Этика* отражен *развивающийся* характер учения. Сложный метафорический стиль и фрагментарная композиция (унаследованная от структуры дневниковых записей) делают текст герметичным, закрытым для неподготовленного читателя.

Ефремовское понимание этого учения отразилось в письме врачу Василию Вячеславовичу Россихину от 6 марта 1971 г.:

Путь в наше время лежит через общественную йогу (агни-йогу) – самоусовершенствование, и самоограничение. Но в иных целях, чем в личной йоге, которой начинают увлекаться, мечтая получить особую власть и силу. Если бы они знали, что не получают ничего, кроме самопожертвования и долга. На самых высших ступенях „посвящения” человек не может жить, не борясь с окружающим страданием, иначе он погибнет (Efremov 1276).

В книге *Агни Йога* раскрываются важнейшие понятия и образы, актуальные и для *Туманности Андромеды*: ученичество, героический труд, подвиг, борьба света и тьмы, научный прогресс, межпланетные полеты, эволюция и „новый” мир. *Агни Йога* также содержит своеобразный футурологический проект. Как и многие символисты, Рерихи ожидали, что *социальная* революция станет революцией *духа*.

При этом многие ключевые понятия советской идеологии также находили своеобразные параллели в учении Живой Этики. Например, героический „труд” в книге *Агни Йога* является одним из центральных понятий, и в ссылке репрессированные участники рериховских кружков довоенной Прибалтики проявляли чудеса трудолюбия, искренне веря, что они строят „новый мир” (см. Karklinâ).

Мы уже отметили, что выход романа счастливо совпал с эпохой Оттепели. Но без критики не обошлось. Рецензентов настораживало отсутствие упоминаний классиков марксизма-ленинизма и Октябрьской революции

(слова „советский” нет вообще). По воспоминаниям сына писателя, Ефремов отказался упоминать статую Ленина в *Туманности Андромеды*, несмотря на то, что ему предлагали за это Ленинскую премию. Аллан Ефремов вспоминал: „Например, ему прямо намекали, что если он в «Туманности Андромеды» поставит на площади памятник Ленину, то он получит Ленинскую премию” (Efremov A. 1998: 23–28).

Успеху, однако, способствовало то, что роман был опубликован в год запуска первого искусственного спутника земли. Он сразу стал „культовым”. И через десять лет был экранизирован. Первая публикация резко повысила тиражи и рейтинг журнала „Техника молодежи”. Книга переиздавалась больше ста раз на русском и других языках. В 1960 г. на книжной ярмарке в Париже роман Ефремова, переведенный на французский, оказался самой продаваемой русской книгой. Очередной корейский перевод вышел в 2017 г.

На критику Ефремов отчасти ответил в своей статье *На пути к роману „Туманность Андромеды”*, которая вышла в журнале „Вопросы литературы” как раз к моменту полета Юрия Гагарина. Разумеется, он ни словом не упомянул запрещенных источников своего романа. И речь идет не только об *Агни Йогe*. Забыв про классиков марксизма-ленинизма, он цитирует стихи Максимилаина Волошина и Эдгара По в переводе Константина Бальмонта.

Только в конце 1957 г. с приездом в Москву Юрия Николаевича Рериха, приглашенного лично Никитой Хрущевым восстанавливать советское востоковедение, имя Рериха начинает освобождаться из-под гнета запретов. С 1958 г. в СССР начинают проводиться рериховские мероприятия: выставки картин, доклады, публикации, снимается документальный фильм. Вокруг Юрия Рериха складывается кружок молодых ученых и единомышленников, среди которых и будущие „семиотики” Владимир Николаевич Топоров и Александр Михайлович Пятигорский. Завязалась дружба и у Рериха с Ефремовым.

В 1963 г., закончив *Лезвие бритвы*, Ефремов приступил к работе над продолжением *Туманности Андромеды* – романом *Час Быка*. И вновь ему потребовалась рериховская литература. В 1965 г. Ефремов обращается к Святославу Николаевичу Рериху с просьбой прислать из Индии книги. Святослав Рерих посоветовал обратиться к знатоку и собирателю наследия Рерихов из Эстонии – Павлу Федоровичу Беликову (1911–1982). Между Беликовым и Ефремовым завязалась теснейшая дружба. Беликов присылал Ефремову редкие и запрещенные книги, а Ефремов распространял их самиздатом с помощью своего друга Георгия Константиновича Портнягина (брата одного из сотрудников Николая Константиновича Рериха).

В свою очередь Ефремов всячески поддерживал Беликова: он смог успешно провести переговоры с издательством „Молодая гвардия” о публи-

кации книги „Рерих” в серии „ЖЗЛ”. Книга Беликова, написанная в соавторстве с Валентиной Павловной Князевой, появилась за два года до 100-летнего юбилея художника в 1972 г. Ефремов успел прочитать ее перед смертью и поздравить Беликова с победой. И по сей день, несмотря на все жертвы, принесенные цензуре, беликовская биография считается классикой рериховедения и переиздается на разных языках.

Ефремов цитировал не только Рерихов, но и Гумилева, Волошина, Сологуба, Цветаеву, Шкапскую, однако в романах о будущем имен не упоминал, умело маскируя „несоветское” под „советское”, а по сути – скрепляя коммунистический идеал с идеями *Агни Йоги*, то есть осуществляя именно то, чего хотел, но не мог реализовать сам Рерих. В качестве примера того, как рериховский текст у Ефремова безупречно „кодируется” советским кодом, можно привести ефремовскую трансформацию „молитвы Шамбале” из книги *Агни Йога*.

Шамбала – мифическая страна, место пребывания бессмертных Учителей. То есть „молитва Шамбале” – это молитва учителям. Поскольку общение с бессмертными Учителями происходит через земного учителя, обращение в молитве оформлено в единственном числе (§ 104): „Ты, Позвавший меня на путь труда, прими умение и желание мое. Прими труд мой, Владыка, ибо видишь меня среди дня и ночи. Яви, Владыка, руку Твою, ибо тьма велика. Иду за Тобою!” (*Agni Joga* 67). В книге молитва превращена в „Клятву Геркулеса”, которую дают совершеннолетние перед подвигами Геркулеса: „Вы, Старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь, и я пойду за вами” (Ефремов I. 1976: 202). Эту клятву цитирует в своей лекции Эвда Наль.

В фильме Евгения Шерстобитова и Владимира Дмитриевского (первоначальный сценарий написан самим Ефремовым) эта клятва не просто упоминается, а звучит в общей сложности не менее пяти раз, начиная с начала фильма. Не вызывая при этом у зрителей никакой настороженности. 23 ноября 1968 г. востоковед Георгий Пермяков сообщал Ефремову о реакции кинозала:

Но вот я сижу на *Андромеде*. Интересно, будет она лучше книги или хуже? В зале молодые люди, дело было днём. Начинается картина с пионерского собрания (сбора), как думают все, но, оказывается, это передача эстафеты. Начало не из увлекательных. Сам роман начинается по-другому и сразу захватывает (Еремينا 998).

Многие зрители восприняли клятву Геркулеса как пионерскую, хотя между ними почти нет лексических совпадений. Идентичны слова „учить”, „я” и союз „и”. Примечательно, что заглавный символ фильма – рука, несущая

огонь знания, не имея прямой аналогии в романе, отчетливо перекликается с диптихом Николая Рериха *Агни Йога* (1928–1930). То, что было Ефремовым завуалировано: „Дайте мне руку помощи, ибо труден путь”, – вернулось на визуальном уровне к исходной формуле: „Яви, Владыка, руку Твою, ибо тьма велика” (*Agni Yoga* 67). Конечно, и этот „рериховский” элемент был воспринят аудиторией как вполне „советский”, что полностью отвечало замыслу писателя.

Ефремов не стремился отказаться от слова „коммунизм”. Он только хотел наполнить его иным содержанием – в полном согласии с *Агни Йогой*, которая советовала не „влезать на костер”: „Задача была дать не запрещенную, но зовущую формулу” (*Agni Joga* 18). Той же стратегии Ефремов придерживался и в романе *Час Быка*, который смог выйти в 1968 г., в год Пражской весны и усиления цензуры. Но с появлением книжной версии романа в 1970 г. он был негласно запрещен, а после смерти писателя в 1972 г. дом Ефремова был подвергнут многочасовому обыску.

В *Агни Йоге* около 80 раз упоминаются „дальние миры” и неоднократно – планеты и межпланетные сообщения. Уже в самом начале утверждается: „Только при устремлении к междупланетности можно рассчитывать на эволюцию человечества” (*Agni Joga* 13). Цель учения формулируется так: „Изучение Агни-Йоги приближает человека к дальним мирам [...] Сознательная борьба доводит подвижника до исполнения задачи [...] он выводит планету из одиночества” (*Agni Joga* 107–108). Ср.: „Даже день трудно пробыть без воды; так же тяжело нашему сознанию пребывать без освещения дальними мирами” (*Agni Joga* 252); „Явленная череда Учителей сияет жемчугом междупланетным” (*Agni Joga* 58); „Стремление к дальним мирам есть естественное направление человеческого духа, вспоминающего свои междупланетные опыты. Необходимо направить человечество на путь к дальним мирам” (*Agni Joga* 86–87).

Однако в книге не описаны полеты на космических кораблях: „Йог не улетает в заоблачные страны, но держит серебряную нить связи дальних миров” (*Agni Joga* 121); „Для йога каждая нить сознания будет нитью дальних миров” (*Agni Joga* 142). Оказывается, „можно в ментале посещать разные планеты” (*Agni Joga* 12). Именно по этому пути в романе Ефремова пытались пойти Рен Боз и Мвен Мас. Правда, они все равно использовали возможности техники.

В *Агни Йоге* связь миров описывается иначе: есть особые состояния сознания, через которые осуществляются контакты, они обозначены символически как ритм, музыка и огонь: „[...] ритм составляет сущность музыки сфер. [...] Качество чистоты звуков является междупланетным проводом” (*Agni Joga* 97); „Огонь [...] явится надёжным проводником в дальние миры”

(Agni Joga 102); (§ 530) „Когда станут слышны звуки с дальних миров? Может быть каждый день, ибо внутренний огонь готов и соединение может произойти” (Agni Joga 324).

Правда, авторы книги предвидят и способы физического контакта: „Изучение общения между мирами должно пойти по каналам магнитных волн” (Agni Joga 50–51). Но в *Агни Йоге* этот способ не является основным. Главное – вывести планету из космического одиночества, и этой задаче посвящают себя герои Ефремова.

Случай Ефремова хорошо иллюстрирует известное положение о том, что в культуре ничто не проходит бесследно, и то, что доминировало в одну эпоху, может сохраняться позднее на периферии литературного поля. Советская фантастика сохранила некоторые элементы культуры модернизма и неомифологического романа начала XX века. „Коммунистический идеал” советского человека был внутренне неоднороден и во многих случаях носил черты своеобразного „двоеверия”. Это, по-видимому, и придавало ему определенный запас прочности, позволяя многим понимать его по-своему, зачастую в гораздо более гуманном и дифференцированном ключе, нежели требовала официальная идеология.

Библиография

- Bykov, Dmitrij. *Odin. Vremâ vyhoda v èfir*: 15.04.2016, 00:05. Web. 22.03.2020. <http://echo.msk.ru/programs/odin/1747344-echo/>.
- Efremov, Allan. „Vospominaniâ ob otce”. *Materialy 1-go Meždunarodnogo simpoziuma Ivan Efremov – učenyj, myslitel', pisatel'. Vzglâd v 3-e tysâčeletie. Predvideniâ i prognozy*. Red. Larisa Mihajlova, Tat'âna Korablëva. Moskva, НЭЦ „ЭОЛ”, 1998.
- Efremov, Ivan. „Na puti k romanu *Tumannost' Andromedy*”. *Voprosy literatury*, nr 4, 1961, s. 142–153.
- Efremov, Ivan. *Sočineniâ: v 3 t. T. 3, kn. 2*. Moskva, Molodaâ gvardiâ, 1976.
- Eremina, Ol'ga, red. *Perepiska Ivana Antonoviča Efremova*. Moskva, Veče, 2016.
- Èrenburg, Il'â. *Stihotvoreniâ*. Moskva, Sovetskaâ Rossiâ, 1982, s. 153.
- Geller, Leonid. „Mirozdanie Ivana Efremova”. *Vremâ i my*, nr 24, 1977, s. 134–151.
- Karklinâ, Inga-Galina. *Kapli živoj vody*. Samara, Agni, 1997.
- Revič, Vsevolod. *Perekrestok utopij. Sud'by fantastiki na fone sudeb strany*. Moskva, Institut vostokovedeniâ Rossijskoj Akademii Nauk, 1998, s. 161–197.
- Učenie Živoj Ètiki: Znaki Agni Jogi*. Moskva, Meždunarodnyj centr Rerihov, 1994.
- Úferova, Aleksandra. „Ivan Efremov i Agni Joga”. *Nauka i religiâ*, nr 4, 1991.

ANDRZEJ POLAK

**Rosyjskie. Europejskie. Oświecone. Rozumne.
O obecności Rosji w Azji Środkowej
(i nie tylko)**

**Russian. European. Enlightened. Rational.
On the presence of Russia in Central Asia
(and not only)**

Abstract. The author of the paper, using tools developed by postcolonial researchers, discusses the works of twentieth-century Russian writers. The setting of these texts is in the territory of Central Asia, Siberia or the Caucasus, constituting one of the factors defining them as the so-called Eastern text of Russian literature. Although most of the writers come from the other parts of Russia and – in most cases – are of Slavic descent, they know these regions quite well. These writers, however, are little interested in the problems of indigenous peoples, as long as they are not related to nationwide issues such as industrialization, collectivization or the labour camp system. The issues of destruction and loss of cultural identity, subordination, enslavement and exploitation of the local population are often omitted. The main characters in the works of Russian writers are invariably Russians, and their reference point is the Russian (Soviet) state.

Keywords: Central Asia, postcolonialism, Russian literature, colonial discourse, Yury Dombrovsky

Andrzej Polak, Uniwersytet Śląski w Katowicach, Katowice – Polska, andrzejpolakus@op.pl,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3665-0115>

Ważną część XX-wiecznego piśmiennictwa rosyjskiego stanowią utwory składające się na wschodni tekst literatury rosyjskiej. Opisywane w nich zdarzenia rozgrywają się na terytorium Azji Środkowej, Syberii lub Kaukazu, tj. w regionach przez dziesięciolecia wchodzących w skład imperium rosyjskiego i radzieckiego. Ich twórcy na ogół wywodzili się z innych części Rosji i mieli słowiańskie korzenie, co nie oznacza, że ziemie te były im całkowicie obce. Aleksandr Fadiejew na przykład dzieciństwo i młodość spędził na Dalekim Wschodzie, gdzie brał udział w walkach rewolucyjnych. Wsiewołod Iwanow pochodził z kazachskiego Semipałatyńska i już od wczesnej młodości zaznajomiony był z realiami

Syberii Zachodniej. Podczas fali głodu na początku lat 20. Aleksandr Niewierow wyruszył z Powołża w poszukiwaniu żywności do Taszkientu. Boris Ławrieniow w trakcie wojny domowej walczył w Turkiestanie. Andriej Płatonow w roku 1934 przebywał na delegacji w Azji Środkowej. Konstantin Paustowski w latach 30. zwiedził rejon Morza Kaspijskiego i Gruzję, a II wojnę światową spędził w Ałma-Acie. Jurij Dombrowski na początku lat 30. został aresztowany i zesłany także do Ałma-Aty, gdzie pracował jako dziennikarz, archeolog i nauczyciel. Od roku 1950 do 1953 miejscem uwięzienia Aleksandra Sołżenicyna był łagier w północnym Kazachstanie, a pierwsze miesiące roku 1954 późniejszy laureat Nagrody Nobla spędził w szpitalu w stolicy Uzbekistanu. Matka Siergieja Borodina pochodziła z tatarskiego rodu książęcego, a sam pisarz przez wiele lat mieszkał na Dalekim Wschodzie, w Azji Środkowej i w Armenii. Isaj Kałasznikow pochodził z Buriacji. Siergiej Załygin urodził się na Uralu, a dorastał i kształcił w altajskim Barnaulu oraz innych regionach Syberii Zachodniej (Chakasja, Omsk). Ze Wschodniej części Syberii pochodził i był z nią związany emocjonalnie Walentin Rasputin. Wreszcie urodzony w stolicy Gruzji Aleksandr Prochanow od lat 70. jako korespondent „Literaturnoj gazety” pracował m.in. w Afganistanie.

Pisarze ci w niewielkim jednak stopniu byli zainteresowani problemami ludności tubylczej, o ile tylko nie wiązały się one ze sprawami rangi ogólnopaństwowej w rodzaju kolektywizacji [*Nad Irtyszem (На Иртыше, 1964)* Załygina], industrializacji [*Kara Bugaz (Кара-Буغاز, 1932)* Paustowskiego], łagrów [*Oddział chorych na raka (Раковый корпус, 1968)* Sołżenicyna], kultu jednostki [*Kustosz (Хранитель древностей, 1964)* Dombrowskiego], rewolucji [*Ostatni z Udehe (Последний из удеге, 1929–1940)* Fadijewa, *Dżan (Джан, 1970)* Płatonowa, *Słony parów (Солёная падь, 1967)* Załygina], wojny domowej [*Błękitne piaski (Голубые пески, 1923)*, *Powrót Buddy (Возвращение Будды, 1923)* Iwanowa, *Ojczulek Amur (Амур-бабушка, 1941–1946)* Nikołaja Zadornowa, *Czterdziesty pierwszy (Сорок первый, 1926)* Ławrieniowa] czy radzieckiej strefy wpływów [*Drzewo w centrum Kabulu (Дерево в центре Кабула, 1982)*, *Rysunki batalisty (Рисунки баталиста, 1989)* Prochanowa]. Milczeniem pomijano kwestie niszczenia i utraty tożsamości kulturowej, podporządkowania, zniewolenia, eksploatacji, deterytoryzacji i dehistoryzacji, peryferyjności, traumatycznego doświadczenia reżimu radzieckiego, wypierania przez rosyjską cywilizację świata lokalnych wierzeń i obyczajów. Również powieści historyczne, w rodzaju *Gwiazd nad Samarkandą* Borodina czy *Okrutnego wieku* Kałasznikowa, ukazujące średniowieczne dzieje regionu, wyróżnia podejście zideologizowane, przeciwstawiające twórczym masom ludowym niszczycielski despotyzm okrutnych władców (Timur-Tamerlan, Dżyngis-chan).

W dziełach pisarzy rosyjskich Rosjanie obsadzani są w roli „starszych braci” ludów Azji, zobowiązanych do miłości i opieki nad „braćmi młodszymi”. Po-

dejscie to świadczy o zakładanej przez imperium rosyjskie cywilizacyjnej i nadrzędnej pozycji narodów słowiańskich wobec ludów niesłowiańskich i nieeuropejskich (muzułmańskich, żydowskich, politeistycznych). Zgodnie z dyskursem kolonialnym Rosjanie – jako rzecznicy postępu – starają się wyrwać autochtonów z odwiecznego zacofania, polegającego na przywiązaniu do przesądów i religii, nieznajomości techniki (o katastrofie przymusowej modernizacji na radzieckich peryferiach, oczywiście, się nie wspomina), braku higieny i kultury. Zapędy kolonizatorskie, zwłaszcza w okresie radzieckim, przybierają postać zakrojonych na wielką skalę projektów modernizacyjnych. W rzeczywistości było jednak inaczej. Jak zauważa Aleksandr Etkind, Rosjanie za pomocą prochu, alkoholu i roznoszonych chorób zniszczyli, wyparli lub zasymilowali liczne narody azjatyckie. Proceder ten trwał kilka stuleci (Etkind 96). Utwory rosyjskie wyróżnia ponadto nieobecność kontradyskursu (*obratnyj narrativ, counter-narrative*), kontestującego apodyktyczną (meta)narrację oficjalnego kanonu. Kwestie podporządkowania, zniewolenia, eksploatacji czy degradacji kulturowej podejmowane są w nich rzadko i – z reguły – niebezpośrednio.

Zainteresowanie Rosjan Azją zapoczątkowały wydarzenia z połowy XVI wieku, kiedy to miał miejsce podbój i przyłączenie do Moskwy chanatu kazańskiego i astrachańskiego. Państwo moskiewskie sięgnęło wówczas daleko poza etnograficzne i religijne granice Wielkiej Rosji i stanęło wobec konieczności dokonywania nowych podbojów (Heller 152). Moskwa podporządkowała swej władzy całe Powołże, a od Persji dzieliło ją tylko Morze Kaspijskie. Wkrótce rozpoczął się podbój chanatu syberyjskiego. Poszerzenie granic państwa przyniosło znaczne korzyści ekonomiczne, a car moskiewski stał się władcą ludów muzułmańskich zamieszkujących podbite tereny (Heller 153).

Powolny, lecz konsekwentny podbój Azji Środkowej rozpoczął się za Piotra Wielkiego. To właśnie od jego czasów funkcjonuje w Rosji pojęcie ucywilizowania, zakładające obowiązkową znajomość języków i kodów kulturowych Europy oraz świadomość własnej przewagi nad mniej rozwiniętymi narodami zamieszkującymi terytoria usytuowane na południe i wschód od metropolii. Piotr pragnął zanieść wschodnim narodom stojącym na „niższym” szczeblu rozwoju kulturalnego płody cywilizacji europejskiej uzyskane od Zachodu. Chciał podporządkować Rosji chanaty Chiwy i Buchary, w których planował zainstalować rosyjskie oddziały wojskowe w charakterze gwardii chanów. Pierwsze próby nie były jednak udane. Wyprawa księcia Aleksandra Bekowicza-Czerkasskiego na Chiwę w roku 1717 zakończyła się katastrofą (Heller 355). W XVIII stuleciu piśmiennictwo rosyjskie, dzięki przekładom na języki zachodnie, dołączyło do dyskursu orientalnego, zasadzającego się na opozycji Wschodu i Zachodu, gdzie Zachód uznawany był za ostoję cywilizacji otoczoną przez morze barbarzyńców, których należy podbić, narzucając im normy moralne i kulturowe. W wieku XIX zaczął

się kształtować złożony, wielowymiarowy dyskurs, który można nazwać „rosyjskim orientalizmem” – zjawisko odrębne, choć silnie związane z ukształtowanym w epoce oświecenia orientalizmem zachodnim (Alekseev). Poszerzanie terytorium imperium rosyjskiego tłumaczono troską o zapewnienie bezpieczeństwa, poszukiwaniem niezawodnych granic, najlepiej naturalnych (Heller 384). Polityka ta spowodowała przyłączenie do Rosji pomiędzy rokiem 1858 a 1881 m.in. Kraju Amurskiego, Wschodniego i Zachodniego Kaukazu, Taszkientu, Samarkandy, Buchary, Chiwy, Kokandu i Geog-Tepe. Podbój tych obszarów przyspieszyły niepowodzenia w wojnie krymskiej, skutkiem której uwaga zwolenników polityki ekspansjonistycznej skupiła się na kierunku środkowoazjatyckim. Ekspansja państwa rosyjskiego miała dwie przyczyny: polityczną – chodziło o przeciwstawienie się planom Wielkiej Brytanii w Azji i ekonomiczną – miała służyć wspieraniu interesów rozwijającego się rosyjskiego przemysłu i handlu (Heller 621).

Sytuacja podbitych przez Rosjan terytoriów w Azji Środkowej zmieniła się po rewolucjach roku 1917, kiedy to na ziemiach nierosyjskich zaznaczył się wzrost nastrojów niepodległościowych. Dla Kazachów i Kirgizów koloniści rosyjscy, którzy zajęli ich pastwiska, byli nie tyle wrogami klasowymi, ile etnicznymi. Podejmowane wówczas przez narody zamieszkujące centralną część Azji próby uzyskania samodzielności zakończyły się jednak niepowodzeniem. W latach 1918–1919 Azja Środkowa stała się widownią gwałtownych starć, w czasie których konflikty społeczne („klasowe”) były wyrazem przede wszystkim nienawiści narodowej, a nawet rasowej (Pipes 157). Nieprzypadkowo komunistyczny historyk Grigorij Safarow nazwał wydarzenia w Turkiestanie (1917–1918) rewolucją kolonialną. Pomysł autonomii Turkiestanu został odrzucony, a muzułmanom stanowiącym 97% ludności odmówiono prawa do zasiadania w organach władzy sowieckiej. Na skutek podejmowanych przez nowe władze praktyk kolonialnych nieliczna mniejszość rosyjska zdominowała ludność tubylczą i wykluczyła ją z udziału w rządzeniu. Komunistyczny historyk i świadek wydarzeń nie zawahał się nazwać ten reżim „feudalnym wyzyskiem szerokich mas rdzennej ludności przez rosyjskiego czerwonooarmistę, kolonistę i urzędnika” (Pipes 166).

Co ciekawe, ani w Rosji carskiej, ani w Rosji radzieckiej podbitych terytoriów nigdy nie nazywano koloniami. Chociaż propozycje takie się pojawiały, to skazane były na niepowodzenie. W wieku XIX część działaczy państwowych zamierzała wprowadzić w imperium rosyjskim pojęcie kolonii. W roku 1873 generał-gubernator Turkiestanu Konstantin von Kaufman w projekcie *Polożeniâ ob upravlenii Turkestanskogo kraâ* porównał rosyjskie posiadłości w Azji do Indii Brytyjskich i zaproponował, aby zarządzać nimi jak koloniami, co spotkało się z odmową ministra wojny Dmitrija Milutina (Hodarkovskij 109). Obszar rosyjskiej kolonizacji poszerzał się wraz z rozwojem terytorialnym państwa. Terenom kolonizowanym nadawano szczególny status, należały one jednak bezpośrednio do Rosji, skut-

kiem czego władze nie czuły potrzeby stosowania podziału na kolonie i metropolię (Etkind 100). Był to rzadki przypadek kolonializmu bez kolonii. Tymczasem rozwój modelu kolonialnego w azjatyckiej części imperium niewiele odbiegał od modelu francuskiego, hiszpańskiego, portugalskiego i niemieckiego, tj. państw, które bezpośrednio zarządzały koloniami. Różnica polegała na tym, że Rosjanie uparcie odmawiali uznania faktu posiadania kolonii; przyłączane nowe terytoria i narody niemal natychmiast uznawano za nieodłączną część państwa rosyjskiego (Hodarkovskij 111). Także propaganda radziecka unikała określania stosowanych praktyk mianem kolonizacji. Pośród opozycji o „kolonizacji radzieckiej” mówili tylko radykalni nacjonaliści w republikach radzieckich. Nawet dysydenci terminologię tę uznawali za zbyt radykalną. W rezultacie krytyka radzieckiej polityki eksploatacji i akulturacji korzystała z innych, niezwiązanych z kolonizacją pojęć (Kukulin).

Chociaż wydarzenia opisywane w utworach Dombrowskiego, Sołżenicyna czy Fadiejewa rozgrywają się w Azji Środkowej, to ich bohaterami są niemal wyłącznie Rosjanie, a punktem odniesienia państwo rosyjskie, nigdy zaś peryferyjny Kazachstan czy Uzbekistan. Azja Środkowa konsekwentnie prezentowana jest jako terytorium rosyjskie, a doświadczenia postaci są doświadczeniami rosyjskimi, zanurzonymi w kulturze i historii Rosji. Dzieje i tradycje świata muzułmańskiego są wyparte lub marginalizowane, ludność tubylcza jest milcząca i bezimienna. Dotyczy to nawet tych tekstów, które, jak *Kustos* Dombrowskiego, wydają się wolne od retorycznych rozwiązań udzielających wsparcia imperialnym wysiłkom Rosjan, ukazanych jako ludzie zatroskani rozwojem zapóźnionych regionów. Wypowiedzi poświadczające, że skolonizowani w niczym nie ustępują kolonizatorom, są rzadkie. Jak zauważa główny bohater powieści Dombrowskiego:

[...] Przed dwoma laty pojechałem służbowo do pewnego stepowego sowchozu w partyjnej sprawie. Wspaniały sowchoz. Nie da się ukryć. Doskonale zorganizowany, rentowny... Step, a wszędzie ogrody, ogródki, zieleń, szkoła średnia, piętrowy klub. Dyrektor to rdzenny mieszkaniec tej ziemi. I trzyma się jej zębami (Dombrowski 173–174).

Nawet w takich przypadkach uwaga skupia się jednak na osobach popierających władze radzieckie. Główny bohater *Kustosza* wspomina o działaczu politycznym kazachskiego pochodzenia, który wślawił się odwagą podczas rewolucji, był przyjacielem Kujbyszewa i ma „niemal rosyjskie nazwisko”, co czyni zeń typową kolonialną hybrydę. Skutkiem praktyk kolonialnych jest bowiem kształtowanie się tożsamości hybrydowej. Mieszkańcy kolonii muszą postrzegać i oceniać samych siebie zarówno „od wewnątrz”, jak i „z zewnątrz”, z punktu widzenia i wartości kolonizatorów (Kukulin). Postawa działacza, świadcząca o częściowej identyfikacji z kulturą najeźdźców, odsyła nie tylko do kategorii hybrydowości,

ale także implementacji przez narody skolonizowane kultury kolonizatorów i dostosowaniu uniwersalnej jakoby misji historycznej do warunków lokalnych. Jasny podział na kolonizatorów i kolonizowanych zaciera się. Powieść Dombrowskiego, jak wiele innych, sugeruje centralny charakter kultury rosyjskiej w tym regionie.

Twórcy literatury rosyjskiej świadomie wprowadzają postacie wyedukowanych, kulturalnych krajowców, których postawa ma poświadczać wyższość kultury rosyjskiej. Osoby te wyróżnia rozmyte, hybrydowe poczucie przynależności narodowej, spowodowane charakterystyczną dla kolonializmu państwowego metodą zarządzania, w której Rosja wyprzedziła pozostałe mocarstwa europejskie. W roku 1835 angielski historyk Thomas Macauley wzywał do utworzenia w Indiach klasy rządzącej, której członkowie byliby „Hindusami z krwi i koloru skóry, ale Anglikami ze względu na gusta, intelekt i wartości moralne”. Tymczasem podobna klasa pośredników, od dawna obeznanych z kulturą rosyjską, pomagała Rosji władać podbitą ludnością. Od końca wieku XVIII synów znaczących przedstawicieli skolonizowanych narodów wysyłano po naukę do rosyjskich szkół elitarnych. Po powrocie przewodzili oni swoim narodom z korzyścią dla imperium (Hodarkovskij 113).

Pisarze rosyjscy mniej lub bardziej intencjonalnie wpisują dzieje Azji Środkowej w historię Rosji i jednocześnie wymazują doświadczenia ludów podbitych. Proceder ten Edward Said nazwał strategią zawłaszczania kulturowego, tylko bowiem opowieść zdobywcy warta jest opowiedzenia, skolonizowani muszą zaś pozostać głusi i niemi kulturowo (Thompson 172). Zgodnie z sugestią zawartą w piśmiennictwie rosyjskim to właśnie Rosjanie wprowadzili w azjatyckiej dżicy wszelkie udogodnienia cywilizacyjne. Ziemie te i ich mieszkańcy wydają się wręcz pożądać rosyjskiej obecności, pomocy i kultury. Jak pisze Ewa Thompson, już Nikołaj Karamzin w *Historii państwa rosyjskiego* utrzymywał, że Moskwa zdołała poszerzyć swe dominia dzięki wpływowi moralnemu, a nie dzięki sile armii. Mit pokojowej ekspansji Rosji obecny jest w wielu tekstach współczesnej literatury rosyjskiej (Thompson 177). Tymczasem, zdaniem badaczki, skutkiem rosyjskiego panowania w Azji Środkowej stało się spustoszenie i regres cywilizacyjny (Thompson 183). Opinia ta jest sprzeczna z fundamentalnym dla dyskursu kolonialnego binarnym podziałem na „cywilizację” i „barbarzyństwo”, gdyż Rosja uznana zostaje za barbarzyńską nie tylko wobec Zachodu, ale również Wschodu.

Przedstawiciele XX-wiecznej literatury rosyjskiej pełną garścią czerpią z retorycznych rozwiązań typowych dla narracji kolonialnej. Jak zauważa Ilja Kukulin, w nieoficjalnej kulturze rosyjskiej i w kulturze narodów radzieckich świadomość postkolonialna zaczęła się kształtować dopiero w latach 60. Stało się tak, ponieważ ZSRR od samego początku uchodził za „imperium działań pozytywnych” (*imperiiâ utverždaûšego dejstviâ*, wyrażenie Terry’ego Martina). W pierwszym

dziesięciolecie po rewolucji na poziomie propagandy i taktyki władze radzieckie uznawały mniejszości narodowe za „już zdekolonizowane”, jednakże na poziomie administracyjnym i w perspektywie strategicznej ustanawiały nowy, nieoficjalny reżim kolonialny, wspierany przez probolszewickie elity miejscowe. Podejmowane w tym czasie przez władze lokalne nieśmiałe próby prowadzenia prawdziwej polityki antykolonialnej spotykały się ze zdecydowanym sprzeciwem władz centralnych. Proceder, polegający na przechwytywaniu haseł antyimperialnych i prezentowaniu ich jako polityki nowego rządu, Kukulin nazywa kolonializmem utopijnym. W latach 30. XX wieku państwo radzieckie zarzuciło koncepcję imperium działań pozytywnych i zastąpiło ją programem nazwanym przez Davida Brandenbergera narodowym bolszewizmem (wcześniej terminem tym posłużył się Michaił Agurski, odnosząc go do światopoglądu charakterystycznego dla małych grup przywódców partyjnych i inteligencji). Brandenberger narodowy bolszewizm uznał za zjawisko społeczne o szerszym wymiarze – odmianę zideologizowanej kultury masowej, propagowanej w latach 30. Naród rosyjski obwołany został „starszym bratem”, podstawowym i państwowotwórczym etnosem radzieckim (Kukulin).

Z końcem epoki stalinowskiej narodowy bolszewizm zniknął z przestrzeni publicznej. Nie zastąpiła go jednak żadna inna ideologia. W czasach Breżniewa radziecką politykę narodową cechowało podejście pragmatyczne, nastawione na rozwiązywanie zadań taktycznych i podtrzymywanie kruchego spokoju społecznego. Ważnym aspektem tej postutopijnej sytuacji była powszechna, dotycząca zarówno władz, jak i społeczeństwa pamięć o katastrofalnej przemocy lat 30. i 40. – Wielkim Terrorze, deportacji narodów, II wojnie światowej. Erozja ideologii kolonialnej i strach przed nowymi represjami spowodowały ważne następstwa kulturowe. Próby opisanie skutków polityki narodowościowej (*nacional'noe stroitel'stvo*) i transformacji samoświadomości narodów radzieckich doprowadziły do uznania świadomości człowieka radzieckiego za hybrydową, łączącą wzajemnie sprzeczne cechy osoby „sprawującej rządy” i „rządzonej”. Po rozpadzie ZSRR w literaturze rosyjskiej i literaturach byłych republik radzieckich przejawy świadomości postkolonialnej stały się bardziej widoczne. Według Kukulina w latach 1960–1980 w części literatur radzieckich ukształtowało się „postkolonialne pismo w sobie”, w latach 90. i na początkach nowego stulecia zaś „postkolonialne pismo dla siebie” (Kukulin). Rozpad ZSRR spowodował ponadto pośmiertny żywot kultury radzieckiej.

Inną ważną kwestię stanowi zacieranie się granic pomiędzy Rosją a rosyjskim Orientem. Z tego powodu miejsce Orientu w obrębie kultury rosyjskiej jest nieokreślone. Trudno rozstrzygnąć, czy pewne terytoria wraz z zamieszkującą je ludnością są jeszcze Rosją, czy już nie. W wieku XIX kolonizacja Powołża, Uralu i Syberii stała się domeną przeszłości i podlegała polityce wewnętrznej.

Zmieniały się granice oddzielające „swoich” od „obcych”. Kolonizacja sąsiedniego „obcego” powodowała, że zyskiwał on status „swojego”. Proces ten nie zawsze oznaczał rusyfikację kolonii – niekiedy sami Rosjanie chętnie naśladowali mieszkańców podbitych lub przyłączonych obszarów. Nacjonalizacja nowego „swojego” wymagała jednak kolonizacji kolejnych „obcych”. W rezultacie granice Rosji zmieniały się nieustannie i były dziełem fantazji. Wierzono powszechnie, że konieczność ustanowienia nowych granic podyktowana jest wymogami bezpieczeństwa imperium i jego mieszkańców. Wraz ze wzrostem terytorialnym imperium rozszerzały się także granice kultury rosyjskiej. Rosja była więc nie tyle terytorium realnym, ile dziedziną „geografii wyobrażonej”. Przekonanie o zmienności i wyobrażeniowym charakterze granic w znacznej mierze wynikało z kompleksów Rosjan wobec Europy. Rosja była bowiem Europą z perspektywy Azji, ale Azją z perspektywy Europy (Norimatsu 299). Niemniej jednak zacofanie Rosji wydaje się względne. Na przestrzeni wieków państwo rosyjskie odstawalo od Europy niemal pod każdym względem – handlu, nauki, ekonomii, wojskowości czy spraw religii. Dotyczy to jednak, twierdzi Michael Chodarkowski, przede wszystkim społeczeństwa. Trudniej natomiast dowodzić zacofania rosyjskiego aparatu państwowego. To właśnie nadmierna rola rządu w historii państwa stała się głównym czynnikiem odróżniającym Rosję od pozostałych imperiów europejskich (Hodarkovskij 105).

Współczesnych Rosjan cechuje ograniczona wiedza na temat literatury i kultury państw Azji Środkowej. Zdaniem Władimira Miedwediewa, Azja Środkowa dla większości Rosjan była i nadal pozostaje „ziemią nieznaną”. Pierwsze utwory literatury rosyjskiej poświęcone temu regionowi powstały dopiero w czasach radzieckich. Były to *Gwiazdy nad Samarkandą* (*Звезды над Самаркандом*, 1953–1973) Siergieja Borodina, *Człowiek zmienia skórę* (*Человек меняет кожу*, 1933–1934) Brunona Jasińskiego, *Nisso* (*Ниссо*, 1946) Pawła Łukinczkiego. Obecnie czytelnicy znają, co najwyżej, *Opowieść o Hodży Nasreddinie* (*Повесть о Ходже Насреддине*, I część 1940, II część 1950, opublikowane w ZSRR w 1956 roku) Leonida Sołowjowa. Najważniejsze współczesne rosyjskie utwory poświęcone Azji Środkowej to *Chorramabad* (*Хуррамабад*, 2000) i *Powrót do Pandżurudu* (*Возвращение в Панджруд*, 2013) Andrieja Wołosa, *Powieść taszkiencka* (*Ташкентский роман*, 2006) Suchbata Aflatuni (Jewgienij Abdullajew), *Przekład z notatnika* (*Перевод с подстрочника*, 2013) Jewgienija Czyżowa (*Aziá ušla ot nas nepoznannoj: interv'ù s Vladimirom Medvedevym*, źródło elektroniczne). Tymczasem wkładu narodów środkowozjatyckich w kulturę światową nie sposób przecenić. W wiekach średnich tutejsza literatura i jej wybitni przedstawiciele – Rudaki, Aliszer Nawoi czy Dżami – stanowili część świata arabsko- i perskojęzycznej kultury wysokiej. W XVIII i XIX stuleciu w Azji Środkowej zaczęły powstawać narodowe szkoły literackie, literatura była wówczas

nieodłączną częścią kultury islamu. Na poetykę i metaforykę środkowoazjatyckich utworów wpływ miała religia, częste były odwołania do Proroka i Koranu. W pierwszej kolejności rozwijała się poezja, stanowiąca najwyższe osiągnięcie kultury perskiej i tureckiej tamtych czasów.

Rozwój sztuk został zahamowany w połowie XIX wieku, kiedy to Azją Centralną zainteresowały się imperia rosyjskie i brytyjskie. Pod ich naciskiem miejscowe reżimy utraciły niezależność. Był to nie tylko kryzys polityczny, ale także kulturalny. W kolejnym stuleciu region zaczął podlegać globalizacji. Miejscowe elity, w odróżnieniu od lepiej obeznanego z Europą Imperium Osmanów, nie były przygotowane na postęp i ekspansję kultury zachodniej. Azja Środkowa doświadczyła ponadto niepoddającej się prostym ocenom sowietyzacji. Chociaż podniósł się ogólny poziom wykształcenia, to rozwój kultur narodowych był hamowany przez władze centralne – wspieranie tradycji narodowych oraz zainteresowanie własną historią Moskwa uznawała za niebezpieczny nacjonalizm, prowadzący do separatyzmu. Mimo to w okresie radzieckim pojawiło się wielu interesujących twórców, takich jak Abdiżamil Nurpeisow, Czyngiz Ajtmatow, Szamszad Abdullajew, Muhammad Salih czy jawnie opozycyjna Annasoltan Kiekiłowa. Położenie miejscowych dysydentów było dużo gorsze niż dysydentów rosyjskich. Ci drudzy mogli bowiem liczyć na międzynarodowy rozgłos, podczas gdy opozycjonistom środkowoazjatyckim uzyskać takie wsparcie było dużo trudniej (Vereskov).

Po rozpadzie ZSRR państwa Azji Środkowej doświadczyły licznych kryzysów politycznych i gospodarczych. Do władzy doszły reżimy autorytarne. Wyjątek stanowi Kazachstan oraz – w pewnym stopniu – Kirgizja. Trudna sytuacja panuje w Tadżykistanie, gdzie w zasadzie jedynym publikowanym „pisarzem” jest prezydent państwa Emomali Rachmon. Nie lepiej dzieje się w Turkmenistanie, Uzbekistanie i Kirgizji. Pisarze tworzący w miejscowych językach narodowych praktycznie pozbawieni są czytelników. W całej Kirgizji, którą zamieszkuje ponad sześć milionów mieszkańców, funkcjonuje zaledwie ok. dwudziestu księgarni. Lekceważący stosunek do kultury przy równoczesnym ograniczaniu swobód politycznych powoduje, że od lat 90. XX wieku trwa emigracja pisarzy środkowoazjatyckich do Europy Zachodniej. Nakłady ich książek są tam jednak niewielkie i przypominają radziecki samizdat (Vereskov). Trudno rozstrzygnąć, w jakiej mierze zaistniała sytuacja ma związek z długą przynależnością regionu do Rosji i ZSRR, co dowodzi potrzeby łączenia badań postkolonialnych z postradzieckimi. Na związek ten wskazuje Thompson, wedle której redukcja i eliminacja środkowoazjatyckich elit w latach 20. ubiegłego wieku stała się gwarancją, że azjatyckie kolonie Rosji nie prędko przemówią własnym słyszalnym głosem (Thompson 186). W stwierdzeniu tym jest sporo racji, tym bardziej że część państw tego regionu nadal pozostaje uzależniona od Rosji, co świadczy o ich postkolonialności. Termin ten, w odróżnieniu od wężiej rozumianego postkolonializmu, akcentuje

wymiar psychologiczny i mentalny. Jeśli autorefleksja kolonizatorów stanowi cechę szczególną świadomości europejskiej, która objawia się nienawiścią do samych siebie, to w Rosji świadomość taka jest zjawiskiem rzadkim, w przestrzeni publicznej wręcz nieobecnym.

Bibliografia

- Alekseev, Pavel Viktorovič. *Russkij obraz Vostoka kak problema postkolonial'noj kritiki*. Web. 16.04.2019. <https://studfiles.net/preview/8118552/>.
- Aziâ ušla ot nas nepoznannoj: interv'û s Vladimirom Medvedevym. Web. 11.05.2019. <http://www.ca-portal.ru/article:44180>.
- Dombrowski, Jurij. *Kustosz*. Przeł. Ignacy Szenfeld. Warszawa, Czytelnik, 1987.
- Ètkind, Aleksandr. *Vnutrennââ kolonizaciâ. Imperskij opyt Rossii*. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Heller, Michaił. *Historia Imperium Rosyjskiego*. Przeł. Eugeniusz Mielech i Tadeusz Kaczmarek. Warszawa, Książka i Wiedza, 2002.
- Hodarkovskij, Majkl. „V čem Rossiâ «operežala» Evropu, ili Rossiâ kak kolonial'naâ imperia”. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii*. Red. Aleksandr Ètkind, Dirk Uffel'mann, Ilja Kukulin. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, s. 105–116.
- Kukulin, Il'â. «Vnutrennââ postkolonizaciâ»: formirovanie postkolonial'nogo soznaniâ v ruskoj literature 1970–2000. Web. 21.06.2019. <http://gefter.ru/archive/11708>.
- Norimacu, Kêhêj. „Problema granicy «Rossii» v kavkazskih tekstah russkogo romantizma”. *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul'turnoj istorii Rossii*. Red. Aleksandr Ètkind, Dirk Uffel'mann, Ilja Kukulin. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, s. 284–310.
- Pipes, Richard. *Rosja bolszewików*. Przeł. Władysław Jezewski. Warszawa, Wydawnictwo Magnum, 2005.
- Thompson, Ewa. *Trubadurzy Imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*. Przeł. Anna Sierszulska. Kraków, Universitas, 2000.
- Vereskov, Sergej. *V kraû hlopka i krovi: čto nado znat' o literature Srednej Azii*. Web. 26.07.2019. <https://knife.media/uzbek-writers/>.

KRZYSZTOF TYCZKO

Патологический разум в пьесе Аси Волошиной *Пациенты*

Pathological reason in Asya Voloshina's drama *Patients*

Abstract. In this article Asya Voloshina's drama *Patients* is analysed in the context of the pathologies the characters deal with. The inspirations of her play are described, i.e. the films and memories of Luis Buñuel as well as medical cases from the practice of Oliver Sacks. The author also refers to Dante Alighieri's *The Divine Comedy*. In this perspective the analysed work is a text about fear that appears when the quest for freedom is abandoned. If in *The Divine Comedy* in hell and purgatory are people who are sinful and do not know Christ, in the universe of the clinic in "hell" there are all those who are afraid. Voloshina's play constitutes one out of a number of her works concerning the social and political situation in Russia. In the play, the author points to fear as the source of the viciousness of the collective consciousness. Voloshina raises a question that is characteristic of the post-Soviet space: the characters "hide from themselves and their fate". Voloshina, however, leads them towards it.

Keywords: contemporary theatre, philosophy, neurology, Oliver Sacks, Luis Buñuel

Krzysztof Tyczko, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, krzysztof.tyczko@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8926-9641>

Ася Волошина родилась в 1985 году в Ростове-на-Дону. Двадцать восемь лет спустя она окончила магистратуру по специальности драматургия в Российском государственном институте сценических искусств (курс Натальи Скороход). По состоянию на сегодняшний день Волошина является автором более двадцати пьес, последние из которых это *Дания тюрьма* и *Подтвердите, что вы человек*.

Для творчества Волошиной характерно философское размышление о состоянии человека и мира. Сосредоточиваясь на истории конкретного человека, Волошина одновременно ведет обобщенное повествование о боли, страдании, смерти, свободе, рабстве, справедливости и жертвенности. Кроме того, с каждым новым текстом она все очевиднее подвергает критике текущую общественно-политическую ситуацию в России, не только фокусируясь на представителях власти, но анализируя географические, культурные и социальные составляющие происходящего. Драматургу безразличен

также вопрос о моральной силе молодого поколения и его способностях влиять на российскую действительность.

Пьесы Волошиной переведены на несколько языков: французский, английский и польский. В 2015 году в Театре „Вспулчесны” во Вроцлаве состоялась премьера спектакля *Не надо* (реж. Камила Михаляк, перевод Татьяны Джицимской). На польский язык была также переведена пьеса *Анна Франк* (перевод Ежи Сыгидуса) и монопьеса *Мама* (перевод Кшиштофа Тычко, публикация в ежемесячнике „Dialog” 2018, № 3), перформативное чтение которой состоялось 28 мая 2018 года в рамках 14-го Международного театрального фестиваля „Контакт” в Торуне (реж. Филип Фронтчак). На польский язык переведена также пьеса *Пациенты* (перевод Кшиштофа Тычко).

*

Современной трактовке понятия *разума* толчок дала философия Иммануила Канта. *Разуму*, понимаемому в качестве единой функции открытия и познания заложенных Абсолютом рациональных начал, Кант противопоставил плюрализм *разумов* как продуктов культуры и действующего в ее рамках человека. Познание *вещи в себе*, некоей абстрактной сущности, оказалось невозможным из-за ограниченности человеческого *разума* и его раздробленности. Человеку приходится довольствоваться лишь представлениями о явлениях. *Разум*, как отмечает Эдмунд Моравец, был поделен на разные „частичные функции и специфические действия, что, собственно, и привело к ограничению теоретического разума и выдвиганию на первое место практического разума” [здесь и далее перевод мой – К. Т.] (Morawiec 131). „Человек, – пишет далее польский философ, – неспособен познать существование Бога и интеллигибельного мира, поэтому нельзя его воспринимать как животное, способное создавать метафизику” (Morawiec 131).

Современные концепции *разума*, согласно философу, направлены уже не на природу человека, а на его действия. *Разум* в наше время является неким условным центром, в котором происходят процессы многостороннего взаимодействия с реальностью. „Разум стал процедурой” и потерял метафизический статус естественного, врожденного, зато человек приобрел статус мыслящей и действующей личности (Morawiec 147).

*

Действие *Пациентов* (2015) происходит в клинике для людей с неврологическими отклонениями. Пациенты страдают болезнями, подробно описанными британским неврологом Оливером Саксом в книге *Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики* (*The Man Who Mistook His Wife for a Hat*, 1985). Но кроме отсылки к британ-

скому врачу, Волошина в качестве второй опоры своего художественного мира выбрала жизнь и творчество испанского режиссера Луиса Бунюэля, работавшего в основном в стиле сюрреализма и известного как скандалиста и критика социальных устоев. Герои Бунюэля постоянно попадают в обстоятельства с разрушенной причинно-следственной связью. Сопровождая свои действия умными комментариями, они с серьезным лицом совершают очевидные нелепости. Для фильмов испанского режиссера характерен также шок, которому подвергается зритель, и здесь речь идет не только о его ранних фильмах, например об *Андалузском псе (Un Chien Andalou, 1928)*, с реалистичным кадром разрезания глаза, но также о внушительном изображении Девы Марии в *Млечном пути (La Voie Lactée, 1969)* как очень привлекательной молодой девушки, которая, по всей вероятности, вовсе не старше своего сына, а то и моложе его. Ее образ не оставляет сомнений в том, что режиссер балансирует на грани социального приличия. Данные нарушения нормы, вошедшие в художественный мир Волошиной, я и называю *патологическим разумом* – процедурой, движущей универсум пьесы к финалу, т. е. к показу фильма, снятого одним из героев, разрушению и высвобождению „забытого” в героях.

*

В пьесе семь персонажей: Ион – кинорежиссер, Агнешка – молодая религиозная полячка, Маша – молодая женщина из России, Штурмберг – западноевропейский интеллеktуал и бывший врач, Миссис О’Нилл – пожилая женщина и Джонни – пожилой мужчина, в прошлом моряк. Язык общения героев – русский. В числе персонажей упоминается также доктор Проспер – главный врач клиники, в прошлом ученик Штурмберга, вступивший в должность с момента ухода учителя. Его внесценический статус охарактеризован автором как символ *богооставленности*. Семантика произведения, таким образом, выходит за рамки интертекстуальной игры с научными и художественными мирами Сакса и Бунюэля и становится транспозицией неких онтологических идей в художественное повествование.

„Пациенты” – пьеса не о болезнях, не о здоровье и не о норме (и даже не о ее отсутствии). Она о том, как герои волей или неволей прячутся от себя и своей судьбы. И на этой кружной незаметной тропинке сталкиваются лоб в лоб с роком – как будто торопились на свидание с ним. При этом каждый может и сам, для себя незаметно, стать посланцем рока для кого-то другого (Vološina, электронный ресурс)

– пишет Волошина в аннотации к пьесе.

Персонажей мы можем разделить на главных и второстепенных. К первой группе принадлежат Агнешка, Ион и Маша; ко второй – все остальные,

кроме доктора Проспера, который в силу своего внесценического характера находится за рамками данного деления.

Ион Бертран – родившийся предположительно в Хорватии и выросший в Испании кинорежиссер, в клинику попадает по собственному желанию после смерти супруги и из-за усилившихся проблем с памятью. Его история составлена из выбранных эпизодов жизни Бунюэля. Бертран, например, делится с Агнешкой своими воспоминаниями, которые на самом деле взяты Волошиной из книги Бунюэля *Мой последний вздох* (*Mon dernier soupir*, 1982). Речь здесь идет, например, о днях в барабанном бое в Страстную Пятницу, окровавленных руках барабанщиков, выпитой в детстве дешевой водке во время вскрытия тела (у Бунюэля контекст данного воспоминания немного отличается). Побывав в клинике, Ион загорается идеей создания фильма о страхах пациентов, но из-за проблем с памятью он не в состоянии самостоятельно организовать работу. Здесь очередная точка соприкосновения с жизнью автора *Призрака свободы* (*Le fantôme de la liberté*, 1974): Бертрана, как и Бунюэля, мучает боязнь потерять память (которую они впоследствии теряют), что для обоих равно потере собственной истории и личности.

На помощь Иону приходит Маша, женщина из России, потерявшая чувство проприоцепции, т. е. ощущение положения частей тела: „Физически всё в пределах, зато в голове... Моё тело, так скажем, ослепло. В моём случае память утратило только тело. Говоря по-грубому, оно забыло, что оно есть. Что это удивительный случай – моё хорошее утешение” (Vološina 2015: 9). Передвигаясь, Маша напоминает робота, а ее речь звучит как речь иностранца. Чтобы кое-как существовать, Маше пришлось заново учиться двигаться.

Агнешка, увлекающаяся религией девушка, в детстве мечтала посвятить свою жизнь Богу и стать монахиней. Однажды, ухаживая за больным братом, мечтавшем, как и сестра, о монашеском постриге, она увидела, что ему явилась Дева Мария. Восторг и воодушевление Агнешки, однако, быстро сменились ужасом и шоком, когда на лице брата она увидела сексуальную гримасу, сопровождаемую судорогами тела:

В своём видении мой брат творил с Ней грех. (*Пауза.*) Я убежала, молилась всю ночь, кажется, билась в иступлении, билась головой о каменный пол... потом было несколько дней или недель беспомысленности. Теперь уже он сидел у моей кровати. Он вылез из кровати неожиданно быстро. ...Я никогда не рассказывала ему, что случилось. Тогда и началась моя болезнь. Из-за неё меня стали запирать в лечебницах – ещё Старой Европы – и обращаться со мной так, как будто я сумасшедшая и не могу сама за себя решать. Видимо, на то Его воля. Видимо, ни брат, ни я не были достойными... Я никак не чувствую свою болезнь. Совершенно никак (Vološina 2015: 27).

Болезнь Агнешки заключается в том, что она не видит правой стороны чего-нибудь. Например, чтобы позавтракать, она вынуждена по кругу в кресле-каталке объезжать тарелку, воссоздавая правую сторону до тех пор, пока полностью не утолит голод. Или макияж: „В её случае это значит, что она красит левую половину лица, оставляя правую нетронутой” (Vološina 2015: 1–2). Первообраз болезни Агнешки описан в книге Сакса. Его пациентка „бесповоротно утратила идею «левой стороны» – как в отношении мира, так и в отношении своего собственного тела” (Saks 48). Миссис С., как и Агнешка, вынуждена была кататься вокруг еды и красить лишь половину лица. Однажды врач, используя камеру и экран, решил показать ей недостающую сторону, однако пациентка отреагировала истерикой и шоком, так как увидела то, чего в повседневной жизни даже не чувствовала. Схожий мотив – камера и столкновение с пустотой – мы наблюдаем в пьесе Волошиной: свой последний фильм Ион хочет снять именно об Агнешке.

Здесь важна и вторая – бунюэлевская – религиозная составляющая данного персонажа. В ней и кроется ответ на вопрос: почему режиссер выбрал именно Агнешку? В воспоминаниях Бунюэля появляется мотив встречи с Девой Марией:

Я увидел сияющую добротой, с протянутыми ко мне руками Святую деву. Я видел ее совершенно отчетливо. Она говорила со мной, злобным атеистом, с огромной нежностью, под звуки хорошо различимой музыки Шуберта. [...] Еще не пробудившись окончательно, я продолжал шептать: „Да, да, Святая дева Мария, я верую”. [...] Добавлю, что этот сон носил несколько эротический характер. Естественно, подобная эротика ограничивалась целомудренными пределами платонической любви. Быть может, если бы сон продолжался долго, целомудрие могло исчезнуть, уступив место настоящему желанию (Bunuel' 122).

Смирение Агнешки перед судьбой напоминает, в свою очередь, историю бунюэлевской героини Виридианы, временно ушедшей из монастыря для того, чтобы оказать помощь своему пожилому дяде. Однако тот в нее влюбляется. Не в силах удержаться, он усыпляет послушницу, пытается ее изнасиловать и, не справившись с собственными переживаниями, в итоге вешается. Узнав об этом, Виридиана решает, что отныне она недостойна жить в монастыре. Она начинает помогать малоимущим и учить их вере, но вскоре оказывается, что подопечные потешаются над ее целомудрием и ничего, кроме материальных благ, от Виридианы не ждут. Апогей разочарования бывшей послушницы приходится на кошунственную, вакханальную и подражающую *Тайной вечере* Леонардо да Винчи (*L'Ultima Cena*, 1495–1498) сцену пира бездомных. Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в философию XX века.

*

О категории *бogoоставленности* писал Николай Бердяев в *Экзистенциальной диалектике божественного и человеческого* (1952). *Бogoоставленность* для философа означает следствие навязывания Богу понятий из мира людей. Атеизм, согласно Бердяеву, есть результат отношения к Богу как к повелителю, наводящему в своих „владениях” порядок наподобие хозяина, судящего и наказывающего провинившихся:

Нам говорили, что Бог присутствует во всем. Но присутствие Бога невозможно найти в чуме и холере, в убийствах, в ненависти и жестокости, в насилиях, в зле и тьме. Ложное учение о Промысле вело к рабскому преклонению перед силой и властью, к апофеозу успеха в этом мире, в конце концов к оправданию зла (Berdaev 259).

Рабское отношение к Богу (а следовательно, и ко всякой человеческой власти), т. е. осознание того, что человек Богу не нужен, зато Бог нужен человеку приводит к стиранию понятия *свободы* и *любви* в судьбе человека, на замену которым приходит *рок*:

В этом нашем мире действует не только Бог, но также рок, необходимость, случай. Рок продолжает действовать там, где мир покидает Бога и где Бог покидает мир. [...] Человек и мир подчиняются неотвратимой необходимости в результате ложно направленной свободы. Случай же, играющий огромную роль в жизни, есть как бы потерянности и беспомощности человека в множественном мире, в котором действует огромное количество неуловимых, не поддающихся рациональному учету сил. Несчастный случай, который представляется нам совершенно бессмысленным и жестоким, и означает, что мы живем в падшем мире, в котором нет Божьего управления целого. Но этот же несчастный случай может получить высший смысл в моей судьбе, внедренной в мир феноменальный. Веру в то, что все происходящее со мной имеет смысл, нельзя выразить в космологической системе, как делает теологический рационализм. Всегда нужно помнить, что Бог есть Дух, но не природа, не субстанция, не сила, не власть. Бог есть Дух, т. е. свобода (Berdaev 260).

*

В привязанности Агнешки к религии практически всегда присутствует страх перед всем, что выходит за узкие рамки целомудрия и послушания. Данная героиня, по сути, живет в парадигме несвободы и строгой отчетности перед высшей силой, ср.: „Грешно обманывать доктора Проспера” (Vološina 2015: 25). Власть страха над Агнешкой отмечает Ион:

У меня есть святая. Я хочу снять святую в аду. Да просто в бездне. Она же постоянно носит с собой пустоту. Она её даже не чувствует, но она про неё знает. [...] Я хорошо знаю, чего она боится. [...] Она боится увидеть *отсутствие Бога*. [...] Доказательство его отсутствия. Пустота. Я сниму это. [...] Святую, обреченную на муку, святую, смотрящую в бездну своего страха (Vološina 2015: 35).

Боязнь увидеть отсутствие Бога, т. е. боязнь признаться в грандиозной ошибке, согласно Бердяеву понимаемая как незрелая или неверная форма религиозного существования, непременно приводит к воплощению предмета страха. Боязнь видеть то, что существует, присуща не одной Агнешке, а практически всем пациентам, страдавшим из-за повреждения долей мозга вследствие неких пережитых травм. Например, миссис О'Нилл убеждена в том, что она все еще молода и красива. Она неизменно ждет своего жениха, который вот-вот должен за ней приехать и увезти ее на долгожданную свадьбу. Когда ей показывают зеркало, она не верит своему отражению, испытывает шок, устраивает истерику, но вскоре обо всем забывает. Джонни, в свою очередь, не в состоянии удержать в памяти причинно-следственный контекст происходящего, поэтому его мозг, цепляясь за детали, на ходу сочиняет микроистории, лишь бы не оказаться перед пустотой отсутствия памяти. Кроме того Джонни болезненно реагирует на изображение Христа, снятого с креста [скорее всего, речь идет о репродукции картины Ганса Гольбейна *Мертвый Христос в гробу* (*Der Leichnam Christi im Grabe*, 1521–1522)], принимая Иисуса за своего утонувшего сына. Штурмберг же, как преданный науке исследователь и экспериментатор, принимает разные препараты с целью проведения на себе неврологических опытов, но одновременно боится потерять свое „ученое” безразличие по отношению ко всему происходящему (которое впоследствии теряет). Клиника понимается Ионом как материализация ада:

ИОН. [...] Чувственность, властолюбие, жадность – три корня всех грехов. А я стал чувствовать, что корень всех грехов один. [...] Страх. Только у него множество ликов. Страх одиночества, страх никчёмности, страх забвения. Без счёта. Страх может толкнуть человека куда угодно. Страх как грех и страх как кара. Самая жестокая кара, которой можно наградить, – это воплощение страха (Vološina 2015: 14).

Среди пациентов одна лишь Мария не фокусируется на себе, но пытается провести теряющего память Иона через „ад”. Она не дает ему погрузиться в отчаяние и безысходность. Роль Маши в пьесе отсылает к образам Беатриче и Вергилия в *Божественной комедии* (*La Divina Commedia*, 1472) – данную параллель позволяет провести указание Иона на зверей, встретившихся Данте в лесу: волчицу, льва и рысь – три символа всех грехов. Мария воспринимает свою болезнь как шанс. Она, единственная, не закичивается на ограничениях случившейся с ней беды и пытается их преодолеть:

Так уж вышло, что я потеряла и свою жизнь и своё тело. Но так уж вышло, что у меня появились некоторые надежды. На то, что моя жизнь начнёт быть не такой уж бессмысленной, благодаря самой болезни, которая, собственно, и отняла у меня жизнь. Я непонятно

сейчас сказала? Я имею в виду, что я совсем не какой-нибудь особенный человек. Скорей всего, у меня даже не было бы шанса хоть раз посидеть с таким известным парнем, как вы. [...] Сейчас у меня вдруг появилась маленькая возможность поучаствовать в некотором и правда важном. В некотором выходящем из обычного ряда. В некотором... как это говорить? великом (Vološina 2015: 15).

*

Последняя сцена – просмотр снятого Ионом день назад фильма, является конечной точкой движения действия. Ее репетицией и предвестником может считаться предпринятая Ионом попытка снять сцену о Миссис О’Нилл, во время которой героиня переживает шок от увиденного в зеркале. В случае с Агнешкой ужас охватывает всех. Для зрителя фильм скорее всего остается недоступным, но по реакциям персонажей понятно, что для Агнешки это было тяжелейшее испытание. Персонажи заговаривают на родных языках, фильм вызывает у них (впервые в пьесе) чувство сострадания. Нельзя, однако, сказать, что данная сцена полностью представляет собой удачную развязку. С одной стороны, персонажи вспоминают и страдают Агнешке, но с другой – наконец встают лицом к лицу с одолевавшими их предметами собственных же страхов. Последняя сцена – ступок противоречий, усложняющий ответ на вопрос о целесообразности и нравственности содеянного Ионом и Машей. Это характерный для Волошиной прием – состояние художественного мира переломить трагизмом и ощущением обреченности.

Если в *Божественной комедии* в аду и чистилище находятся люди грешные и не знающие Христа, то в „аду” клиники пребывают все, кто боится. И если в мире *Божественной комедии* порок преодолевается *разумом*, то в мире нарушенной нормы страх может быть побежден уже не *разумом*, породившим отрицание божественного, а попыткой обретения свободы. *Разум* же в виде отнюдь не „чистой”, но ограниченной и подвластной ощущению страха структуры порождает приспособленческую рационализацию и смирение с *судьбой* (Штурм, Агнешка), хотя, по всей вероятности, доктор Проспер вовсе не озабочен здоровьем своих пациентов:

МАША. [...] Джонни не симулянт. А знаете, кем он пречасто называет доктора Проспера? Мясликом! зацепляясь за его халат. И удивляется, что халат сегодня такой чистый... В каком-то смысле он не так уж далёк от истины...

ИОН. Вы не любите врачей?

МАША. А вы любите тюремщиков? (Vološina 2015: 11)

Главврача, если верить словам Маши, скорее всего интересует его собственный успех: „Да, как видите, они бывают очень разнообразны. И здесь

собран хороший ассортимент. У доктора Проспера выйдет добрая диссертация. «Добрая диссертация» – так можно сказать?» (Vološina 2015: 8).

*

Тематика *Пациентов*, т. е. страх и свобода, ставит пьесу в ряд текстов Волошиной, посвященных общественной и политической ситуации в России. Агнешка – казалось бы, чистейшее создание и горячая последовательница всех религиозных и поведенческих правил – оказывается в аду, так как она закрывается в клетке собственной чистоты и неучастия. Последнее очень хорошо видно в сцене чтения Ионом своих, зачастую неприличных воспоминаний: Агнешка в ответ крестится, одергивает режиссера и не желает слушать. Жизнь проходит мимо нее. Героиня не вступает в борьбу за здоровье, убегает от правды о себе и довольствуется протезом – коляской, тем самым ставя себя в прямую противоположность Маше. Как кажется, Волошина идет здесь по пути Бердяева: не обещает чудесной перемены обстоятельств и сказочной свободы от законов материи, но акцентирует отношение человека к тому, что его окружает.

Учитывая общественно-политическую логику более поздних пьес Волошиной *Мама*, *Человек из рыбы* и *Дания тюрьма* (см. Tuczko), можно утверждать, что в *Пациентах* драматург указывает на страх как на источник порочности общественного сознания. Волошина, хотя и собрала в пьесе многонациональный коллектив, приблизившись в какой-то мере к *Волиебной горе* Томаса Манна (*Der Zauberberg*, 1924), на самом деле поднимает вопрос, характерный для постсоветского пространства: персонажи „волей или неволей прячутся от себя и своей судьбы”, но драматург железной рукой ведет их навстречу судьбе. Уход от действия станет темой также более поздней пьесы Волошиной – *Человек из рыбы*, фрагментарно опубликованной в журнале „Teatr” (Wołoszyna).

Библиография

- Berdâev, Nikolaj. *Ėkzistencial'naâ dialektika božestvennogo i čelovečeskogo*. Moskva, Respublika, 1993. Web. 01.10.2019. yakov.works/library/02_b/berdyaev/1944_041_1.htm#1.
- Bunûêl', Luis. *Moj poslednij vzdoh*. Per. Aleksandra Braginskogo, Tamary Zločevskoj, Natal'í Nusinovej. Moskva, Raduga, 1989.
- Morawiec, Edmund. *Wybrane filozoficzne koncepcje rozumu ludzkiego i racjonalność*. Stare Koscieliska, Wydawnictwo Liberi Libri, 2014.
- Saks, Oliver. *Čelovek, kotoryj prinâl ženu za šlâpu i drugie istorii iz vračebnoj praktiki*. Per. Grigoriâ Hasina, Ūlii Čislenko. Sankt-Peterburg, Science Press, 2006. Web. 01.10.2019. yanko.lib.ru/books/psycho/saks=hat.pdf.

- Tyczko, Krzysztof. „Wolność i tragizm w twórczości Asi Wołoszyny”. *Maski wolności w dramacie i teatrze XX i XXI wieku*. Red. Lidia Mięśowska, Paulina Charko-Klekot, Anna Tyka. Katowice, Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, 2019, s. 295–313.
- Vološina, Asâ. *Pacienty*. 2015. Web. 01.10.2019. mythos.spb.ru/?p=19.
- Vološina, Asâ. *Pacienty, annotaciâ*. Web. 01.10.2019. www.theatre-library.ru/authors/v/voloshi-na_asya.
- Wołoszyna, Asia. „Człowiek z ryby. Sztuka bez ścian”, fragmenty. Przeł. Krzysztof Tyczko. *Teatr*, nr 12, 2018, s. 80–82.

JEZYKOZNAWSTWO

ЛЮДМИЛА ФЕДОРОВА

О модели русского словосложения с глагольной препозицией в сравнении с итальянской моделью

On the model of Russian compounding with the verbal preposition in comparison with the Italian model

Abstract. The paper is supposed to consider the formation of Russian compounds based on the imperative construction in comparison with a similar model in Italian. It is believed that in literary Russian this model is not productive, although it occurs in a limited number of examples: for the evaluative names of persons (*sorvigolova* ‘daredevil’), for the names of animals and plants (*vertišejka*, *perekati-pole*) and in some other cases. However, in Romance languages, and particularly in Italian, this is one of the most productive models, although its grammatical status is not usually associated with the imperative construction. As for Russian, it is possible to assume a transformation of the imperative sentences and imperative meaning, and only a particular modal shade of typical actions is preserved. The model itself is represented as a transition from incomplete compounding to the canonical productive model with an interfix. The results of an experiment on the translation of Italian compounds into Russian nonce compounds show a number of transitional cases, supporting this hypothesis.

Keywords: Russian compounding, imperative model, comparison with the Italian model, nonce compounds

Людмила Федорова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва – Россия, lfvoux@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2284-6643>

Введение и общая проблематика статьи

В работе предполагается рассмотреть образование сложных слов в русском языке по модели (V-N)_N (*сорвиголова*, *перекати-поле*) в сравнении с итальянской сходной моделью. Особенностью этой модели является глагольная форма императива в первой позиции. Считается, что в русском литературном языке данная модель не обладает продуктивностью, однако в романских

языках, в частности в итальянском, модель с препозицией глагола – одна из самых продуктивных, хотя ее грамматический статус остается спорным.

Выбор материала итальянского языка для сравнения обусловлен, с одной стороны, распространенностью модели в итальянском языке, с другой – интересом итальянских лингвистов к проблемам типологии словосложения и русского словосложения (Benigni, Masini; Scalise, Bisetto и др.).

Для русского языка можно предположить развитие данной модели преобразованием императивных фраз, причем побудительное значение императива стирается, сохраняя лишь особый модальный оттенок типичного действия. Сама модель представляется переходной от неполного сложения к канонической продуктивной модели с соединительной гласной. Результаты эксперимента по переводу итальянских сложных слов русскими окказионализмами показывают ряд переходных случаев, поддерживая данную гипотезу.

Предшествующие исследования

Модель с препозицией глагола $(V-N)_N$ широко распространена в романских языках – в итальянском (*spazzacamino* – трубочист, ‘мести + труба’, *copriletto* – покрывало, ‘покрывать + кровать’), во французском (*casse-coeur* – сердцеед, ‘разбить + сердце’, *garde-fou* – перила, ‘беречь + дурак’), в испанском (*arrancapinos* – коротышка, ‘вырвать + сосны’, *lavaplatos* – посудомоечная машина, ‘мыть + тарелки’).

Проблема определения грамматической природы данной модели сложных слов давно обсуждается в лингвистике (Darmesteter; Scalise; Scalise, Bisetto; Chung; Villoing; Rosenberg; Arutunova 1956, 2007; Fedorova 2007, 2012). Сложность в том, что первый глагольный компонент в романских языках имеет омонимичную форму, т. е. позволяет предполагать индикатив, императив или просто недифференцированную глагольную основу. А значение чаще всего не позволяет сделать однозначный выбор между предписывающим или описательным. Еще в 1874 г. Арсен Дармстетер (Darmesteter) предположил, что подобные слова происходят из императивных фраз, в которых глагольный компонент постепенно утратил отчетливый императивный характер. Эту точку зрения поддерживает Нина Арутюнова, исследовавшая данную модель в испанском языке (Arutunova 1956, 2007). Она считает, что изначально глагольная форма в ней имела императивный характер, но в настоящее время побудительный смысл не улавливается, и в толкованиях используются описательные конструкции (*тот, кто...*).

Итальянские исследователи исходят преимущественно из современного значения слов. Серджио Скализе (Scalise) анализирует грамматическую природу итальянских композитов. Основы глаголов в композитах принадлежат разным спряжениям:

1-е спр. *portalettere* – почтальон, *lui porta lettere* – ‘он носит письма’;

2-е спр.: *accendicigari* – зажигалка, *lui accende cigari* – ‘она зажигает сигареты’;

3-е спр.: *copriletto* – покрывало, *lui copri letto* – ‘оно покрывает кровать’.

Скализе рассматривает 3 возможные грамматические интерпретации глагольного компонента: 1) форма индикатива 3 л. ед. ч.; 2) форма императива 2 л. ед. ч.; 3) нейтральная глагольная основа – корень с тематическим гласным. В первой интерпретации, соответствующей описательной конструкции (‘тот, кто...’), отсутствует объяснение для смены тематического гласного *-e* на *-i* у глаголов 2-го спряжения (*accende* – *accendi-*); то же касается и третьей интерпретации (с тематическим гласным). Естественно объяснить эти формы как императив (*-a* – его грамматический показатель для глаголов 1-го спряжения, *-i* для 2-го и 3-го спряжения). Но этому препятствует семантика: здесь нет никакого признака ‘повелительности’. Скализе склонен считать, что в этих формах использована нейтральная основа с тематическим гласным, поскольку и значение ‘изъявительности’ (индикатива) также отсутствует. Перемена тематического гласного во 2-м спряжении остается без объяснения. Хотя точка зрения Скализе наиболее принята в итальянской грамматике, она не представляется единственно возможной и вполне оправданной.

По-видимому, эта же модель присутствует в английском: *cutthroat* – гловорез, ‘резать + горло’, *daredevil* – смельчак, сорвиголова, ‘вызвать + дьявол’; *killjoy* – зануда, ‘убить + радость’ и др. Но здесь еще больше возможностей для грамматической омонимии.

Иное наблюдается в русском языке. Здесь нет вопроса о грамматической омонимии: по форме глагольный компонент однозначно соответствует императиву: *перекати-поле*, *гуляй-город*, *сорвиголова*. Однако побудительное значение не улавливается. *Русская грамматика-80* (Švedova 246–247) квалифицирует эту особенность глагольной основы лишь как совпадение по форме с императивом. Но возможно предположить, что побудительное значение существовало в исходной номинации, которая представляла собой обращение к лицу или персонифицированному предмету с неким призывом, провокативным или шутливым. Такими представляются, в частности, украинские фамилии и прозвища, построенные по данной модели: *Майборода*, *Куйбеда*, *Потушисвечка*, *Непийвода*, *Вершигора*, *Вырвидуб*, *Давимуха* и проч. Шутливо-хвалебный или бранный смысл большинства подобных

наименований показывает их не книжный, а исконно разговорный, карнавальный (по Михаилу Бахтину) характер, присущий народной смеховой культуре: „Все подлинные прозвища амбивалентны, то есть носят хвалебно-бранный оттенок” и далее: „Образование собственных имен по типу ругательств является наиболее распространенным способом как у Рабле, так и вообще в народной комике” (Bahtin 508–509). Эти номинации представляются не вполне оторвавшимися от самой ситуации речи, в которой они могли бы быть окказиональными высказываниями, обращенными к собеседнику и содержащими побуждение. Можно сравнить календарные наименования, устроенные подобным образом: *Афанасий-ломанос – береги нос!* (31 января); *Емельяны, накрути бураны* (неделя 21–28 января). В дальнейшем при свертывании высказывания в однословную структуру императивные формы начинают восприниматься как характеризующие референта по необходимости, типичному действию субъекта или объекта, что и является основой описательной конструкции. Тем самым побудительное значение императива размывается, уступая более широкому модальному значению (подробнее см. Fedorova 2008).

Аналогичные образования имеются и в других славянских языках: в польском (*chwaliپیeta* – хвастун, ‘хвалить + пятка’, *męczydusza* – зануда, ‘мучить + душа’), в чешском (*lamželezo* – силач, ‘ломать + железо’, *přidržitka, podržitka* – ассистент ‘подержать + сумка’); в болгарском (*лапнимуха* – ротозей, ‘проглотить + муха’, *вариклечко* – скряга, ‘варить + щепка’). Для них характерна ироническая экспрессия и разговорный, нередко сниженный характер (Fedorova 2007).

По сравнению с канонической моделью сложного слова с соединительной гласной (типа (N-o/e-V)_N) императивная модель (V-N)_N представляется промежуточным, незавершенным образованием: первый глагольный компонент сохраняет исходную форму, а вторая основа, восходящая обычно к падежной форме существительного, подвергается унификации, так чтобы целое могло встроиться в парадигму существительного (при этом может изменяться грамматический класс: ср. *болиголов*, но *сорвиголова*). Иногда происходит и унификация по соединительной гласной, т. е. показатель императива заменяется на -o/-e-, ср. *вертопрах* и *вертишейка*, но сохраняются особый порядок компонентов (V-o/e-N)_N, ср.: *вертопрах* и *уховёртка, скалозуб* и *зубоскал*, а также *щелкопёр* (‘щёлкой пером’), *лежебока*, *ломанос*.

Как переход от высказывания к сложному слову можно рассматривать случаи сращений: *не-тронь-меня*, *Мойдодыр*. В них кроме императива присутствуют грамматические показатели косвенных форм и служебные показатели, что отличает их от рассматриваемой императивной модели. Таким образом, сращения оказываются как бы кристаллизованными высказыва-

ниями, цитатами, лишёнными предикативности и превратившимися в самостоятельную номинацию. Таковыми являются, по-видимому, итальянские примеры композитов на основе императивных повторов типа *il sorre-sorre* (*Sorre! Sorre!* ‘сомкни ряды’ – восклицание в детской игре – дало название самой игре), которые рассматривает Анна Торнтон (Thornton).

В отличие от сращений императивные композиты оказываются морфологически оформленной конструкцией. При этом в русском языке они сохраняют большей частью разговорный характер, появляясь в игровых номинациях, напр., *Читай-город*, *ВырвиЗуб*, *Берилужка*, *СтройДом*. Иногда композиты этого типа используются в атрибутивной функции, передавая оценочные характеристики: *друзья неразлейвода*, *блондинка вырвиглаз*.

Таким образом, рассматриваемая модель, отмеченная во многих языках в основном для разговорных номинаций, не имеет однозначной грамматической интерпретации. Вопрос о ее продуктивности для русского языка остается малоизученным.

Эксперимент

Целью эксперимента было оценить продуктивность императивной модели в русском языке, основываясь на способности носителей языка к рождению окказиональных номинаций с заданным смыслом. Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе респондентам (студенты гуманитарных вузов РГГУ и ВШЭ Москвы) были предложены 10 итальянских сложных слов модели $(V-N)_N$ и аналогичной $(V- Pron)_N$, для которых были даны значения компонентов. В задании требовалось предложить свой перевод сложным словом, не существующим в русском языке, но передающим достаточно точно смысл итальянского слова и понятным для носителей русского языка.

Таблица 1. Список итальянских композитов, использованных в эксперименте

Композит	Компоненты (ит.)	Компоненты (рус.)	Значение
1. <i>lustrascarpe</i>	<i>lustrare</i> <i>scarpe</i>	чистить ботинки/башмаки/ туфли	чистильщик обуви
2. <i>rompicollo</i>	<i>rompere</i> <i>collo</i>	сломать шея	смельчак/трюкач
3. <i>guardaboschi</i>	<i>guardare</i> <i>boschi</i>	смотреть/охранять леса	лесник
4. <i>mangiafuoco</i>	<i>mangiare</i> <i>fuoco</i>	есть/пожирать огонь/пламя	бахвал

5. <i>piantagrane</i>	<i>piantare grane</i>	сажать/растить неприятности/беды (букв. крупа/зёрна)	придира/зануда
6. <i>portachiavi</i>	<i>portare chiavi</i>	носить ключи	брелок для ключей
7. <i>asciugacapelli</i>	<i>asciugare capelli</i>	сушить/вытирать волосы	фен
8. <i>asciugamani</i>	<i>asciugare mani</i>	сушить/вытирать руки	полотенце
9. <i>tritattutto</i>	<i>tritare tutto</i>	измельчать/крошить всё	кухонный комбайн
10. <i>scolapasta</i>	<i>scolare pasta</i>	сливать паста/макароны	дуршлаг

На первом этапе группа респондентов из 65 человек предложила свои варианты перевода – 661 слово в общей сумме, с исключением не соответствующих условию, т. е. уже существующих в языке или не являющихся сложными. После исключения повторов получилось всего 272 разных слова. На втором этапе другая группа респондентов (40 человек) оценивала предложенные переводы, выделив наиболее удачные. На основе анализа порождения и восприятия окказионализмов мы могли бы получить информацию об относительной продуктивности императивной модели в русском языке.

В результате первой серии эксперимента были получены сложные слова четырех разных моделей: 1) чистого сложения (*лесоохранник*), 2) с так называемым нулевым суффиксом $(N-V)_N$ (*туфлечист*) – их для удобства можно назвать бессуффиксальными, 3) суффиксально-сложной модели с различными суффиксами $(N-V-suf)_N$ (*ключеноска*), 4) императивной модели $(V-N)_N$ (*сломишей*, *чистибот*).

Надо отметить, что композиты чистого сложения в качестве второго компонента обычно содержат суффиксальное слово, так что при формальном анализе их бывает трудно отличить от слов суффиксально-сложной модели. Критерием отнесения слова к суффиксально-сложной модели является отсутствие в языке второго компонента в качестве самостоятельного слова или же использование его в другом значении. Так, в слове *ключеноска* компонент *-носка* не является самостоятельным словом с предметным значением. Модель с нулевым суффиксом тоже может считаться суффиксально-сложной, однако в ее трактовке нет полного единодушия; так, есть и точка зрения, квалифицирующая такие образования как сложно-флексийные (т. е. флексия рассматривается и как словообразовательный формант, см. Nemčenko); для формального анализа эту модель удобнее выделить отдельно. Встречались в ответах и бессуффиксальные образования с обратным порядком компо-

нентов $(V-o/e-N)_N$, не характерные для русского языка (*растобед*, ср. *вертопрах*).

Результаты статистического анализа показывают, что респонденты предпочли конструкции с суффиксами: их выбрали в 52% переводов; бессуффиксальные конструкции использовали в 43,3% случаев; императивные в 4,7% случаев. Однако если сравнивать конкретные модели, то бессуффиксальная модель превосходит любую другую с конкретным суффиксом: для $(N-V)_N$ – 40,8% (для $(V-N)_N$ – 2,5%), для образований с суффиксом *-тель* – 21,6%, для *-ка* – 13,3% (для остальных суффиксов показатели ниже). Результаты первого этапа эксперимента подробно описаны в отдельной работе (см. Fedorova, Naccarato).

В таблице 2 приводятся сопоставительные данные анализа по двум сериям эксперимента. Выделены три наиболее частотных примера перевода каждого композита и три, признанные большинством наиболее удачными.

Таблица 2. Результаты двух серий эксперимента

Композит (ит.)	Самые частые переводы на русский	Оценены как наиболее удачные
1. <i>lustrascarpe</i>	туфлечист (20)* обувечистильщик (10) башма/очист (8)	туфлечист (13) башма/очист** (12) ботинколист (11)
2. <i>rompicollo</i>	шеелом (29) сломо/а/ишей (5) сломо/ашея (3)	шеелом (17) сломо/а/ишей (10) шеесвёрт (8)
3. <i>guardaboschi</i>	лесо(о)хранник (16) лесо(о)хранитель (13) лесосмотритель (11)	лесо(о)хранник (18) лесо(о)хранитель (17) лесосмотритель (17)
4. <i>mangiafuoco</i>	огнеед (13) огнежѐ/ор (12) пламе/яед (10)	огнеед (16) пламе/яед (12) огнежѐ/ор (8)
5. <i>piantagrane</i>	бедораститель (5) бедосад (5) растобед (5)	бедосей/в (15) скукоплод (8) сейбеда (3)
6. <i>portachiavi</i>	ключеноска (33) ключенос (19) ключеноситель (4)	ключеноска (15) ключедержатель (10) ключеносец (3)
7. <i>asciugacapelli</i>	волососушка (14) волососушитель (10) волососушилка (8)	волососушитель (15) волососушка (8) головосушка (8)
8. <i>asciugamani</i>	рукосушка (16) руковьитиралка (8) рукосушитель (5) рукотѐ/ир (5)	рукосушка (11) руковьитиратель (9) рукосушитель (9) рукотѐр (6)

9. <i>tritattuto</i>	всекрошитель (18) всеизмельчитель (7) всемельчитель (5)	всекрошитель (8) всёизмельчитель (6) всерезка (6)
10. <i>scolapasta</i>	пасто/аслив (22) пастосливатель (5) пасто/асливалка (4) макароносливатель (4)	пасто/аслив (11) макаронослив (7) слейвода (5)

* В скобках после слова указано количество примеров.

** В скобках внутри слова дается вариант ответа с дополнительной буквой.

Можно заметить, что не все предложенные переводы соответствуют правилам образования сложных слов; некоторые показывают колебания в выборе основы (*рукотёр – рукотир, бедосей – бедосев*), в других наблюдаются варианты написания соединительной гласной (*пастослив – пастаслив*). Эта вариативность говорит о трудности процесса словосложения.

Для слов, обозначающих лицо (агенса), при переводе чаще выбираются бессуффиксальные модели, в то время как для обозначения предметов (инструментов) чаще суффиксальные образования. При этом можно заметить, что в обозначениях лица суффиксальные переводы относятся в большинстве случаев к чистому сложению (*обувечистильщик, лесоохранник*). Но при оценке наиболее удачных переводов для обозначения лица предпочтение отдается бессуффиксальным композитам.

Как более удачные в целом оцениваются более краткие слова, часто это слова бессуффиксальной модели. Стремление к лаконизму фонетической формы нередко приводит к усечению основ: *башма/очист, волосушка*. При выборе второй основы можно предположить аналогию, точнее – ориентацию на существующие слова с аналогичной опорной основой (*башмачист – трубочист, огнеед – людоед* и др.).

Слова императивной модели предлагались в переводах каждого слова, хотя иногда с ошибками, однако по частоте они уступали другим моделям. Так, были предложены композиты: *сломшей, сейбеда, расти-беда, носиключ, сушиголов, суширук, крошивсё, слейвода*. Кроме того, нередко наблюдались промежуточные формы бессуффиксальной модели с обратным порядком компонентов (V-о/е-N)_N: *чистебот, смотролес, растобед*, но возможно, за этим стоит неудачная попытка построить „правильное” сложное слово.

Наиболее частотными примерами императивной модели оказались переводы ит. *rompicollo*, на выбор которых, вероятно, влияло существование в русском языке синонима *сорвиголова*, построенного по императивной модели (его часто предлагали в переводах, но мы отсеяли такие переводы как не соответствующие условию оригинальности).

В переводах *rompicollo* обнаруживается целый ряд вариативных образований:

- (1) сломи-шею
- (2) сломайшея
- (3) сломашей
- (4) сломишей
- (5) сломишея
- (6) сломошей
- (7) ломошей

Здесь возможны две интерпретации. Во-первых, эти примеры могут отражать попытки построить „императивный” композит (*сломайшея*, *сломишей*), либо с усечением глагольного *-ай* до *-а*, либо, как результат гиперкоррекции, с соединительной гласной *-о/-е-* по аналогии с классической моделью сложного слова. Во-вторых, слова действительно могли строиться по обратной бессуффиксальной модели $(V-o/e-N)_N$ (*лизоблюд*, *вертопрах*), которая хоть и ограничено, все же встречается в русском языке как параллельная образованиям по модели $(A-o/e-N)_N$ (*чистотел*, *тяжеловес*) (Švedova 252).

В пользу первой интерпретации говорит то, что написаний с ошибкой в соединительной гласной встречается достаточно много и в других словах (чаще всего *-а/-я-* вместо *-о/-е-*, напр., *шеялом*, *рукасушка*, *пастаслив* или *-е-* с гиперкоррекцией вместо *-и-*: *чистебот*, *сушеволос*). Вторая интерпретация – ориентация на обратную бессуффиксальную модель (*лизоблюд*) – представляется менее убедительной, поскольку, хотя примеры типа *лизоблюд* достаточно редки в языке, их маргинальность не осознается в силу обычного оформления с соединительной гласной.

Однако возможно посмотреть на предложенные формы как переходные между императивным словосочетанием и классической моделью сложного слова $(N-o/e-V)_N$, тогда императивная модель $(V_{imp}-N)_N$, как и обратная бессуффиксальная $(V-o/e-N)_N$, представляются промежуточными фазами незавершенного словосложения. При этом разные варианты перевода отражают этапы преобразования, сворачивания словосочетания в сложное слово: *сломи шею* – *сломишея* – *сломишей* – *сломошей* – *ломошей* – *шеелом* или: *сломай шею* – *сломайшея* – *сломашей* – *сломошей* – *ломошей* – *шеелом*. Сначала при сращении выравнивается опорная основа, далее преобразуется соединительный формант: усечение *-й* императивной формы глагола упрощает переход к модели с соединительной гласной.

При такой интерпретации результаты эксперимента в известном смысле коррелируют с представлением о диахроническом переходе от аналитической структуры словосочетания к синтетической модели сложного слова.

Заключительные замечания

В результате проведенного эксперимента были получены данные об относительной продуктивности моделей словосложения в русском языке. Императивная модель обладает меньшей продуктивностью по сравнению с бессуффиксальной и суффиксально-сложной моделями. Однако в ряде случаев она может конкурировать с более распространенными моделями, что показывает оценка наиболее удачных образований *сломишей, сейбеда, слейвода*.

Императивную модель можно рассматривать как промежуточную при переходе от императивной конструкции к каноническому сложному слову (от синтаксической к морфологической конструкции); здесь сохраняется форма первой основы, но унифицируется вторая. Однако эта промежуточная модель все же имеет закрепленность в разговорном языке.

Если случаи сращения и обратной императивной модели в языке в целом единичны, то императивная модель предоставляет более широкие возможности как в экспрессивном, так и в морфологическом отношении (в использовании приставочных глаголов), создавая яркие образы номинации, поэтому слова этой модели сохраняются и вновь образуются в разговорной речи.

Библиография

- Arutúnova, Nina. *Problemy morfologii i slovoobrazovaniâ (na materiale ispanskogo âzyka)*. Moskva, ÂSK, 2007.
- Arutúnova, Nina. „Složnye imena sušestvitel'nye tipa el guardabosque v sovremennom ispanskom âzyke”. *Institut âzykoznanîâ. Doklady i soobšeniâ*. X. Moskva, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Bahtin, Mihail. *Tvorčestvo Fransua Rable i narodnaâ kul'tura srednevekov'â i renessansa*. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1990.
- Benigni, Valentina, Francesca Masini. „Compounds in Russian”. *Lingue e Linguaggio*, nr 8 (2), 2009, s. 171–193.
- Chung, Karen Steffen. „V+N Function-Describing Compounds”. *Bulletin of the College of Liberal Arts*. National Taiwan University, nr 41, 1994, s. 181–221.
- Darmesteter, Arsène. *Traité de la formation des mots composés dans la langue française, comparée aux autres langues romanes et au latin*. Paris, Librairie A. Franck, 1874.
- Fedorova, Lûdmila. „Malen'kie komedii složnyh slov”. *Logičeskij analiz âzyka. Âzykovye mehanyzmy komizma*. Red. Nina Davidovna Arutúnova. Moskva, RAN IÂ, 2007, s. 699–711.
- Fedorova, Lûdmila. „O smehovoj prirode modeli složnyh slov-prozviš v slavânskikh i romanskikh âzykah”. *Vostocnoslavânskie âzyki i literatury v istoriceskom i kul'turnom kontekstah: kognitivnaâ lingvistika i konceptual'nye issledovaniâ*. Red. Marina Pimenova. Kiev, IÂ im. Potebni NAN Ukrainy, 2012, s. 380–387.

- Fedorova, Lúdmila, Chiara Nakkarato. „Okkazional'noe slovosloženie v russkom ázyke: produktivnost' i analogiã”. *Studi di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricerca./Studie ricerche* – 20. Edizioni Ca' Foscari. Digital Publishing, 2019, s. 155–173.
- Nemčenko, Vasilij. *Sovremennyj russkij ázyk. Slovoobrazovanie*. Moskva, Vyssšãã škola, 1984.
- Rosenberg, Maria. *La formation agentive en français: les composés [VN/A/Adv/P]_{NA} et les dérivés V-ant, V-eur et V-oir(e)*. Stockholms universitet, Doktorsavhandling, 2008.
- Scalise, Sergio. *Morfologia*. Bologna, Il Mulino, 1994.
- Scalise, Sergio, Antonietta Bisetto. „The Classification of Compounds”. *The Oxford Handbook of Compounding*. Red. Rochelle Lieber, Pavol Stekauer. New York, Oxford University Press, 2009.
- Švedova, Natal'ã, red. *Russkaã grammatika*. T. I. Moskva, Nauka, 1980.
- Thornton, Anna. „Italian verb reduplication between syntax and the lexicon”. *Rivista di Linguistica*, nr 21 (1), 2009, s. 235–261.
- Villoing, Florence. „Les mots composés VN du français: argument en faveur d'une construction morphologique”. *Cahiers de Grammaire, Morphologie et Lexique*, nr 28, 2002, s. 183–196.

ANDRZEJ CHARCIAREK

Программа для установления переводных эквивалентов Treq: преимущества и недостатки

Treq – a tool for searching translation equivalents: benefits and shortcomings

Abstract. The article presents how the Treq corpus tool can be used in translation and lexicography. It also provides a description of Polish, Czech and Russian text resources found in the Interpcorp parallel corpus as well as Treq features. Furthermore, the article provides specific examples illustrating how the Treq application can be used in Polish-Czech and Russian-Czech translation lexicography. The author uses samples of translation including single and multi-word units in order to show benefits and shortcomings of the Treq application.

Keywords: Treq, InterCorp, translation equivalence, Czech, Polish, Russian

Andrzej Charciarek, Uniwersytet Śląski w Katowicach, Katowice – Polska,
andrzej.charciarek@us.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5651-5730>

Чешский национальный корпус (Český národní korpus) был основан в 1994 году на философском факультете Карлова университета в Праге. Программа Treq, названная базой переводных эквивалентов (databáze překladových ekvivalentů), относительно молода – ею можно пользоваться только с 2014 года. Это двусторонние чешско-иноязычные и англо-иноязычные словари, автоматически составленные из текстов параллельного корпуса InterCorp. Язык интерфейса Treq по выбору – чешский или английский.

Так, Treq адресован в первую очередь богемистам и англистам, поскольку одним из сопоставляемых друг с другом языков обязательно должен быть либо чешский, либо английский. Этот факт имеет существенное значение для потенциальных пользователей Treq. Для польского

русиста или русского полониста эта программа не представляет собой большой ценности, но русский или польский богемист/англист находит в Treq вспомогательный инструмент в процессе перевода (польско-чешского, русско-чешского и т. д.). Правда, в зависимости от сопоставляемых друг с другом языков Treq создает переводчику дифференцированные условия для поиска переводных эквивалентов. Это следует из того, что модули отдельных языков, которые содержит параллельный корпус InterCorp, различны по количеству текстов и их жанрам. Примечательно, что приложение Treq пользуется не последней (одиннадцатой), но девятой версией InterCorp 2016 года. Это обусловлено тем, что каждая последующая версия InterCorp отличается от предыдущей количеством текстов; в последних их значительно больше. К примеру, девятая версия русского корпуса объемом в 15 млн. слов, одиннадцатая – свыше 18 млн. слов. Аналогичные данные можно привести относительно и других языков. По сравнению с русским польский InterCorp v9 в несколько раз больше: в нем почти 84 млн. слов.

Следует отметить, что польские, чешские и русские тексты, так называемые коллекции, содержащиеся в InterCorp v9, полностью не совпадают. Русский InterCorp не охватывает текстов из корпусов EuroParl, Acquis Communautaire и Presseurop; он содержит художественные тексты (так называемое ядро), публицистические тексты на сайте Project Syndicate, а также субтитры на сайте OpenSubtitles. Польский InterCorp v9 – один из самых больших по величине иноязычных корпусов и содержит все коллекции InterCorp за исключением публицистических текстов на сайте Project Syndicate.

Вышеприведенные данные однозначно показывают, что для польско-чешского и русско-чешского перевода Treq создает совершенно различные условия. Во-первых, они касаются разного объема польского и русского корпусов (польский почти в шесть раз больше русского), во-вторых, русский InterCorp по сравнению с польским жанрово ограничен. В нем явно не хватает устных текстов, их отсутствие в какой-то мере компенсируют любительские субтитры со всеми их несовершенствами. Преимуществом польского InterCorp являются содержащиеся в нем юридические тексты Евросоюза (в корпусе Acquis Communautaire) и записи заседаний парламента Евросоюза за период 2007–2011 гг. (в корпусе EuroParl). Очевидно, успешность поиска переводных эквивалентов в первую очередь зависит от объема и качества корпусных ресурсов.

Важным фактором, который серьезным образом может повлиять на результативность Treq, является выравнивание текстов по словам, осуществляемое автоматически и практически не пересматриваемое. Этот процесс авторы программы описывают следующим образом:

Originální a překladové texty jsou nejprve na základě statistických výpočtů zarovnány po slovech pomocí programu GIZA++ (Och–Ney 2003). Zarovnané dvojice slov jsou pak seříděny a sumarizovány. Výsledek automatické excerptce není nijak revidován, jako ukazatel relevance překladového ekvivalentu však může posloužit relativní frekvence příslušné dvojice slov. Čím častěji se ekvivalent zadaného slova vyskytl ve srovnání s ostatními ekvivalenty, tím větší je pravděpodobnost, že je funkční (*Treq, Náповěda*, электронный ресурс).

Из вышесказанного следует, что программа Treq предоставляет пользователям перечень возможных эквивалентов, т. е. приводят статистические данные о возможных переводных эквивалентах. Форма представления результирующих данных – табличная с учетом числа вхождений и их процентных долей в общем объеме, начиная с наиболее частотных единиц и кончая наименее частотными. Поиск переводных эквивалентов может проводиться в пределах всех доступных коллекций (польско-чешских – 5, русско-чешских – 3) или выбранных. Разумеется, следует иметь в виду, что ограничение обзора корпусных ресурсов (функция *omezit na...*) ведет как к снижению числа вхождений, так и к снижению достоверности полученных статистических данных. Иногда недостаточное число вхождений значительно осложняет или даже делает невозможным проведение достоверного анализа. Любое вхождение можно проверить с помощью гипертекстовой ссылки, которая позволяет получить контексты употребления анализируемой единицы.

Вторая версия программы Treq дает возможность искать не только переводные эквиваленты однолексемных, но и многолексемных единиц. Однако в случае поиска эквивалентов многолексемных единиц следует считаться с большей ошибочностью полученных результатов.

Что касается однолексемных единиц, достаточно ввести в соответствующую колонку (чешск. *dotaz*) языковую единицу, для которой ищем переводные эквиваленты. Для получения большего числа вхождений следует использовать дополнительную функцию леммы (чешск. *lemmata*), которая обнаружит все словоформы одной и той же лексемы. К примеру, приведем вхождения русской лексемы *собака* в следующем порядке: число вхождений, процентная доля, русский трансланд, чешский транслат:

без функции *lemmaty*

Lemmata [?]
 Včeslovné [?]
 Regulární [?]
 A = a [?]

▲ Frekvence ▼	▲ Procenta ▼	▲ Ruština ▼	▲ Čeština ▼
256	79.3	собака	pes
40	12.4	собака	psa
6	1.9	собака	čokl
4	1.2	собака	Pes
4	1.2	собака	pejsek
3	0.9	собака	pse
1	0.3	собака	psik
1	0.3	собака	fenka
1	0.3	собака	umfel
1	0.3	собака	Pejsek
1	0.3	собака	hahaha
1	0.3	собака	fenou
1	0.3	собака	zbavuje
1	0.3	собака	pejsku
1	0.3	собака	hroch
1	0.3	собака	Barzoj
323			

с функцией *lemmaty*

Lemmata [?]
 Včeslovné [?]
 Regulární [?]
 A = a [?]

▲ Frekvence ▼	▲ Procenta ▼	▲ Ruština ▼	▲ Čeština ▼
1479	92.5	собака	pes
24	1.5	собака	pejsek
13	0.8	собака	čokl
9	0.6	собака	psí
7	0.4	собака	on
5	0.3	собака	zvíře
5	0.3	собака	fena
4	0.3	собака	psisko
3	0.2	собака	fenka
3	0.2	собака	psik
3	0.2	собака	hajzl
2	0.1	собака	vlčák
2	0.1	собака	fuj
2	0.1	собака	pejsánek
2	0.1	собака	čubka
1	0.1	собака	potvora
1	0.1	собака	svěfenec

Как можно заметить, несмотря на явное сходство между двумя способами поиска, обнаруживаются также существенные различия. Они касаются в первую очередь числа вхождений: *pes* без функции *lemmaty* – 256, с функцией *lemmaty* – 1479. Кроме того, поиск с использованием функции *lemmaty* предоставляет значительно больше возможных переводных эквивалентов, которые в определенном контексте оказываются адекватными. К сожалению, в перечне возможных эквивалентов обнаруживается также программная слабость Treq – фиксация ошибок. Они возникают как результат либо автоматического выравнивания текстов, либо неудачного перевода. Иногда это может быть и результат обоснованных решений переводчика. Следует осознавать, что в принципе любая трансформация исходного текста может привести к тому, что составленная пара трансланд/транслят будет вызывать сомнения.

Полезность Treq в процессе перевода доказывает поиск многозначных лексем, напр. *pociąg* на чешский язык:

▲ Frekvence ▼	▲ Procenta ▼	▲ Polština ▼	▲ Čeština ▼
3833	90.5	pociąg	vlak
27	0.6	pociąg	vláček
19	0.4	pociąg	vagón
18	0.4	pociąg	četa
17	0.4	pociąg	souprava
16	0.4	pociąg	vlakový
15	0.4	pociąg	železnice
15	0.4	pociąg	přítahlivost
13	0.3	pociąg	metro
12	0.3	pociąg	železniční
12	0.3	pociąg	jet
9	0.2	pociąg	sklon
8	0.2	pociąg	vůz
8	0.2	pociąg	přítahovat
8	0.2	pociąg	vlak
7	0.2	pociąg	rychlík
6	0.1	pociąg	lokomotiva
5	0.1	pociąg	nádraží
5	0.1	pociąg	přívěsový
4	0.1	pociąg	vystoupit
4	0.1	pociąg	cesta
4	0.1	pociąg	spojení
4	0.1	pociąg	náklonnost

Прежде чем перейти к анализу отдельных вхождений в Treq, следует обратиться к содержанию словарных статей в переводных польско-чешских словарях.

Электронный польско-чешский словарь *LINGEA* приводит лишь один эквивалент *vlak*, вместе с тем фиксируя словосочетание *pociąg pośpieszny*, его эквивалент *rychlík*, а также предложения *Mój pociąg odjeżdża o szóstej – Vlak mi jede v šest* (VSPČ).

Бумажный польско-чешский словарь *AKADEMIA* под редакцией Карла Оливы фиксирует два основных значения слова *pociąg*: 1. *vlak* и 2. (*do czego*) *náklonnost* (*k čemu*), *sklon* (*k čemu*). Кроме того, словарь приводит несколько словосочетаний (PČS 56).

Следовательно, пользователь вышеназванного электронного словаря получает неполную информацию о возможных переводных эквивалентах. Ситуация с бумажным словарем выглядит по-другому; учитывается значение *‘upodobanie, które trudno jest opranować’* и приводятся его два эквивалента (*náklonnost, sklon*).

Сопоставление словарной информации с информацией, полученной из Treq, демонстрирует большие возможности корпусного анализа. Эта программа выявляет не только эквиваленты *vlak, náklonnost* и *sklon*, но обнаруживает и другие, которые могут быть использованы в переводе. Обращает на себя внимание тот факт, что Treq приводит в качестве возможного эквивалента *príťažlivosť* (15 вхождений). Подробный анализ сочетаемости этой лексемы, а точнее контекстов ее употребления, позволяет также выделить словосочетания: *sexuálni príťažlivosť, fyzická príťažlivosť*. Treq подвергает сомнению слово *náklonnost* в качестве первого эквивалента лексемы *pociąg*, которая скорее всего является эквивалентом польских *sklonność* или *upodobanie*. Корпусные данные, которыми располагает Treq, чаще указывают на пару эквивалентов *pociąg – sklon*, о чем свидетельствуют словосочетания *pociąg do alkoholu – sklon k alkoholu*. Справедливости ради следует обратить внимание также на многочисленные ошибки, поэтому отдельные вхождения надо обязательно верифицировать.

Еще больше ошибочных вхождений фиксирует Treq в случае поиска многолексемных единиц с помощью функции *многолексемные* (*vícieslovné*). Значительно помогает в установлении пар эквивалентов многолексемных единиц функция *регулярные* (*regulárni*), позволяющая формулировать более сложные запросы. Так называемые регулярные слова содержат специальные символы, с помощью которых можно выявить определенный набор слов. Регулярные слова состоят:

- 1) из специальных символов,
- 2) специальных и альфанумерических символов или
- 3) альфанумерических символов.

Эта функция не столько способствует фиксации большего количества, сколько дает возможность выявить возможные варианты как трансландов, так и транслятов.

Наиболее универсальный символ представляет собой точка (.), которая может заменить любую букву. Так, последовательность трех точек позволяет обнаружить трехбуквенные слова, четырех точек – четырехбуквенные и т. д.

Звездочка (*) заменяет любую последовательность символов (ноль и больше). Аналогичную функцию выполняет плюс (+), но он заменяет как минимум один или больше символов (один и больше). Использование первого или второго символа имеет значение и дает другие результаты.

мужчин.*

▲ Frekvence ▼	▲ Procenta ▼	▲ Ruština ▼	▲ Čeština ▼
377	23.5	мужчина	muž
204	12.7	мужчины	muži
169	10.5	мужчин	mužů
94	5.8	мужчину	muže
82	5.1	мужчин	muže
82	5.1	мужчины	muže
76	4.7	мужчин	muži
76	4.7	мужчина	chlap
55	3.4	мужчиной	mužem
46	2.9	мужчинами	muži
21	1.3	мужчинам	mužům
21	1.3	мужчине	muži
19	1.2	мужчиной	muž
17	1.1	мужчины	chlapi
13	0.8	мужчина	muže
12	0.7	мужчину	chlapa
10	0.6	мужчинах	mužích
10	0.6	мужчиной	chlapem
9	0.6	мужчиной	chlap

мужчин.+

▲ Frekvence ▼	▲ Procenta ▼	▲ Ruština ▼	▲ Čeština ▼
377	30.2	мужчина	muž
204	16.4	мужчины	muži
94	7.5	мужчину	muže
82	6.6	мужчины	muže
76	6.1	мужчина	chlap
55	4.4	мужчиной	mužem
46	3.7	мужчинами	muži
21	1.7	мужчине	muži
21	1.7	мужчинам	mužům
19	1.5	мужчиной	muž
17	1.4	мужчины	chlapi
13	1.0	мужчина	muže
12	1.0	мужчину	chlapa
10	0.8	мужчинах	mužích
10	0.8	мужчиной	chlapem

Пользователь Treq может применять и другие символы с целью выявления вариантов многолексемных единиц: круглые скобки, квадратные скобки, обратную косую черту, вертикальную черту, каре. Четвертая функция (A=a) предоставляет возможность не различать прописные и строчные буквы, т. е. будет обнаружена любая форма слова, например: Женщина, ЖЕНЩИНА, женщина.

Представляется, что приложение Treq успешно применяется при поиске переводных эквивалентов однолексемных единиц исходного языка. Процесс поиска осуществляется быстро и эффективно, от пользователя не требуется особой квалификации или специальной подготовки, например, усвоения регулярных слов. Найденные при помощи Treq переводные эквиваленты в подавляющем большинстве случаев правильны. Конечно, относительно многозначных лексем необходим дополнительный анализ, включая исследование контекстов их употребления.

Тем не менее Treq позволяет решать и более сложные переводческие задачи, которые в большой степени напоминают режим работы с основной программой НКЧЯ – KonText. На практике попытаемся с помощью Treq установить польские и русские эквиваленты чешских фразем с компонентом *sranda*.

Чешско-польский словарь не фиксирует ни одну фразему с этой лексемой, приводя только польские эквиваленты лексемы *sranda*: *heca*, *komedia*, *szopa*, *szopka*. Словарь отмечает также вульгарную окраску этой лексемы (SCzP 742).

Чешско-русский словарь приводит три ее русских эквивалента: *хохма*, *умора* и *потеха*, отмечая их стилистические характеристики, кстати, спорные (VČRS 987).

Большой чешско-польский фразеологический словарь приводит следующую словарную статью:

dělat si/mít z někoho/něčeho legraci/psinu/srandu/švandu pot.

‘robić sobie z kogoś, czegoś żarty, bawić się czyimś kosztem’

stroić sobie z kogoś/czegoś żarty // robić sobie z kogoś/czegoś jaja // robić coś dla kawału // używać sobie na kimś (WCzPSF 226–227)

Уже на первый взгляд сомнения вызывает синонимический ряд слов (*legrace/psina/sranda/švanda*), отличающихся разными стилистическими оттенками: *legrace* принадлежит к разговорной речи (*hovorová čeština*), *psina/sranda/švanda* к обиходно-разговорному койне (*obecná čeština*). В отличие от стилистически нейтрального *legrace*, остальные слова отличаются эмоционально-экспрессивной окрашенностью (*psina*, *švanda*), а даже вульгарностью (*sranda*). *Legrace* фиксируется в словаре литератур-

ного чешского языка (SSČ), остальные три в словаре нелитературного чешского языка (SNČ).

Treq дает следующие результаты отдельных фразем:

dělat si/mít z někoho/něčeho legraci – 669 вхождений
 dělat si/mít z někoho/něčeho psinu¹ – 6 вхождений
 dělat si/mít z někoho/něčeho srandu – 1211 вхождений
 dělat si/mít z někoho/něčeho švandu – 0 вхождений

Как можно заметить, проверка польских эквивалентов может эффективно верифицировать обоснованность фиксации и последовательности отдельных вариантов исходного транслянда. Оказывается, что два из четырех практически не фиксируются в ресурсах InterCorp. Учитывая стилистические характеристики *dělat si z někoho/něčeho legraci* и *dělat si z někoho/něčeho srandu*, с помощью Treq можно установить следующие пары эквивалентов:

Děláš si legraci?/To si děláš legraci? – Żartujesz?/Żartujesz sobie?
 Dělám si legraci. – Żartuję.
 Nedělám si legraci. – Nie żartuję.
 To si děláš srandu? – Jaja sobie robisz?
 Děláš si srandu? – Kpisz sobie?
 Nedělám si srandu! – Nie robię (sobie) jaj!

Эти пары эквивалентов выявляются в результате дополнительной обработки отдельных вхождений, т. е. пользователь вынужден проанализировать предоставленный Treq материал.

Примечательно, что найденные Treq фраземы представляют собой коммуникативные единицы, так редко фиксируемые в словарях. Неслучайно их подавляющее большинство содержится в субтитрах, которые с известной долей условности отражают реальную непринужденную, спонтанную речь в условиях прямого контакта коммуникантов преимущественно в неофициальной ситуации общения.

Само собой разумеется, что некоторые найденные вхождения не имеют никакого отношения к возможным переводным эквивалентам. Понятно, что устранение сомнительных эквивалентов требует от пользователя этой

¹ Примечательно, что и в случае однолексемных единиц надо считаться с возможной ошибочностью полученных результатов. По полученным результатам из Treq русским эквивалентом чешского слова *psina* является *псина* (3 вхождения в InterCorp v9). В современном чешском языке слово *psina* имеет исключительно значение ‘забава, развлечение, веселье’. В современном русском языке оно употребляется в значениях: 1. ‘собачье мясо’, 2. ‘запах собаки, собачьей шерсти’, 3. ‘пес’. Еще раз оказывается, что малое количество вхождений (всего 3) требует дополнительной тщательной проверки, поскольку пары эквивалентов могут оказаться неадекватными.

программы языковой компетенции. Однако несомненно одно: Treq успешно наводит не только на правильный эквивалент, но и нередко подсказывает другие варианты перевода.

Аналогичный анализ можно осуществить, пытаясь установить русские эквиваленты.

Treq успешно находит русские эквиваленты, а кроме того контексты их употребления. Так, выстраивается следующий ряд эквивалентов: *смешно, весело, забавно, прикольно, здорово, шутка* и др. Из трех вышеприведенных эквивалентов (*хохма, умора, потеха*) появляется только *умора* (всего одно вхождение). Тем не менее пользователь Treq получает ценный материал, который дает возможность составить, например, такие пары чешско-русских эквивалентов:

To není sranda. – Это не смешно.

To je sranda!//Je to sranda! – Это (же) смешно!/Это весело!/Это забавно!

Как правило, вышеприведенные фраземы употребляются в качестве эмоциональной реакции для выражения оценки сложившейся ситуации, которая связана с чьими-либо действиями или отсутствием таковых.

Однако вышеприведенные пары эквивалентов не следует считать окончательно установленными. Носителю русского языка сразу приходят в голову возможные эквиваленты *To je sranda!; Вот умора!, Вот потеха!, Просто потеха!, Просто умора!, Это хохма!, Вот хохма!*. Подобного рода варианты можно обнаружить даже в ресурсах параллельного корпуса InterCorp, в частности в его последней одиннадцатой версии². В очередной раз обнаруживается слабость не столько программы Treq, сколько небольшого объема корпусных ресурсов русского корпуса InterCorp. Именно по этой причине Treq не составляет полную картину возможных эквивалентов.

Следует отметить, что подобного рода речевых фраз, выражающих различные эмоциональные реакции коммуникантов, явно не хватает в переводных словарях. Проблема фиксации подобных выражений в лексикографических трудах заключается, к сожалению, в традиционном восприятии слова как основной единицы словаря.

Поиск русских эквивалентов для фраземы *dělat si z někoho/něčeho srandu* с помощью Treq дает следующие результаты (учитываем только часть из них):

² Фразема *Вот умора!* имеет 5 вхождений в InterCorp v11, ни одного в InterCorp v9. Фразема *Вот потеха!* фиксируется 5 раз в InterCorp v11, в InterCorp v9 имеет 4 вхождения. Фразема *Вот хохма!* как в InterCorp v9, так и в InterCorp v11 не фиксируется.

▲ Frekvence ▼	▲ Procenta ▼	▲ Čeština ▼	▲ Ruština ▼
42	11.9	Děláš si srandu	шутить
35	9.9	Děláš si srandu	Ты шутить
15	4.3	Dělám si srandu	шучу
14	4.0	Děláš si srandu	Шутишь
7	2.0	Děláte si srandu	шутите
5	1.4	Děláte si srandu	Вы шутите
5	1.4	Dělám si srandu	Шучу
5	1.4	Dělám si srandu	Я шучу
3	0.9	Děláš si ze mě srandu	Издеваешься
3	0.9	Děláš si srandu	Издеваешься
3	0.9	Děláš si srandu	Вы шутите
3	0.9	Dělám si srandu	пошутил
3	0.9	Děláš si ze mě srandu	шутить
3	0.9	Děláš si srandu	шутите
3	0.9	Děláš si srandu	издеваешься
3	0.9	Dělám si srandu	Я пошутил
2	0.6	Děláte si ze mě srandu	стебешься надо мной
2	0.6	Děláte si ze mě srandu	Вы шутите
2	0.6	Děláš si ze srandu	разыгрываешь
2	0.6	Děláš si ze mě srandu	издеваешься
2	0.6	Dělám si srandu	Я просто шучу

Как можно заметить, вышеприведенный материал предоставляет пользователю Treq очень ценный материал для дальнейшей обработки, наводя на возможные переводные пары, например:

Děláš si srandu? – Ты шутишь?/Ты что, шутишь?/Шутишь?/Ты издеваешься?/Ты что, издеваешься?/Издеваешься?

Děláš si ze mě srandu? – Ты издеваешься надо мной?

Dělám si srandu. – Я шучу.

Следует отметить, что среди возможных эквивалентов *dělat si z někoho/něčeho srandu* находим также глагол *стебаться*, который принадлежит к молодежному сленгу.

По результатам анализа отобранных нами лексем/фразем представляется возможным сделать несколько выводов.

Во-первых, необходимо подчеркнуть полезность программы Treq, которая может успешно помочь переводчику в решении конкретных переводческих задач. Ее главное преимущество – это текстовые эквиваленты, составляющие довольно обширный список. Можно предположить, что их поиск и установление баз Treq превосходит реальные возможности даже самого опытного переводчика.

Во-вторых, извлеченный корпусной материал требует детального исследования, поскольку содержит большое количество очевидных ошибок, которые в первую очередь касаются эквивалентов многолексемных единиц. Эти ошибки значительно усложняют картину эквивалентности, а их устранение требует от пользователя Treq достаточно высокой языковой компетенции.

В-третьих, существенной проблемой является иногда малое число вхождений, которое не позволяет признать полученные корпусные данные репрезентативными и достоверными. Такая ситуация нередко возникает в случае чешско-русского Treq, отличающегося не только относительно небольшим объемом текстов, но и ограниченным жанровым разнообразием. Наоборот, чешско-польский Treq подтверждает правило: чем больше корпус, тем больше вероятность того, что в нем найдется искомый эквивалент или эквиваленты.

В-четвертых, нельзя забывать о том, что Treq пользуется ресурсами InterCorp, т. е. в основном переводами (исходным языком чаще всего является английский). Так, на практике Treq сопоставляет друг с другом, например, два перевода с английского на русский и чешский языки.

В-пятых, множество неоднократно приведенных Treq эквивалентов показывает нам возможности языковой системы, разные переводческие стратегии, возможные переводческие трансформации.

Библиография

Škrabal, Michal, Martin Vavřín. „Databáze překladových ekvivalentů Treq“. *Časopis pro moderní filologii*, nr 99 (2), 2017, s. 245–260.

Словари

- PČS – Oliva, Karel. *Polsko-český slovník*. Praha, Academia, 1999.
SCzP – Siatkowski, Janusz, Basaj Mieczysław. *Słownik czesko-polski*. Warszawa, Wiedza Powszechna, 2002.
SNČ – *Slovník nespisovné češtiny*. Praha, Maxdorf, 2009.
SSČ – *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, Academia, 2001.
Treq – <https://treq.korpus.cz>.
VČRS – *Velký česko-ruský slovník*. Voznice, Leda, 2005.
VSPČ – *Velký slovník polsko-český [a] česko-polský slovník*. Lexicon 5. Brno, Lingea, 2010.
WCzPSF – *Wielki czesko-polski słownik frazeologiczny*. Red. Teresa Zofia Orłoś. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2009.

JOANNA ORZECHOWSKA

Odstępstwa od normy w kategorii gramatycznej liczby w powieści *Wojna polsko-ruska pod flagą białą-czerwoną* i ich odzwierciedlenie w przekładzie na język rosyjski

Departures from the norm in the grammatical category of number in the novel *Wojna polsko-ruska pod flagą białą-czerwoną* and their reflection in its Russian translation

Abstract. Dorota Masłowska's *Wojna polsko-ruska pod flagą białą-czerwoną* employs various types of linguistic innovations. One of them is a mistaken selection of the number of nouns. This stylistic means results in linguistic humour. In the Russian translation of the novel reflecting this phenomenon should not pose any problems. However, neither of the instances of the stylistic means analysed in the paper was reflected in the Russian target text. It is difficult to determine why the translator did not attempt to show Russian readers a reconstruction of the language of the Polish text. As a result, Irina Lappo's translation lacks the poetic qualities and refreshing touches of Masłowska's language.

Keywords: Masłowska, linguistic innovations, departures from norm, grammatical category of number, translation into Russian

Joanna Orzechowska, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Olsztyn – Polska, joanna.orzechowska@uwm.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-5991>

W komentarzach i recenzjach powieści *Wojna polsko-ruska pod flagą białą-czerwoną* (dalej WPR) Doroty Masłowskiej krytycy i badacze zwracają uwagę na innowacyjny charakter języka utworu (Wójtowicz 112). Możemy mówić wręcz o autorskiej językowej dekonstrukcji (Cybulski 450). Tego rodzaju nowatorstwo językowe stwarza jednak istotne problemy metodologiczne. Na przykład, badacz języka powieści Masłowskiej Grzegorz Szpila zauważa trudności z ustaleniem liczby frazeologizmów użytych w powieści, a nawet ich identyfikacją, gdyż autorka używa konstrukcji w znaczny sposób odbiegających od pierwowzorów w zakresie składu leksykalnego, semantyki czy składni (Szpila 2015: 134).

Nie budzi wątpliwości innowacyjność i kreatywność zastosowanych jednostek językowych. „Autorka dostrzega we frazeologii materiał do kreatywnej «obróbki» języka: liczba i charakter modyfikacji kontekstualnych frazeologizmów świadczy o tym, że poddaje te kategorie ciekawej eksploracji i eksploatacji” (Szpila 2015: 136). Jednocześnie podkreśla się, że zabiegi dotyczące frazeologizmów są przejawem ogólnych strategii użycia polszczyzny przez Masłowską. „Wszystko to dzieje się w świadomie konstruowanym świecie, w którym normatywność języka jest naginana lub – inaczej rzecz ujmując – rozluźniana, na każdym poziomie jego organizacji”. Dlatego język WPR badacz określa jako aproksymacyjny, pokazujący „nienormę” jako normę (Szpila 2015: 143–144).

W 2002 roku Dorota Masłowska otrzymała literacki Paszport „Polityki” za „twórcze wykorzystanie języka pospolitego”. „Owa pospolitość przejawia się w jej twórczości, między innymi, nagromadzeniem wszelkiej maści odstępstw od norm języka pisanego, które albo należą do rejestru potocznego odmiany mówionej, albo – z uwagi na swój charakter – w ogóle w nim nie występują (błędy ortograficzne, interpunkcyjne)” (Janikowski 23). Niewykluczone, że innowacyjność języka powieści jest skutkiem zabawy, relaksu autorki w trakcie nudnych przygotowań do matury. Nie wiadomo nawet, czy tekst po napisaniu podlegał obróbce. Jednak regularność pojawiających się odstępstw od normy literackiej przekonuje o świadomym wykorzystywaniu ich jako środka literackiego, o funkcji stylizacyjnej lub czysto ekspresywnej (Janikowski 24).

Z tego, że w powieści forma jest treścią, a na poziomie fabuły nie dzieje się nic istotnego, zdaje sobie sprawę tłumaczka WPR na język rosyjski Irina Lappo. W wywiadzie dla Magazynu Kultury Popularnej „Esensja” podkreśla: „Cały urok tej powieści tkwi właśnie w języku. Z tym, że język jest niesłychanie sztuczny, zbudowany ze skrawków świadomości, z różnych fragmentów, postrzeganie świata jest tu spłaszczone”. Tłumaczka podkreśla istotę pracy przekładowej w przypadku WPR: „Tu język jest wartością samą w sobie”. Według Lappo w pracy nad przekładem „najważniejszy był język, który za wszelką cenę próbowałam ocalić, i komizm tego języka” (Lappo, źródło elektroniczne).

Zgadzam się z opinią Przemysława Janikowskiego, że teleologiczne ujęcie autorskich starań w zakresie odstępstw od literackiej polszczyzny nakłada na tłumacza obowiązek odzwierciedlenia ich w przekładzie. Chociaż zdarza się, że we współczesnej praktyce translatorskiej tłumacz koryguje błędy (Janikowski 24). Na przykład, na życzenie redakcji i wydawcy, Irina Lappo w wersji rosyjskiej powieści uporządkowała interpunkcję, by tekst był przejrzysty i zrozumiały (Lappo, źródło elektroniczne).

Jednak nieprzekładanie „błędów” pełniących funkcje stylizacyjne jest nie do usprawiedliwienia. „Z perspektywy przekładowej o wiele istotniejsza niż sztuczny twór «zasadności» jest intencjonalność innowacyjnych rozwiązań autorskich.

Ostatecznie w przypadku przekładu odzwierciedlającego daną innowację za pomocą błędu podobnej «wagi» to twórca, a nie tłumacz, będzie odpowiadał za językową zuchwałość i potencjalny brak szacunku względem ojczyzny polszczyzny” (Janikowski 25).

Trudno nie zgodzić się z tezą Janikowskiego o konieczności tłumaczenia intencjonalnych innowacji, szczególnie w przypadku języków pokrewnych, o podobnej strukturze gramatycznej, kiedy możemy mówić o szczególnym rodzaju niedotłumaczenia, gdy jego przedmiotem nie jest jednostka znaczeniowa, ale cecha gramatyczna. Gramatyczne odstępstwo od normy jest istotnym komunikatem, jest tworzeniem obrazu postaci i reprezentowanej przez nią grupy społecznej (Janikowski 28). Nietłumaczenie „błędu gramatycznego” pozbawia przekład komizmu językowego, na którym, podobnie jak Irinie Lappo, powinno zależeć każdemu tłumaczowi.

Celem niniejszego badania jest wyekscerpowanie odstępstw od normy w języku WPR w zakresie użycia niewłaściwej postaci rzeczownika pod względem liczby, które będą, za Danutą Buttler, nazywać modyfikacjami fleksyjnymi (Buttler 96–97), nie zaś błędami fleksyjnymi (Markowski 55–60). Podstawę do wyróżnienia modyfikacji stanowiły *Uniwersalny słownik języka polskiego* (jako zapis skodyfikowanej normy, dalej USJP), *Wielki słownik języka polskiego* (dalej WSJP) oraz kolokator *Narodowego Korpusu Języka Polskiego* (jako przejaw uzusu językowego, dalej KNKJP). Każda forma nienotowana w obu źródłach leksykograficznych została uznana za modyfikację. Następnie przeanalizowałam przekład modyfikacji na język rosyjski i sprawdziłam, czy zmiana normy fleksyjnej została odzwierciedlona w tłumaczeniu.

Modyfikacjom postaci wyrazów i związków frazeologicznych Danuta Buttler przypisuje funkcje humorystyczne. Są one źródłem komizmu jawnego, opartego na bezpośrednio dostrzeganym kontraście. Jednocześnie badaczka uznaje dowcip oparty na przekształceniach form fleksyjnych za prymitywny i mało zróżnicowany, strukturalny, wynikający z naruszenia wzorcowej postaci wyrazu, jednak z możliwym a nieoczekiwanym przez odbiorcę zaskakującym znaczeniem (Buttler 96–97). Jednocześnie o takim dowcipie językowym mówi jako o nieprzekładalnym, albowiem opierającym się na charakterystycznych właściwościach i swoistej strukturze znaków słownych określonego języka (Buttler 96).

W WPR odnajdujemy przykłady modyfikacji fleksyjnych nacechowanych dowcipem językowym, polegających na odstępstwach od normy w kategorii liczby. Tego rodzaju odstępstwa możemy zaliczyć (według klasyfikacji Buttler, 226–227) do dowcipów opartych na zachwianiu proporcji strukturalnych i semantycznych. Efekt komiczny wynika z dostrzegania sprzeczności między formą słowa a jego znaczeniem, asymetrii między zależnościami strukturalnymi i semantycznymi wyrazów.

W wyrażeniu frazeologicznym *rozpieprzyć w drzazgę* (...*choć nosi mnie, żeby rozpieprzyć ten szpital w drzazgę...*, WPR 16) zamiast oczekiwanej liczby mnogiej rzeczownika *drzazgi* autorka użyła liczby pojedynczej. W USJP odnotowano frazeologizmy *strzaskać, rozbić coś na drzazgi, w drzazgi*, oznaczający ‘rozbić coś na kawałeczki, całkowicie, zupełnie’ (USJP, t. 1, 710). W KNKJP odnotowujemy 168 użyć wyrażenia przyimkowego *w drzazgi: pójść w drzazgi, roztrzaskać się w drzazgi, rozsypać w drzazgi, zamienić w drzazgi, rozwalić w drzazgi, rozbić w drzazgi* itd. i zaledwie 2 użycia wyrażenia *w drzazgę*. W pierwszym przypadku rzeczownik w liczbie pojedynczej występuje jako imię własne bohatera komedii (*wcielający się w Drzazgę Rafał Królikowski*), w drugim – wyrażenie pozbawione jest idiomatycznego charakteru (*przedzierzgnął owego dukata sztuką diabelską w drzazgę, albo i – nie daj Boże – w jeszcze gorszą bezużyteczność*) (KNKJP).

Niewątpliwie liczba mnoga rzeczownika w wyrażeniu *rozbić coś w drzazgi* jest odzwierciedleniem obrazu desygnatu. Według klasyfikacji Anny Andrzejuk rzeczownik *drzazgi* we frazeologizmie ma niepoliczalny charakter z powtarzającymi się elementami i w tym kontekście należy traktować go jako *plurale tantum* (Andrzejuk 181). Zabieg zamiany liczby mnogiej na pojedynczą wywołuje zaburzenie postrzegania desygnatu, charakteryzującego się mnogością elementów (*drzazgi*) i obrazem pojedynczego elementu, wyrażonego liczbą pojedynczą rzeczownika (*drzazga*). Emocjonalność i dynamika leksemu *rozpieprzyć* zostaje osłabiona liczbą pojedynczą rzeczownika, powoduje zaskoczenie, co wywołuje efekt komiczny, tworzy żart językowy.

Tłumaczka zrezygnowała z formalnego zabiegu zamiany liczby, wybierając przysłówkę *вдребезгу (хотя душа так и чешется, чтобы разнести эту больницу вдребезгу*, PRV). Z łatwością można byłoby osiągnąć efekt odejścia od normy, sprzeczności między formą słowa a jego znaczeniem i tym samym żartu językowego, stosując rosyjski frazeologizm *разнести в щепки*, zamieniając w nim liczbę mnogą rzeczownika na pojedynczą – *разнести в щепку*.

Podobny zabieg, zamianę liczby mnogiej na pojedynczą, Dorota Masłowska zastosowała dla słowa *skrupuły* (*mieć skrupuły*): *A teraz koniec z pitoleniem, koniec z litością, ze skrupulem, który dotychczas mnie mamił* (WPR 29). W USJP rzeczownik *skrupuły*, czyli ‘wątpliwości natury moralnej dotyczące własnego postępowania, wstrzymujące od popełnienia czynu nieetycznego, mogącego sprawić komuś przykrość, zaszkodzić komuś’ jest klasyfikowany jako funkcjonujący bez liczby pojedynczej (t. 3, 1213). KNKJP odnotowuje także użycie tego rzeczownika tylko w liczbie mnogiej. Autorka osiągnęła efekt komiczny, uzyskując asymetrię poprzez przeciwstawienie skomplikowanych, wielowymiarowych przeżyć duchowych jednorazowej wątpliwości.

W przekładzie na język rosyjski tłumaczka użyła jako odpowiednika słowa *skrupuły* rzeczownik *жалость*, co wyeliminowało możliwość zastosowania

zabiegu zmiany liczby (*конец милосердию и жалости, которые до сих пор парили мне мозги*, PRV). Użycie odpowiednika *угрызения совести* byłoby właściwsze semantycznie i dałoby możliwość zastosowanie takiej samej fleksyjnej modyfikacji – *угрызение совести*.

Podobny zabieg modyfikacji fleksyjnej został zastosowany w wyrażeniu *śmierć w męczarni* (*Же jeśli chodzisz tu jeszcze wypindrzona w jej koszulę nocną, w jej szmatki, to ma dla ciebie śmierć w męczarni*, WPR 41). Wyrażenie *śmierć w męczarni* nie zostało odnotowane w NKJP, natomiast odnotowujemy różnorodne kolokacje z wyrażeniem *w męczarniach* (*śmierć, umrzeć, ginąć, konać, umierać*) (KNKJP). W WSJP zarejestrowane zostały połączenia *ginąć, konać, umrzeć w męczarniach*.

Masłowska zestawia semantykę ‘cierpienia spowodowane bólem lub udręką moralną’ (WSJP) z liczbą pojedynczą rzeczownika, tworząc komiczną sprzeczność. Efekt żartu językowego w tłumaczeniu na język rosyjski został całkowicie zniwelowany użyciem normatywnego wyrażenia *мучительная смерть* (*Она сказала, что если ты еще здесь сидишь да еще расфуфырилась в ее ночную сорочку, в ее шмотки, то тебя ждет мучительная смерть*, PRV).

Asymetrię strukturalno-semantyczną obserwujemy w wyrażeniu *mieć pojęcie o dziewczynie*. Zamiana desygnatu zbiorowego (*dziewczyny*) na desygnat pojedynczy (*który nie ma pojęcia o dziewczynie*, WPR 28) wywołuje komiczny efekt poprzez wyraźną sprzeczność między znaczeniem a formą. Ten żart językowy został zaprzepaszczony w przekładzie, w którym została zachowana liczba mnoga rzeczownika (*который не имеет малейшего понятия о женщинах*, PRV).

Podobną sytuację obserwujemy, gdy niepoliczalny rzeczownik z powtarzającymi się elementami – (*amerykańskie*) *przedsiębiorstwa* – zostaje zredukowany do pojedynczego obiektu (*Choć sam postuluję za niezanieczyszczeniem przyrody przez amerykańskie przedsiębiorstwo, jej mowa nieco mnie zaszokowała*, WPR 48). W tym przypadku tłumaczka także „poprawiła” rozbieżności, przez co efekt komizmu w wersji rosyjskiej został utracony (*Хоть я тоже выдвигаю постулаты против загрязнения природы американскими предприятиями, от ее речей я просто офигеваю*, PRV).

Inną strategią odstępstwa od normy liczby jest zamiana liczby pojedynczej na mnogą. Frazeologizm *robić wrażenie* (USJP, t. 4, 507) autorka przekształca na *robić wrażenia* (*Она на то milczy, nie bardzo wie, co powiedzieć i jestem zadowolony, że takie robię na niej piorunujące wrażenia*, WPR 51). W KNKJP zarejestrowano analogiczne wyrażenia tylko z rzeczownikiem w liczbie pojedynczej: *piorunujące wrażenie* i *zrobić wrażenie*. Wydaje się, że komizm językowy wynika z nagromadzenia, przerostu i przesady (Buttler 69), a efekt oddziaływania, nazwany frazeologizmem, podkreślony zostaje przymiotnikiem *piorunujący* oraz

liczbą mnogą rzeczownika. W tłumaczeniu efekt przerostu i komizmu nie został odzwierciedlony, a w wyrażeniu *произвести впечатление* odpowiednik słowa *впечатление* został użyty w liczbie pojedynczej: *Она точно язык проглотила, не знает, что и сказать, а я радуюсь, что произвел на нее сногшибательное впечатление* (PRV). A przecież w tym przypadku zamiana liczby w języku rosyjskim mogłaby być przeprowadzona analogicznie jak w języku polskim.

Efekt przerostu poprzez zamianę liczby pojedynczej na mnogą został zastosowany w stosunku do słów, które w USJP zostały zaklasyfikowane jako niemające liczby mnogiej: *przestępczość* (USJP, t. 3, 735), *towarzystwo* (USJP, t. 4, 95). W wyliczance masowych plag współczesnego świata autorka używa liczby mnogiej (*zakaźne choroby, groby*). Ujednoliceniu „pod masowość” podlega przestępczość samochodowa, w WPR – *przestępczości samochodowe* (*Zakaźne choroby – zabobon, przestępczości samochodowe – zabobon, groby – zabobon, nieszczęście – zabobon*, WPR 76). Tłumaczka ignoruje tę transformację fleksyjną i zgodnie z normami języka rosyjskiego pozostawia słowo *преступность* w liczbie pojedynczej (*Заразные болезни – предрассудок, автомобильная преступность – предрассудок, могилы – предрассудок, несчастье – предрассудок*, PRV).

Użycie słowa *towarzystwo* (w znaczeniu zbiorowości) w liczbie mnogiej tworzy żartobliwy „przerost formy”: *Że widziana w podejrzanych towarzystwach, podejrzewana o obrazoburcze zaplamienie autobusu linii numer 3, co doniósł jeden z mieszkańców miasta, przywódczyni opozycji ekologicznej donosząca rządowi i organizacjom roślinnym na władze miasta w sprawie ścieków* (WPR 162–163). W tłumaczeniu odnotowujemy odpowiednik w liczbie pojedynczej: *Тина замечена в подозрительном обществе, подозревается в бунтарском загрязнении autobуса номер три, о чем донес один из жителей города, является лидером экологической оппозиции и пишет доносы в правительство и растительные организации на городские власти с жалобами на сточную систему* (PRV).

Zamiana liczby pojedynczej na mnogą rzeczownika *temat* powoduje utworzenie przez Masłowską liczby mnogiej zaimka *każdy* (który, jak wiadomo, występuje tylko w liczbie pojedynczej, ponieważ określa jeden z elementów zbioru). W wyrażeniu *na każde tematy* Masłowska burzy symetrię semantyczno-strukturalną, wywołując efekt komizmu (*Nie sposób mi przytoczyć wszystkich słów, co miały miejsce, gdyż ona zaraz po odzyskaniu żywotności stała się rozmowna na każde tematy*, WPR 69–70). Co ciekawe, w kolokatorze, obok setek użytych wyrażenia *na każdy temat*, zarejestrowane zostały 3 użycia wyrażenia *na każde tematy* (Forumowisko.pl, źródło elektroniczne), czego jednak nie da się wyjaśnić innowacyjnością podejścia do języka lub kształtowaniem się nowej normy. Niewątpliwie chęć Masłowskiej podkreślenia poprzez liczbę mnogą możliwości konwersacyjnych bohaterki tworzy komiczny efekt przerostu i przesady (Buttler 69).

W języku rosyjskim funkcjonuje analogiczne wyrażenie *на каждую тему*, w którym bez problemu można byłoby przeprowadzić zamianę liczby pojedynczej na mnogą i zaimka, i rzeczownika, jednak tłumaczka zdecydowała się na zamianę zaimka *каждый* na zaimek *все* w liczbie mnogiej, co odpowiada normom współczesnej ruszczyzny (*Невозможно привести здесь все те слова, которые посыпались из этого отверстия, потому что она сразу же после возвращения к жизни стала очень разговорлива на все темы подряд*, PRV).

Zabieg „nagromadzenia” i „przesady” (Buttler 69) został zastosowany przez Masłowską w transformowanym wyrażeniu *справлять przykrości* (*Она mówi, że на чужь ja jej справляю przykrości*, WPR 17). W KNKJP oraz w WSJP zarejestrowane jest tylko wyrażenie *справить przykrość*. Niezastosowanie najbliższych gramatycznie i konstrukcyjnie wyrażen (np. *причинять боль, причинять горе*) spowodowało, że dane odstępstwo od normy zostało pominięte w przekładzie na język rosyjski (*Она говорит, какого хрена я ее обижаю*, PRV).

Wyrażenie *podanie rąk* w odpowiednim kontekście może wywołać efekt komiczny. W USJP odnotowujemy wyrażenia z rzeczownikiem *рука* w liczbie pojedynczej: *даć (podać) rękę* (‘wyciągnąć rękę do kogoś na przywitanie lub pożegnanie’; ‘wyciągnąć rękę do kogoś, zobowiązać się do czegoś, przyrzec coś’) (USJP, t. 3, 949); *wyciągnąć rękę do zgody* (USJP, t. 3, 949); *podać, wyciągnąć (potocną, przyjazną) rękę, dłoń* (‘okazać komuś życzliwość, chęć pomocy; pomóc komuś; zgodzić się, pogodzić się z kimś, dojść z kimś do porozumienia’) (USJP, t. 3, 949–950).

W kolokatorze odnotowujemy liczone w setki razy użycie wyrażenia *podanie ręki* w znaczeniach powitania, pożegnania, udzielenia pomocy lub wyrażenia zgody. Mniej licznie, i tylko w odniesieniu do wielu osób, występuje wyrażenie *podanie rąk* (zawodników po meczu, radnych po posiedzeniu rady, polityków, po dojściu do porozumienia w kwestiach spornych). Masłowska używa liczby mnogiej w odniesieniu do kobiety i mężczyzny (pojedyncze desygnaty wyrażone rzeczownikami w liczbie pojedynczej), tworząc sprzeczność strukturalno-semantyczną – *podanie rąk kobiecie przez mężczyznę* (*Стаwiam ptasie mleczko, stawiam wazonik ze sztucznym gerberem, obok papierosy, full elegancja, podróż promem Titanic, ugoda, symboliczne podanie rąk kobiecie przez mężczyznę*, WPR 75). Tłumaczka rezygnuje z rosyjskiego wyrażenia *протягивать (протянуть) руку* (‘witać się’, ‘pomagać’), przez co traci okazję do zaprezentowania odstępstwa od normy w kategorii liczby (*Выкладываю птичье молоко, ставлю вазочку с искусственной герберой, рядом сигареты, чтоб все элеэйтин, круиз на пароме „Титаник”, мирное соглашение, символический жест мужчины по отношению к женщине*, PRV).

Efekt przerostu obserwujemy w liczbie mnogiej rzeczownika *światopogląd* (*Понieważ może nawet zdradzam swe antyglobalistyczne światopoglądy, zapatrywania*, WPR 37), który oznacza ‘zespół opinii popartych przemysłami’ (WSJP)

i w odniesieniu do konkretnego człowieka notuje połączenia tylko z liczbą pojedynczą (*własny, wyznawany światopogląd; światopogląd polityczny; światopogląd człowieka, jednostki; człowiek o jakimś światopoglądzie; reprezentować, wyznawać; kształtować, zmieniać światopogląd*, WSJP) i tylko w charakterystyce zbiorowości dopuszcza liczbę mnogą (*ideologie i światopoglądy*, WSJP), *odmienne światopoglądy* (KNKJP).

Żart językowy, spowodowany przerostem semantycznym, został zniwelowany w wersji rosyjskiej, ponieważ tłumaczka przywróciła rzeczownikowi normatywną w tym kontekście liczbę pojedynczą – *антиглобалистское мировоззрение* (*Возможно, из-за него я даже предаю свое антиглобалистское мировоззрение, свои взгляды и убеждения*, PRV).

W WPR „czuć... niebanalne poczucie humoru, węch wyczulony na rozmaite przejawy kiczu, umiejętność kpienia ze stereotypów i rozmaitych tandetnych mód, także tych ważnych dla pokolenia autorki” (Radziwon 6). „Masłowska osiąga duże powodzenie w kreowaniu komizmu językowego” (Cybulski 449), a „w ponurej aurze uczuciowej tej powieści elementy humoru pojawiają się dość nieoczekiwanie, przy czym nazwanie go «wisielczym» wydaje się na miejscu” (Moch 111–112). Masłowska tworzy żarty językowe poprzez zastosowanie różnych zabiegów stylistycznych. Jednym z nich jest odstępstwo od normy w kategorii liczby. Dzięki wprowadzonym modyfikacjom tworzony jest komizm językowy. Zamiana normatywnej w wyrażeniach liczby pojedynczej na mnogą wywołuje efekt przerostu, nagromadzenia i przesady, zamiana liczby mnogiej na pojedynczą – efekt rozbieżności strukturalno-semantycznej. Modyfikacje gramatyczne nie zakłócają zrozumienia tekstu, jednak asymetrii nie odzwierciedlono w przekładzie powieści na język rosyjski. Możliwe, że na życzenie redakcji i wydawcy Irina Lappo w wersji rosyjskiej powieści w kategorii liczby zlikwidowała odstępstwa od normy, podobnie jak uczyniła to w przekładach przysłówków, taranimów i pleonazmów (Orzechowska 2018a, 2018b, 2018c). Tłumaczka odrzuciła obie stosowane w przekładach zasady: wierności wobec efektu techniki literackiej oraz wierności wobec formy samej techniki. Tym samym pozbawiono rosyjskiego czytelnika możliwości bawienia się językiem, zetknięcia z innowacyjnymi konstrukcjami i formami oraz skosztowania humoru Masłowskiej.

Bibliografia

- Andrzejczuk, Anna. „(Nie) tylko w liczbie mnogiej. Rozważania o szeroko rozumianych *plurale tantum*”. *LingVaria*, II, nr 2 (4), 2007, s. 177–188.
- Buttler, Danuta. *Polski dowcip językowy*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001.
- Cybulski, Marcin. „«Wojna polsko-ruska pod flagą białą-czerwoną» Doroty Masłowskiej – mechanizmy destrukcji świata i języka”. *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, t. V, 2008, s. 441–453.

- Forumowisko.pl. Web. 15.01.2017. www.forumowisko.pl.
- Janikowski, Przemysław. *Polska literatura najmłodsza w kontekście problematyki translatologicznej*. Katowice–Częstochowa, Wydawnictwo Naukowe Śląsk, 2008.
- Lappo, Irina. „Kawałek Silnego jest w każdym”. *Magazyn Kultury Popularnej. Esensja*, 17.06.2004. Web. 11.03.2017. <http://esensja.pl/ksiazka/wywiady/tekst.html?id=1240>.
- Markowski, Andrzej. *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005.
- Moch, Włodzimierz. „Język dresiarzy w powieści Doroty Masłowskiej «Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną»”. *Linguistica Bidgostiana*, I, 2004, s. 97–115.
- KNKJP: *Narodowy Korpus Języka Polskiego. Kolokator*. Web. 15.01.2017. <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/collocations.jsp>.
- Orzechowska, Joanna. „Pleonazmy i tautologii v «Wojnie polsko-ruskiej pod flagą biało-czerwoną» Doroty Masłowskiej i ich prewod na russkij język”. *Acta Neophilologica*, XX (1), 2018a, s. 29–40.
- Orzechowska, Joanna. „Przysłowki a dowcip językowy w «Wojnie polsko-ruskiej» Doroty Masłowskiej”. *Wiedza o języku w kształceniu filologicznym*. Red. Agata Rozumko, Elżbieta Awramiuk. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2018b, s. 167–182.
- Orzechowska, Joanna. „Taronimy w komizmie językowym w «Wojnie polsko-ruskiej pod flagą biało-czerwoną» i ich przekład na język rosyjski”. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 53, 2018c, s. 245–259.
- Pilch, Jerzy. „Martwy jak Przybyszewski”. *Polityka*, nr 2382, 2003.
- PRV: Masłowska, Dorota. Pol'sko-ruska wojna pod belo-krasnym flagom. Web. 15.01.2017. <http://coollib.com/b/249798>.
- Radziwon, Marek. „Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną, Masłowska, Dorota”. *Gazeta Wymborcza*, 18.05.2003.
- Szpila, Grzegorz. „Formy i funkcje frazeologizmów w powieściach Doroty Masłowskiej”. *Język Polski*, z. 4–5, 2010, s. 310–320.
- Szpila, Grzegorz. „Frazeologia w twórczości Doroty Masłowskiej”. *Problemy frazeologii współczesnej*. X. Łask, Oficyna Wydawnicza Leksem, 2015.
- USJP: *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Red. Stanisław Dubisz. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
- Wójtowicz, Agnieszka. „Podmiot autorski w «Wojnie polsko-ruskiej pod flagą biało-czerwoną» Doroty Masłowskiej”. *Postscriptum Polonistyczne*, 1 (13), 2014, s. 111–133.
- WPR: Masłowska, Dorota. *Wojna polsko-ruska pod flagą biało-czerwoną*. Warszawa, Świat Książki, 2003.
- WSJP: *Wielki słownik języka polskiego*. Web. 17.04.2017. <http://www.wsjp.pl>.

ELENA KORIAKOWCEWA

О словотворчестве российских и польских интернет-пользователей в эпоху глобальной интернационализации

On the word creation of Russian and Polish Internet users in the era of global internationalization

Abstract. The article deals with the evolution of word-formative types of nouns with new international formants *-инг/-ing*, *-(о)голик/-(o)holik*, *-зап/-zaur*, *-оид/-oid* that can express the complex concepts of attributive and contextual content. The composition of a new type of words with morphemes *-инг/-ing*, *-(о)голик/-(o)holik*, *-зап/-zaur* corresponds to a historical drift in the formation of analytic and agglutinative lines in the Russian and Polish languages.

Keywords: globalization, internationalization, Englishization, word-formation, hybrids

Elena Koriakowcewa, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce – Polska, elena.koriakowcewa@uph.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0701-1506>

Введение

В эпоху глобальной интернационализации в Интернете и масс-медиа формируется глобальная культура, базирующаяся на специфическом „игровом” мировоззрении, при котором важны лишь те духовные ценности, которые удовлетворяют потребности „homo ludens, человека играющего” (ср. Huizinga). Всемирное распространение глобальной культуры связано с беспрецедентным экспансионизмом английского языка – *Englishization* (Kachru 249). Одним из следствий *Englishization*, глобальной англизации, является билингоанглизация (см. Кабакџи 86), т. е. развитие местно-английского билингвизма, который распространяется внутри локальных сообществ, в том числе славянских стран, вошедших в „расширяющийся круг английского языка” (*the Expanding Circle* – термин Баджа Качру). В структуре местно-английского билингвизма один из элементов вариабелен (родной язык местного говорящего сообщества), а второй универсален (английский язык

как средство создания глобальной коммуникативной среды в двух взаимосвязанных пространствах – реальном и виртуальном).

Билинговоанглизации и культурной глобализации более всего подвержены коммуниканты 18–40 лет, принадлежащие к поколениям „цифровых иммигрантов” и „цифровых туземцев” (см. Prensky). Лингвокреативные представители этих „сетевых поколений”, отличающиеся пластичностью мышления и податливостью психики, способны к быстрому кодовому переключению мышления, склонны к языковой игре и гибриднему словообразованию в ходе интернет-коммуникации (см. Vinogradova).

Речевое поведение „сетевых аборигенов”, как и процессы деривационной гибридизации, происходящие в современной интернет-среде, невозможно описать в рамках одной статьи, поэтому мы проанализировали лишь некоторые проявления словотворчества российских и польских интернагов, обусловленные глобальной интернационализацией и билинговоанглизацией, сопоставляя русские и польские неoderиваты с новыми интернациональными формантами – двумя аффиксами английского и англо-американского происхождения (*-инг/-ing*, *-(o)голик/-(o)holik*) и двумя „евролатинскими” аффиксами (*-завр/-zaur*, *-оид/-oid*). Эти форманты, известные в 16 европейских языках (см. Görlach), являются мобильными транслокальными оперативными словообразовательными ресурсами (ср. Blommaert, Dong).

Источниками языкового материала послужили российские и польские интернет-форумы и блоги, а также интерактивные интернет-словари, размещенные на сайтах www.slovonovo.ru, <http://nowewyrazy.uw.edu.pl>. Обращение к поисковым системам Яндекс и Google обеспечило доступ к неограниченному объему текстов, что значительно упростило выявление и сравнительный анализ русских и польских гибридных неoderиватов.

Гибридные неoderиваты с формантами *-инг/-ing*

По данным Анатолия И. Дьякова и Елены В. Скворецкой (D'ákov, Skvorceckaá 181), в современном русском языке функционируют более 1500 лексических единиц с финалью *-инг*, этимологически восходящей к суффиксу английского герундия *-ing*. Это достаточно давно известные слова из общедоступно-бытовой сферы (*лифтинг*, *тримминг*); музыкальные термины (*скримминг*, *шугейзинг*); спортивные термины (*прессинг*, *рафтинг*); наименования правонарушений (*фишинг*, *шоплифтинг*); экономические термины (*мерчендайзинг*, *франчайзинг*); научные термины (*инбридинг*, *кроссбридинг*). К концу XX века группу существительных с финалью *-инг* дополнили компьютерные термины (*ангрейдинг*, *рефакторинг*, *эгосерфинг*). В XXI веке появились

варваризмы-транспланты, обозначающие концепты интернет-коммуникации, ср.: *блогинг, инстаграминг, интернетинг, лайкинг, скайпинг, твиттеринг, троллинг, фейсбукинг, форуминг, чатинг*, а также польск. *blogging/blogging, czating, fejsbuking, instagraming, lajking, skajping, trolling, twittering*.

Зная из опыта изучения английского языка о суффиксе герундия *-ing*, а также имея в словарном запасе англицизмы с этой морфемой, лингвокреативные русофоны осознают ее процессуальное значение и в ходе языковой игры используют как своеобразный эмоционально-экспрессивный суффиксальный терминологический элемент. Суффиксальный формант *-инг* – автономный носитель процессуального значения – проявил свой словообразовательный потенциал в медиатекстах и молодежном сленге, где с его помощью были созданы гибридные экспрессивные отыменные имена действия типа *балетинг* ‘исполнение балетных партий’, *гулянинг* ‘гулянка’, *каякинг* ‘перемещение на каяках’, *крысинг* ‘охота на крысы’, *крышинг* ‘танцы на крышах’, *пьянинг* ‘пьянка’, *собачинг* ‘отстрел бездомных собак’, *уазинг* ‘путешествие на внедорожнике УАЗ’ и др. (см. Korâkovseva 84–87).

„Сетевые аборигены” не только воспроизводят эти сленгизмы в ходе интернет-общения, но и создают новые имена процессов, присоединяя терминологический элемент *-инг* к основам абстрактных, конкретных, собственных и нарицательных существительных, ср.: *баба* → *бабинг* ‘флирт’, *вининг* ‘распитие вина’, *водопадинг* ‘преодоление водопадов’, *водкинг* ‘распитие водки’, *глинтвейнинг* ‘приготовление глинтвейна’, *идиотинг* ‘превращение в идиота’, *Ленин* → *ленининг* ‘коллекционирование фотографий со статуями В. И. Ленина’, *магазин* → *магазининг* ‘посещение магазинов’, *путинг* ‘агитация за кандидата Путина’. Ср. также: *базаринг, волейболинг, дебатинг, дебилинг, жабинг, каруселинг, комплиментинг, кошмаринг, лёжинг, магазининг, мотоциклинг, мужикинг, параноинг, пляжинг, рынкинг, сарделинг, сосисинг, халтуринг, фанеринг, флиртинг, шашлыкинг, шизофренинг, шлюхинг* и др.

Польскому языку англицизмы с финалью *-ing* известны с начала XX века, но словообразовательная активность этой финали была практически равна нулю (см. Waszakowa 116). В последние же пять лет под влиянием СМИ среди части польской молодежи возникла мода на „ингование” и на интернет-форумах появились такие шутивно-иронические гибридные дериваты, как *balkoning* 1. ‘прыжки туристов с балконов гостиницы в бассейн’, 2. ‘отдых на балконе’, 3. ‘выгуливание собак и кошек на балконе’, *browaring* ‘питье пива’ ← *browar*, *kawing* ‘питье кофе’ ← *kawa*, *kielbasing* ‘поджаривание колбасы на гриле’ ← *kielbasa*, *kocing* ‘лежание на одеяле’ ← *koc*, *kompoting* ‘питье компота’ ← *kompot*, *kościoling* ‘посещение костела’ ← *kościół*, *leżaking* ‘отдых на лежаке’, *łomżing* ‘питье пива марки Ломжа’ ← *Łomża*, *piwing* ‘питье пива’ ← *piwo*, *plazing* ‘лежание на пляже’ ← *plaża*, *spacing*

‘хождение на прогулки’ ← *spacer*, *wódking* ‘питье водки’ ← *wódka*, а также *bazaring*, *foteling*, *grobining*, *idioting*, *imprezing*, *mandating*, *telewizoring*, *urloping*, *wstyding* и др.

Создан сайт <https://ingi.wadi.pl>, на котором размещены около ста гибридных дериватов с формантом *-ing* (в основном это отыменные имена процессов), напр.: *adrenalinizing* ‘*uprawianie sportów podnoszących poziom adrenaliny*’; *agresing* ‘*napastliwe, agresywne zachowanie*’; *chalturing* ‘*lekceważący stosunek do wykonywanej pracy*’; *dywaning* ‘*leżenie lub siedzenie na dywanie; inaczej też trzepanie dywanów*’; *kanaping* ‘*wygodne siedzenie lub leżenie na kanapie*’; *suszining* ‘*zajadanie się suszi*’; *urloping* ‘*pojazd wypoczynkowy na urlopie*’; *wining* ‘*picie wina, w przeważnie w samotności*’¹ и др. (Ingi.wadi.pl, электронный ресурс).

Не исключено, что рост словообразовательной активности суффиксов *-инг/-ing* будет способствовать расширению деривационной базы процессуальных имен в русском и польском языках, так как с помощью этих новых формантов не только восполняются системные пробелы, но и создаются яркие эмотивные стилистические эффекты.

Гибридные неодериваты с формантами *-завр/-zaur*

„Евролатинский” аффиксальный терминологический элемент *-saurus/-saur/-завр/-zaur* (из греч. σαῦρος ‘ящер’), перенесенный из терминологической области в эмоционально-экспрессивную, используется для создания стереотипного образно-ассоциативного комплекса, передающего концепт „примитивность, отсталость”. Этот метафорический терминологический элемент стал словообразовательно активным благодаря прецедентным американским медийным текстам, в которых фигурировали гибридные неодериваты типа *Bidenosaur*, *Clintonosaur*, *Obamosaur*, *Paulosaur* (*The Spoof!*, электронный ресурс), созданные журналистами с целью по-новому структурировать концепт „отсталость” применительно к политическим лидерам, а также к их адептам. Новый способ словесной эквилибристики был взят на вооружение российскими и польскими журналистами: с помощью аффиксов *-завр/-zaur*, употребленных в переносном значении ‘отсталый, примитивный человек’, были образованы зооморфные метафорические инвективы, указывающие на приверженцев государственных и политических деятелей России и Польши, ср.: русск. *ельцинозавр* (← *Ельцин Б. Н.*), *зюганозавр* (← *Зюганов Г. А.*), *жиринозавр* (← *Жириновский В. В.*), *кудринозавр* (← *Кудрин А. Л.*), *путино-*

¹ Авторская пунктуация и орфография сохранены – Е. К.

завр (← Путин В. В.), *чубайсозавр* (← Чубайс А. Б.); польск. *kaczkosaur* (← *Kaczyński* – Качиньски Ярослав), *lepperosaur* (← *Lepper* – Леннер Анджей), *rydzykosaur* (← *Rydzik* – Рыдзик Тадеуш), *tuskosaur* (← *Tusk* – Туск Дональд).

По аналогии с этими инвективами, появившимися на сайтах влиятельных российских и польских газет, стали создаваться ругательства в молодежных сленгах, первоначально в русском, а затем и в польском. Среди ругательств, образованных русофонами с помощью аффикса *-завр*, можно выделить: 1) инвективные обозначения недостатков умственного развития (*глупозавр* ‘глупый человек’, *дурозавр* ‘очень глупый человек’, *колхозавр* ‘умственно ограниченный человек из района, деревни, села’, *лохозавр* ‘глупый, наивный человек’, *тупозавр* ‘тупой человек’); 2) инвективные обозначения отрицательных черт характера и асоциальных моделей поведения (*быдлозавр* ‘примитивный, аморальный человек’, *дерьмозавр* ‘подлый человек’, *очкозавр* ‘трус, неспособный сопротивляться преступникам’, *хамозавр* ‘примитивный хам’, *шлюхозавр* ‘развратный мужчина’); 3) инвективные обозначения внешности человека (*жирнозавр* ‘очень толстый человек’, *толстозавр* ‘толстый человек’); 4) инвективные обозначения отклонений в психическом здоровье, ср.: *психозавр* ‘психически ненормальный человек’, *шизозавр* ‘психически деградировавший человек’. Обращение к поисковым системам Яндекс и Google показало, что эти гибридные дериваты активно функционируют в виртуальном пространстве.

В современной русскоязычной интернет-коммуникации пополняются неодериватами первая, вторая и четвертая группы инвектив, ср.: *глупозавр*, *дебилозавр*, *идиотозавр*, *кретинозавр*, *наивнозавр*, *олигофренозавр*, *тупозавр* (1); *бабозавр* 1. ‘старый бабник’, 2. ‘злая женщина’, *грубозавр*, *стервозавр*, *трахозавр* ‘старый бабник, сексуальный маньяк’, *хамлозавр*, *чудакозавр* ‘странный, чудаковатый человек’ (2). В четвертой группе инвектив появились названия людей, ставших психически ненормальными из-за своего давнего пристрастия к Инстаграму, Интернету, Твиттеру и Фейсбуку (*инстаграмозавр*, *интернетозавр*, *нетозавр*, *твиттерозавр*, *фейсбукозавр*). Группу инвективных обозначений внешности пополнил лишь один гибридный дериват – *салозавр* (← *сало*), использованный в контексте как средство самоуничтожения: „[...] я *салозавр* [...]” (см. Harbor.ru, электронный ресурс).

Базисными семантическими признаками, формирующими значения ругательств, созданных российскими интернавтами с помощью морфемы-терминоида *-завр*, являются „интеллект” (глупость), „характер” (злость), „моральные качества” (подлость) и „поведение” (отклонения от социальных норм), „психическое здоровье”, „внешность” (физические недостатки – тучность). Эти же базисные семантические признаки являются строительным

материалом для образования польских инвектив с изофонным формантом *-zaur*, немногочисленных и малоупотребительных по сравнению с русскими, ср.: 1) „низкий интеллект”: *głupozaur*, *durniozaur*, *debilozaur*, *kretynozaur*, *idiotozaur*; 2) „недостатки характера”, „отклонения от социальной нормы поведения”: *aferozaur* ‘скандалист’, *babozaur* ‘злая женщина’, *dziwnozaur* ‘странный человек’; 3) „психическое нездоровье”: *psychozaur*; 4) „внешность” (физические недостатки – тучность): *brzuchozaur* ‘неухоженная брюхатая женщина, беременная’, *grubozaur* ‘толстый человек’.

Анализ гибридных неодериватов, образованных с помощью „евролатинских” аффиксов *-zavr*, *-zaur*, употребленных в метафорическом значении, показывает, что для российских и польских интернавтов наиболее нетерпимым пороком является низкий интеллект. Инвективы, образованные с помощью формантов *-zavr*, *-zaur*, содержат в своей структуре адъективные и субстантивные мотивирующие основы, называющие признаки умственной неразвитости: 1) неспособность к здравому рассуждению (русск. *глупозавр*, *дурозавр*, *тупозавр*; польск. *głupozaur*, *durniozaur*); 2) неспособность быстро и правильно оценить ситуацию (русск. *лохозавр*, *наивнозавр*, *чудакозавр*; польск. *dziwnozaur*); 3) патологические отклонения в психике (русск. *дебилозавр*, *идиотозавр*, *кретинозавр*, *олигофренозавр*; польск. *debilozaur*, *kretynozaur*, *idiotozaur*).

Гибридные неодериваты с формантами *-oid/-oid*

В конце XX века масс-медиа США стали также „поставщиками” пейоративных дериватов, созданных с помощью суффиксального терминоэлемента *-oid* со значением подобия (ср. греч. εἶδος ‘вид, образ’). Эти гибридные дериваты, образованные от имен политиков, обозначали их умственно недоразвитых адептов-подражателей, ср.: *bushoid* (*Bush*), *Clintonoid* (← *Clinton*), *Obamoid* (← *Obama*), *Trumpoid* (← *Trump*); „Another *Clintonoid* to become an *Obamoid*. Not surprised” (Free Republic, электронный ресурс).

Новая словообразовательная модель „оним + формант *-oid* (*-oid*)” была заимствована российскими и польскими журналистами, в текстах которых появились гибридные дериваты – пейоративные названия адептов государственных и политических деятелей, ср.: русск. *ельциноид* (← *Ельцин*), *жириноид* (← *Жириновский*), *зюганойд* (← *Зюганов*), *медведойд* (← *Медведев*, президент РФ в 2008–2012 гг.), *путинойд* (← *Путин*), *чубайсойд* (← *Чубайс*); польск. *giertychoid* (← *Giertych Roman*, председатель партии „Лига польских семей”), *kaczoroid* (← *Kaczor = Kaczyński*), *lepperoid* (← *Lepper*), *tuskoid* (← *Tusk*).

На рубеже XX–XXI вв. под влиянием медийных текстов в русском молодежном сленге возникли инвективы – гибридные дериваты с формантом *-oid*, созданные на базе названий людей, имеющих отклонения в психике (*дебилоид*, *дауноид*, *имбецилоид*, *кретиноид*, *шизоид* ‘человек, ведущий себя подобно шизофренику’), а также зоонимы, обладающие коннотативными компонентами, придающими лексическим значениям грубую экспрессию презрения и пренебрежения (*бараноид*, *быкоид*, *гориллоид*, *жабоид*, *кабаноид*, *козлоид*, *крысоид*, *скотиноид*). Эти этические пейоративы активного неуважения употребляются российскими интернаутами обычно на форумах, см.: „Откуда ж вы лезете, *имбецилоиды*? Поколения *имбецилоидов* никакое государство не переживет!” (Pikabu, электронный ресурс); „*Кабаноиды* и *бараноиды* считают себя сталинцами” (17marta.ru, электронный ресурс).

Инвективы – гибридные неoderиваты с интернациональным формантом *-oid* – в интернет-коммуникации обозначают, как правило, внутреннюю несостоятельность человека. Исключение составляет *жирноид* ‘очень тучный человек’: „*Жирноид* буквально ревел...” (Filisof.Livejournal, электронный ресурс).

В польских интернет-ресурсах нами была обнаружена лишь одна зооморфная инвектива с формантом *-oid* – *małroid* (от *małpa*, ср. русск. *гориллоид*). Анализ данных, полученных с помощью поисковой системы Google, показал, что в агрессивном дискурсе польских интернаутов используются в основном пейоративы с формантом *-oid*, образованные от названий людей, имеющих отклонения в психике: *debiloid*, *kretynoid* (ср. русск. *дебилоид*, *имбецилоид*, *кретиноид*).

Гибридные неoderиваты с формантами *-(o)голик*, *-(o)holik*

Следствием глобальной англоизации и готовности постмодернистского общества скандализироваться по любому поводу является рост словообразовательной активности структурного элемента *-(o)holic*, обозначающего человека, который испытывает патологическую зависимость от чего- или кого-либо. Этот элемент вычленился из структуры существительного *alcoholic*, по аналогии с которым, по данным *Merriam-Webster Dictionary*, в 1968 году был образован американизм *workaholic* (вариант – *workoholic*). Новый структурный компонент *-(o)holic* очень быстро прошел процесс суффигования, превратившись в интернациональную словообразовательную морфему – суффиксоид, ставшую продуктивной во многих европейских языках, в том числе русском и польском.

Обращение к поисковой системе Яндекс показало, что словопроизводство с помощью форманта *-(o)голик* чрезвычайно активно в речи российских интернавтов: в последние годы образовано более 140 гибридных неoderиватов с общим словообразовательным значением 'лицо, испытывающее патологическую зависимость от чего- или кого-либо'. Большую часть неoderиватов с финалью *-голик* составляют названия лиц, находящихся в патологической зависимости от своих увлечений, страстей и пороков, ср.: *автомобилеголик, бабоголик, битлоголик, блогоголик, брендоголик, гитароголик, гневоголик, деньгоголик, диетоголик, дискоголик, евроголик, женоголик, угроголик, интригоголик, казиноголик, карьероголик, киноголик, книгоголик, компьютероголик, косметикоголик, котоголик, кошкоголик, курортноголик, ласкоголик, любовеголик, медиаголик, мелодрамоголик, мобилоголик, модоголик, мореголик, мотоголик, наркоголик, наукоголик, нетоголик, никотиноголик, отдыхоголик, парфюмероголик, пёсоголик, пляжеголик, победоголик, подаркоголик, политикоголик, порноголик, поттероголик, программистоголик, психоголик, рекламоголик, романоноголик, рифмоголик, рыбалкоголик, рэпоголик, сериалоголик, сетеголик, смехоголик, собакоголик, спортоголик, стихоголик, страхоголик, стрессоголик, сумкоголик, табакоголик, танцеголик, телеголик, тестоголик, тряпкоголик, туроголик, тужфлеголик, фильмоголик, флиртоголик, фотоголик, футбоголик, шлюхоголик, экстремалоголик, эртоголик* и др.

Растет число неoderиватов, называющих лиц, патологически зависимых от продуктов питания, блюд и напитков, ср.: *авокадоголик, бананоголик, борщеголик, булкоголик, виноголик, вискоголик, водкоголик, едоголик, йогуртоголик, какаоголик, картофелеголик, квасоголик, кефироголик, колбасоголик, конфетоголик, коньякоголик, кофеголик, макаронноголик, макоголик, мармеладоголик, мёдоголик, молокоголик, мясоголик, нектароголик, овоцеголик, пепсиголик, пивоголик, пиццаголик, пиццеголик, рыбоголик, салатоголик, сахароголик, сокоголик, супоголик, сушиголик, сыроголик, тортоголик, хлебоголик, чаеголик, чипсоголик, шашлыкоголик, шоколадоголик/шокоголик, яблокоголик*.

В польском языке изофонный уничижительный аффикс *-(o)holik* также расширяет свое словообразовательное поле благодаря словотворчеству интернавтов, которые с его помощью образовали более 90 наименований лиц, находящихся в патологической зависимости от своих увлечений, страстей и пороков, ср.: *amerykanoholik, angloholik, animeholik, autoholik, baboholik, bankoholik, beatlesoholik, blogoholik, butoholik, ciuchoholik, dietoholik, dyskoholik, erotoholik, estetoholik, euroholik, filmoholik, flirtoholik, forsoholik, fotoholik, gitaroholik, gniewoholik, golfoholik, hazardoholik, infoholik, internetoholik, kasoholik, kinoholik, komórkoholik, komputeroholik, kosmetykoholik, kotoholik,*

książkoholik, kurwoholik, lekoholik, medioholik, morzeholik, motoholik, muzykoholik, narkoholik, naukoholik, nikotyholik, perfumoholik, piłkoholik, plażoholik, politykoholik, pornoholik, potteroholik, psiakoholik, psychoholik, rapoholik, reklamoholik, robotoholik, rusoholik, rymoholik, seksoholik, serialoholik, siecioholik, sklepoholik, spiskoholik, sportoholik, stresoholik, świnioholik, tatoholik, teleholik, testoholik, torboholik, turoholik, tytonioholik, urlopoholik, wędkoholik, wiedzoholik, zabawoholik, zakupoholik, żarłoholik, żonoholik и др.

С помощью поисковой системы Google.pl нами выявлено более 30 неодезиватов с финалью *-holik* – наименований лиц, испытывающих патологическую зависимость от продуктов питания, блюд и напитков, ср.: *awokadoholik, bananoholik, chipsoholik, chleboholik, ciastoholik, cukierkoholik, cukroholik, czekoholik/czekoladoholik, frytkoholik, herbatoholik, jabłkoholik, jadłoholik, jogurtoholik, kawoholik, kebaboholik, kefiroholik, kielbasoholik, kwasoholik, makaronoholik, makoholik, marmoladoholik, mąkoholik, mięsoholik, miodoholik, mlekoholik, pepsiholik, pieczywoholik, piwoholik, pizzaholik, ryboholik, seroholik, słodyczoholik, sokoholik, tortoholik, warzywoholik, whiskoholik, winoholik, wódkoholik, ziemniakoholik, zupoholik* и др.

В последние годы в интернет-дискурсе на русском и польском языках появились изофонные названия людей, патологически зависимых от Интернета и его сервисов, ср.: русск. *блогоголик, инстаграмоголик, интернетоголик, нетоголик, твиттероголик, фейсбукоголик, форумоголик, чатоголик*; польск. *blogoholik, czatoholik, facebookoholik/fejsbukoholik, forumoholik, instagramoholik, internetoholik, twitteroholik*.

Кроме яркой выразительности, гибридные неодезиваты с формантами *-(o)голик, -(o)holik* несут богатую социально-культурную информацию о ценностных ориентирах носителей русского и польского языков.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Гибридные дериваты, созданные с помощью новых интернациональных формантов *-инг/-ing, -завр/-zaur, -оид/-oid, -(o)голик/-(o)holik*, способны одновременно выполнять несколько функций: а) экспрессивно-декоративную, поскольку служат средством украшения речи; б) юридическую – ввиду того, что используются в языковой словообразовательной игре; в) паролно-идентифицирующую – в связи с тем, что дают коммуникантам возможность продемонстрировать свою принадлежность к группе интеллектуально развитых билингвов; г) функцию экономии речевых средств. Продуктивность этих суффик-

сальных терминологических элементов, способствующих автоматизации процесса словопроизводства, свидетельствует также об усилении агглютинативности в процессе деривационной гибридации.

2. В русском и польском интернет-дискурсах создание гибридных дериватов с помощью интерморфем *-завр/-zaur*, *-oid/-oid*, *-(o)голик/-(o)holik* нередко является способом реализации вербальной агрессии, причем речевая практика российских интернастов отличается более широким набором словообразовательных приемов оскорбления, что, по-видимому, связано с обыденностью инвективного общения в русскоязычном социуме, отражающего деструктивные процессы в области его материальной и духовной культуры.
3. Деривационную активность заимствованных формантов *-инг/-ing*, *-завр/-zaur*, *-oid/-oid*, *-(o)голик/-(o)holik* в речевой практике российских и польских интернастов повышают: а) глобальная интернационализация, поддерживаемая интернетизацией информационного пространства; б) билингоанглизация; в) лингвокультурная англо-американская мода, способствующая формированию языкового сознания, базирующегося на избыточных заимствованиях и сленге.

Библиография

- Blommaert, Jan, Jie Don. „Language and Movement in Space”. *The Handbook of Language and Globalization*. Red. Nikolas Coupland. London, Blackwell Publishing, 2010, s. 366–384.
- D’ákov, Anatolij, Elena Skvorecká. „Suffiks -ing zavoevvaet svoi pozicii v ruskom slovoobrazovanii”. *Sibirskij filologičeskij žurnal*, nr 4, 2013, s. 171–183.
- Görlach, Manfred, ed. *A Dictionary of European Anglicisms: A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages*. Oxford, Oxford University Press, 2001.
- Huizinga, Johan. *Homo ludens. Zabawa jako źródło kultury*. Per. Maria Kurecka, Witold Wirpsza. Warszawa, Aletheia, 2011.
- Kabakči, Viktor V. „Ázyk moj, kamo grádeši? Globalizaciá, «globanglizaciá» i mežkul’turnaá komunikaciá”. *Ázyk v paradigmah gumanitarnogo znaniá: XXI vek: sbornik naučnyh statej*. Red. Valeriá E. Černávskaá, Suren Zolán. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet èkonomiki i finansov, 2009, s. 78–97.
- Kachru, Braj B., ed. *The Other Tongue: English Across Cultures*. 3rd ed. Oxford–New York, Pergamon Press, 1983.
- Korákovceva, Elena I. *Očerki o ázyke sovremennyh slavánskikh SMI*. Siedlce, Wydawnictwo UPH w Siedleach, 2016.
- Prensky, Marc. *Digital Natives, Digital Immigrants*. Web. 29.05.2019. www.nnstoy.org/download/technology/Digital+Natives+-+Digital+Immigrants.pdf.
- Vinogradova, Tat’ána. „Specifika obšeniá v Internetie”. *Ruskaá i sopostavitel’naá filologičeskij aspekt*, nr 11, 2004, s. 63–67.
- Waszakowa, Krystyna. *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2005.

Электронные ресурсы и источники

- 17marta.ru. Web. 11.04.2018. www.17marta.ru/forum/index.php?topic=4980.0.
- Filisof.Livejournal. Web. 21.12.2017. <https://filisof.livejournal.com/147832.html>.
- Free Republic. Web. 12.01.2018. <http://freerepublic.com/focus/f-news/2134378/posts>.
- Harbor.ru. Web. 10.01.2018. <http://harbors.ru/journal/journal.php?action=view&journalid=32008>.
- Ingi.wadi.pl. Web. 16.04.2018. <https://ingi.wadi.pl>.
- Merriam-Webster Dictionary. Web. 28.04.2019. www.m-w.com.
- Pikabu. Web. 17.04.2018. https://pikabu.ru/story/o_nabolevshem_6011105.
- The Spoof! Web. 19.04.2018. <http://www.thespoof.com/spoof-news/magazine/3146/washington-d-c-paleontology-conference-unveils-new-species>.

VLADIMIR KLIMONOV

Парадигматика и синтагматика видовременных форм русского глагола

Paradigmatics and syntagmatics of aspectual-temporal forms of the Russian verb

Abstract. This paper addresses the following topics within the framework of natural grammar: On the paradigmatic level of the analysis (The Part titled “Semantics of aspectual-temporal forms of Russian verb”), the temporal and aspectual meanings of each aspectual-temporal form contained in the system of Russian aspectual-temporal forms are determined. On the syntagmatic level of the analysis (The Part titled “Pragmatics of aspectual-temporal forms in Russian”), the use of aspectual-temporal forms in standard and non-standard contexts is investigated as exemplified by performative verbs in the perfective future.

Keywords: Russian, natural grammar, markedness, system of aspectual-temporal forms, standard and non-standard contexts

Vladimir Klimonov, Humboldt University of Berlin, Berlin – Germany, klimonow@web.de, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1710-2356>

Предмет и теоретические основы исследования

Видовременные формы русского глагола рассматриваются в настоящей работе с позиций теории маркированности в естественной грамматике. В этой теории отношения маркированности между единицами семантического уровня проецируются на отношения маркированности между соответствующими им единицами формального уровня (Wurzel 62–65). Выделяются два уровня анализа видовременных форм: парадигматический и синтагматический. На парадигматическом уровне анализируются отношения маркированности между видовременными формами в системе видовременных форм русского языка (Klimonov 2000: 399–401). На синтагматическом уровне исследуется употребление каждой отдельной видовременной формы в стандартных (немаркированных) и нестандартных (маркированных) контекстах (Klimonov 2000: 383–399).

Семантика видовременных форм русского глагола

В русском языке обычно выделяются 5 видовременных форм: настоящее время несовершенного вида (НАСТ НСВ) *пишу*, прошедшее время несовершенного вида (ПРОШ НСВ) *писал*, прошедшее время совершенного вида (ПРОШ СВ) *написал*, будущее время несовершенного вида (= будущее сложное) (БУД НСВ) *буду писать* и будущее время совершенного вида (= будущее простое) (БУД СВ) *напишу* (Švedova 626–628; Klimonov 2002: 68–70).

Вопрос о статусе видовременной формы БУД СВ типа *напишу* является дискуссионным в лингвистической литературе. Обыкновенно эта форма считается будущим временем СВ или простым будущим – как это принято в академической грамматике русского языка (Švedova 626–628). Александр Исаченко (Isačenko 224–228) рассматривает видовременную форму типа *напишу* как форму настоящего времени СВ с эксплицитной сигнализацией неактуальности действия. Значение будущего времени у этой формы Исаченко интерпретирует как особый, или частный, случай употребления неактуального настоящего времени. Александр Бондарко (Bondarko 50–56, 102–112) рассматривает форму типа *напишу* как многозначную, т. е. семантически двойственную форму, объединяющую значения будущего и настоящего времени, и предлагает называть эту форму „настоящим-будущим совершенным”. Авторы академической грамматики русского языка, изданной в Праге (Horálek 167, 237), расчлняют эту форму в структурном отношении на две омонимические (синкретические) формы: немаркированную по временному признаку форму настоящего времени СВ *напишу*₁ и маркированную по признаку времени форму будущего времени СВ *напишу*₂. В настоящей работе форма типа *напишу* рассматривается на парадигматическом уровне как форма со значением непрошедшего времени СВ (НЕ-ПРОШ СВ), в которой объединяются формально не дифференцированные значения настоящего и будущего времени (см. таблицу ниже). В формах СВ как маркированного члена видовой оппозиции с признаком целостности глагольного действия ([+ЦЕЛ]) обнаруживаются только два типа временных парадигм, а именно прошедшее время (*написал*) и непрошедшее время (*напишу*) в отличие от формы НСВ со значением несигнализации целостности действия ([α ЦЕЛ]), в которой представлены все времена, а именно настоящее время (*пишу*), прошедшее (*писал*) и будущее (*буду писать*). Посредством нейтрализации временных различий в форме непрошедшего времени СВ достигается оптимальное структурирование видовременной системы: вместо возможных 6 видовременных форм (как продукта пересечения трех временных парадигм с двучленной парадигмой вида) в рус-

ском языке выступают только 5 видовременных форм. В соответствии с принятым здесь критерием употребления формы непрошедшего времени СВ в ней на синтагматическом уровне разграничиваются немаркированное значение будущего времени, выступающее в стандартных контекстах, и маркированное значение настоящего времени, обнаруживающееся в нестандартных контекстах.

Таблица. Система видовременных форм глагола в современном русском языке

Времена Виды	Прошедшее время	Непрошедшие времена	
		Будущее время	Небудущее время
Несовершенный вид	Прошедшее время несовершенного вида <i>писал</i>	Будущее время несовершенного вида <i>буду писать</i>	Настоящее время несовершенного вида <i>пишу</i>
Совершенный вид	Прошедшее время совершенного вида <i>написал</i>	Непрошедшее время совершенного вида <i>напишу</i>	

На парадигматическом уровне анализируются темпоральные и аспектуальные параметры системы видовременных форм. Во временном плане формы ПРОШ НСВ типа *писал* и ПРОШ СВ типа *написал*, маркированные семантически посредством признака предшества действия моменту речи ([+ПРЕД]) и формально посредством суффикса *-л-*, противопоставляются всем другим видовременным формам, не сигнализирующим отнесенности действия к прошлому ([α ПРЕД]) и не обнаруживающим претеритально-го суффикса *-л-*. В зоне непрошедших времен маркированные по признаку следования действия после момента речи ([+СЛЕД]) видовые формы БУД НСВ типа *буду писать* и БУД СВ типа *напишу*, противопоставляются немаркированной по этому признаку ([α СЛЕД]) форме НАСТ НСВ типа *пишу*. Видовые противопоставления структурируются в соответствии со значением признака разобщенности действия с моментом речи ([РАЗ]). Маркированные по этому признаку формы ПРОШ НСВ типа *писал* и БУД НСВ типа *буду писать* с положительным значением признака разобщенности действия с моментом речи ([+РАЗ]) противопоставляются немаркированным по этому признаку ([α РАЗ]) формам ПРОШ СВ типа *написал* и БУД СВ типа *напишу*.

Прагматика видовременных форм глагола в русском языке

В этом разделе на примере формы БУД СВ рассматривается функционирование перформативных глаголов (или перформативов) на синтагматическом уровне. К перформативам относятся глаголы речи типа *попрошу*, произнесение которых оказывается сопряженным с речевым актом, т. е. с реальным действием говорящего. Это отличает их от констативов, т. е. языковых выражений, называющих положение дел. Перформативы автореферентны: они называют действия и являются одновременно самими действиями. Перформативы обозначают осуществление (или реализацию) действия, являющегося содержанием перформативного глагола в момент речи. В славистике перформативы типа *попрошу* в русском и в других северославянских языках рассматриваются как настоящее время СВ (перфективный презент), тогда как в южнославянских языках их эквиваленты выражаются формой будущего времени СВ (перфективным футурумом) (Vojvodić 27–30).

В примере (1) говорящий высказывает свою просьбу адресату, что является одновременно и самим актом просьбы. Акт просьбы в этом случае выполняется посредством произнесения слова *попрошу*. Момент произнесения просьбы является в то же самое время и моментом осуществления просьбы как действия.

(1) *Попрошу* Вас помочь мне решить эту задачу.

У перформативных глаголов типа *попрошу* наряду с основным перформативным значением встречается и периферийное неперформативное значение будущего времени, которое обнаруживается в футуральном контексте, см. пример (2):

(2) Если я **не решу** эту задачу, то *попрошу* Вас помочь мне.

Перформативное значение могут иметь в специальных контекстах и глаголы, у которых основным значением является неперформативное значение. Главное неперформативное значение глагола *закончу* манифестируется как будущее время СВ (см. пример [3]):

(3) **Весной следующего года** я *закончу* обучение в университете.

Если же в высказывании содержится эксплицитное указание актуальности действия, то рассматриваемые глаголы в таком контексте приобретают значение перформативного действия. Так, в примере (4) говорящий назы-

вает действие, которое является одновременно актом завершения доклада в момент речи, эксплицитно указанный в контексте высказывания:

(4) **На этом** я и закончу/заканчиваю свой доклад.

В этом примере контекстуальный маркер актуального настоящего времени *на этом* со значением *hic et nunc* („здесь и теперь”) и глагольная форма *закончу* со значением будущего времени (ср. пример [3]) находятся в противоречии друг с другом. Это противоречие снимается тем, что глагол *закончу* получает в высказывании (4) значение перфективного презенса. Форма имперфективного презенса *заканчиваю* с процессуальным значением совместима со значением актуального настоящего времени, выражаемого посредством контекстуального маркера *на этом*.

В традиционном понимании интерпретация форм типа *попрошу*, *закончу* с перформативным значением как форм перфективного презенса исключается по причине несовместимости значения СВ со значением актуального (или конкретного) настоящего времени (Bondarko 50–56). В шестичленной модели категоризации русских видовременных форм, представленной в пражской академической грамматике русского языка, предусмотрена специальная форма перфективного презенса, в которой анализируются случаи употребления настоящего времени СВ в значении неактуального настоящего времени (Horálek 173–175). Перформативы типа *попрошу*, *скажу* рассматриваются в этой модели как формы со значением непосредственно предстоящего будущего действия. При этом разграничиваются две временные фазы действия: наступление (или начало) действия, совпадающее с моментом речи, и результат действия, относящийся к временному плану, следующему после момента речи. Формы будущего времени СВ обозначают в таких случаях действия, подлежащие реализации непосредственно после момента речи (Horálek 183).

В настоящей работе представлена иная точка зрения, расходящаяся с традиционной трактовкой перформативов как форм будущего времени. Понимание перформативных глаголов как форм будущего времени находится в противоречии со значением актуального настоящего времени, которое обнаруживается как у собственно перформативных глаголов типа *попрошу*, так и у неперформативных глаголов в перформативном употреблении типа *закончу*. У собственно перформативных глаголов значение актуальности действия имплицитно самой семантикой глагола, у неперформативных глаголов в перформативном употреблении значение актуального настоящего времени обусловлено контекстом, в котором выступают такие глаголы (см. пример [4]). Пример (5) наглядно показывает, что в таких случаях речь идет

о презентном, а не о футуральном значении глагола *перебью* в перформативном употреблении.

(5) Извините, пожалуйста, я Вас *перебью*.

В высказывании (5) говорящий выражает свое извинение за то, что он прервал собеседника, не дав ему договорить. Глагол *перебью* в перформативном употреблении получает здесь значение перфективного презенса. Футуральная интерпретация высказывания (5) тем самым полностью исключается.

В настоящей работе значение СВ считается совместимым со значением актуального настоящего времени. Перформативы в таком понимании выражают значение перфективного презенса. Они обозначают действие, совершившееся в момент речи. В русистике содержатся указания на такой подход к трактовке перформативов. Так, Алексей Караванов (Karavanov 111), опираясь на теорию Эрвина Кошмидера о коинциденции, т. е. совпадении слова и действия, анализирует примеры употребления формы БУД СВ в значении настоящего времени момента речи. Он называет такое употребление императивным настоящим временем. Автор этой статьи (Klimonov 2002: 73–74) приводит примеры, иллюстрирующие значение актуального настоящего времени у неперформативных глаголов в перформативном употреблении типа *закончу*. Значение актуального настоящего времени у таких глаголов рассматривается им как маркированное временное значение формы БУД СВ. Приведенные в этой работе примеры демонстрируют совместимость значения СВ со значением актуального настоящего времени. Особо следует отметить обстоятельное исследование перформативов Юрием Апресяном (Apresân 199–241).

Заключение

Семантика и прагматика видовременных форм русского глагола исследуется в настоящей работе с позиций концепции маркированности в естественной грамматике. Отношения маркированности анализируются как на парадигматическом уровне, т. е. на уровне структурных отношений отдельных видовременных форм друг к другу, так и на синтагматическом уровне, т. е. на уровне употребления каждой отдельной видовременной формы в стандартных (немаркированных) и нестандартных (маркированных) контекстах.

На парадигматическом уровне проявляется системно организующая роль отношений маркированности. Видовременные формы, связанные меж-

ду собой отношения маркированности, образуют в совокупности единую систему взаимосвязанных видовременных форм. Рассмотрение видовременных форм под углом зрения отношений маркированности на парадигматическом уровне позволяет вскрыть механизмы функционирования этих форм и объяснить их организацию как оптимальной системы. На этом уровне исследуются отношения маркированности между видовременными формами во временном плане и в видовом отношении.

На синтагматическом уровне употребления отдельных видовременных форм вводится разграничение между стандартными (немаркированными) контекстами, образующими центр языковой системы, и нестандартными (маркированными) контекстами, составляющими периферию языка. В настоящей работе рассматривается на примере формы будущего времени совершенного вида (БУД СВ) разряд глаголов с перформативным значением, в который входят как собственно перформативные глаголы типа *попрошу*, так и неперформативные глаголы типа *закончу* с контекстуально обусловленным перформативным значением. Перформативные глаголы выступают в форме БУД СВ лишь в особых контекстуальных условиях и потому относятся к периферийному значению этой формы. Реализация глагольного действия у перформативов происходит в момент речи, что является основанием для рассмотрения перформативов как форм со значением актуального настоящего времени СВ. В традиционном понимании значение актуального настоящего времени несовместимо со значением СВ. В работе содержится критика точки зрения, согласно которой перформативы интерпретируются как будущее время непосредственно предстоящего действия. Вызывает возражение и выделение перфективного презенса как особой формы в шестичленной модели категоризации русских видовременных форм в пражской академической грамматике русского языка (Hogálek 173–175). Как было показано выше на примере употребления перформативов (см. раздел 3), перфективный презенс употребляется только в специальных маркированных контекстах и потому не может считаться грамматикализированным в той мере, которая свойственна всем другим видовременным формам русского глагола. В этом смысле перфективный презенс является одним из частных значений формы будущего времени СВ.

Библиография

- Apresân, Ūrij. „Glagoly momental'nogo dejstviâ i performativy v russkom âzyke”. Ūrij D. Apresân. *Izbrannye trudy. Integral'noe opisanie âzyka i sistemmaâ leksikografîâ*. T. 2. Moskva, Škola „Âzyki russskoj kul'tury”, 1995, s. 199–241.
- Bondarko, Aleksandr. *Vid i vremâ russkogo glagola*. Moskva, Prosvešenie, 1971.

- Horálek, Karel, red. *Russkaâ Grammatika*. T. 1. Praha, Academia, 1979.
- Isačenko, Aleksandr. „La structure sémantique des temps en russe”. Aleksandr V. Isačenko. *Opera selecta: russische Gegenwartssprache, russische Sprachgeschichte, Probleme der slavischen Sprachwissenschaft*. München, Fink, 1976, s. 215–229.
- Karavanov, Aleksej. „Upotreblenie formy budušego vremeni glagolov soveršennogo vida v značenii nastoâšego vremeni”. *Trudy aspektologičeskogo seminara filologičeskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova*. T. 1. Moskva, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1997, s. 102–114.
- Klimonov, Vladimir. „Paradigmatik und Syntagmatik der aspektuell-temporalen Formen im modernen Russischen”. *Zeitschrift für Slawistik*, nr 4, 2000, s. 379–403.
- Klimonov, Vladimir. „Vzaimodejstvie semantiki vida i semantiki vremeni v sisteme vidovremennyh form russkogo glagola”. *Osnovnye problemy russkoj aspektologii*. Red. E. G. Kolenova. Sankt-Peterburg, Nauka, 2002, s. 68–79.
- Švedova, Nataliâ, red. *Russkaâ grammatika*. T. 1. Moskva, Nauka, 1980.
- Vojvodič, Dojčil. „Èffektivnyj prezens ili èffektivnyj futurum? (K voprosu o tipologii slavânskikh performativov soveršennogo vida)”. *Aspektual'naâ semantičeskaâ zona: tipologiâ sistem i scenarij diahroničeskogo razvitiâ. Sbornik statej V Meždunarodnoj Konferencii Komissii po aspektologii Meždunarodnogo Komiteta Slavistov*. Red. Mitsusi Kitadzë, Kioto, Tanaka Print, 2015, p. 27–33.
- Wurzel, Wolfgang. “On markedness”. *Theoretical Linguistics*, vol. 24, nr 1, 1998, p. 53–71.

PIOTR ZEMSAŁ

Gniazdo słotwórcze wyrazów motywowanych nazwą własną *Содом* w dyskursie radykalnego ruchu prawosławnego we współczesnej Rosji

The word-formation nest of words motivated by a proper noun *Содом* in a discourse of the radical Orthodox Church movement in modern Russia

Abstract. One of the important issues discussed in discourse texts of the radical Orthodox Church movement in Russia is the area of man's sexual life, including the issue of homosexuality. In the studied texts, resources of nominations referring to sexual orientation and homosexual people are relatively small. The group of lexemes referring to homosexuality, mainly male, most numerous represented in the studied material and most diversified grammatically is the word-formation nest of words motivated by the proper noun Sodom (Содом). The elements of the word-formation nest with the stem *содом-* are usually used in the text because, due to their significantly axiological character, they make unnecessary the use of other strongly axiological units belonging already to lower stylistic registers. It is also not surprising that in the conservative and Orthodox Church circles the units of biblical origin prevail, and the richness of their forms definitely confirms their current importance in the studied discourse.

Keywords: Sodom, conservative, Orthodox Church, discourse in Russia, homosexuality

Piotr Zemszał, Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Toruń – Polska, howie@umk.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0822-8937>

Radykalny ruch prawosławny w ostatnich latach przybrał na sile na fali poszukiwania nowej ideologii jednoczącej rosyjskie społeczeństwo i konsolidującej państwo, która potocznie określana bywa jako *духовные скрепы*. Lektura licznych materiałów zamieszczonych na jednym z popularniejszych portali publikujących i agregujących treści pojawiające się w innych źródłach związanych z tym środowiskiem pozwala na wskazanie podstawowych założeń ideologicznych spajających je. Portal, o którym mowa, nazywa się *Москва – Третий Рим* (<https://3rm.info/>) i jest źródłem materiału będącego podstawą niniejszego opracowania. Jak wynika z informacji na stronie, portal został założony w 2009 roku. Oficjalna

nazwa źródła brzmi: *Православный информационно-аналитический портал (ПИАИП) „Москва – Третий Рим”*, przy czym na samej stronie nie mamy szansy poznać żadnych szczegółów na temat administratorów tego zasobu. Sam portal, według statystyki podawanej przez stronę *liveinternet.ru*, przeglądany był w październiku, listopadzie i grudniu 2018 roku średnio przez 56 808 osób miesięcznie (*Liveinternet.ru*, źródło elektroniczne), maksymalna liczba odwiedzających w ciągu jednego dnia wyniosła nieco ponad 120 tys. Jeśli dodać do tego liczbę czytelników cytowanych przezeń źródeł (np. „Русь-Фронт” – 41 698 odwiedzających, dane rankingu *Rambler/top 100*, źródło elektroniczne), to uzyskamy liczbę może nie oszałamiającą, ale znaczącą. Poszczególne materiały czasopisma przeglądane są od kilku do kilkudziesięciu tysięcy razy. Rekordowy tekst *САТАНИИНСКИЙ ПРОЕКТ „BLUE BEAM”. Построение царства антихриста*¹ opublikowany 26 lipca 2018 roku w ciągu niespełna półrocza (do 30 grudnia) zanotował 732 237 odsłon. Kwerenda objęła 787 tekstów publikowanych na portalu w latach 2016–2018. Podczas gromadzenia materiału pomijałem teksty nieistotne z punktu widzenia światopoglądowego (np. poświęcone sposobom przeprowadzenia miodobrania czy suszenia grzybów, ziół itp.) oraz poświęcone wierze² *sensu stricto* (np. opracowania hagiograficzne i teksty modlitw publikowane w dniach poświęconych określonym świętym). Wśród wielu tematów podejmowanych na łamach portalu (np. kwestia ekumenizmu, wojna na Ukrainie, relacje Rosji z Zachodem, krytyka kultury masowej itd.) dość istotne miejsce zajmują kwestie związane z seksualnością człowieka, a zwłaszcza ze zjawiskiem zdecydowanie źle waloryzowanej homoseksualności.

Celem niniejszego artykułu jest, po uprzednim zebraniu dostępnych informacji natury leksykograficznej, przybliżenie ogólnej pragmatyki jednostek leksykalnych motywowanych nazwą własną *Содом* dominującej w warstwie nominacyjnej tych spośród badanych tekstów, które dotyczą wymienionego zagadnienia. Postaram się zatem na podstawie odnotowanych przypadków przybliżyć potencjał pragmatyczny analizowanych jednostek ze szczególnym uwzględnieniem pewnych ograniczeń, które na swoje wypowiedzenia zdają się nakładać sami autorzy (np. unikanie wulgaryzacji języka) oraz tła historyczno-kulturowego, jakie stanowi konserwatywna doktryna prawosławna.

Trudno jednoznacznie stwierdzić, czy badany dyskurs jest homofobiczny. Gregory M. Herek zauważa, że aktywiści chrześcijańscy podkreślający, że termin *homofobia* nie znajduje zastosowania w opisie ich postawy, mogą mieć do pewnego stopnia rację, ponieważ ich motywacją nie jest strach, a przekonania religijne

¹ Zapis zgodny z oryginałem.

² Wierze, a nie religii, sprawy religijne bowiem, jak np. kwestia ekumenizmu, bywają w badanych materiałach ściśle splecione z kwestiami społeczno-politycznymi.

(Herek 13). Omawiane pojęcie wydaje się zresztą mało przydatne w rozważaniach naukowych, ponieważ nie osiągnięto jego jednoznacznej definicji, a ponadto został on silnie zideologizowany. Niemniej jednak wyraźnym rysem badanego dyskursu, bez względu na motywacje, do których oceny nie czuję się kompetentny, jest stygmatyzacja osób o orientacji homoseksualnej i homoseksualizmu jako takiego. Ta „linia wrogości” jest bardzo wyraźna. Jak twierdzi Aleksiej Zygmont, „sodomici” stanowią obok „sekcjarzy” kategorię najczęściej atakowaną przez osoby wierzące w Rosji, przy czym jest to kategoria osób poddawana najdalej idącej dehumanizacji (Zygmont 136–137). Osoby niewpisujące się w tradycyjny model seksualności są zaś coraz częstszym obiektem fizycznej agresji, przy czym aż w 77% dotyczy to homoseksualnych mężczyzn (Laboratoriâ issledowanij seksual’nosti, źródło elektroniczne).

W badanych tekstach funkcjonuje dość niewielki zasób nominacji odnoszących się do orientacji seksualnej i osób homoseksualnych. Nie znajdziemy tu licznych określeń charakterystycznych dla agresywnego, wulgarnego dyskursu homofobicznego, których pozwolę sobie nie wymieniać. Rzadkość tego typu użyć wynika najprawdopodobniej z postulowanego i swoiście pojmowanego puryzmu językowego propagowanego na łamach badanego portalu. Ten puryzm językowy wydaje się jednak postawą dość powierzchowną, by nie rzec – faryzejską. W oznaczeniach zdjęć ilustrujących materiał pod tytułem *ОБНОВЛЕНО. ПРОДОЛЖЕНИЕ... КАК МЫ ПЕДЕРАСТОВ ГОНЯЛИ. Изн ервыху ст. (ВИДЕО, ФОТО)*³, które, najprawdopodobniej w wyniku błędu technicznego, są widoczne dla czytelnika, podobnie jak w komentarzu redakcyjnym do materiału (tekst spoza chronologicznego zakresu kwerendy) znajdujemy jednostkę *нидор* zapisaną łacinką: *pidory*. W ten sposób podpisano 5 z 6 zdjęć (Moskwa – Tretij Rim, źródło elektroniczne). Jednak wewnątrzportalowa wyszukiwarka na zapytanie *нидор* wskazuje zaledwie 5 wyników, podczas gdy zapytanie *гомосексуалист* daje ich 50 (jest to górna granica ustawień samej wyszukiwarki, wyników tych jest zapewne więcej, 50 wyników dają również zapytania *церковь* i *Москва*, stan z 4 stycznia 2019 roku).

Najliczniej reprezentowaną w badanym materiale i najróżnorodniejszą pod względem gramatycznym grupę leksemów odnoszących się do homoseksualności, również głównie wśród mężczyzn, stanowi gniazdo słowotwórcze wyrazów motywowanych nazwą własną *Codom* (łącznie 296 wystąpień). Należą do niej następujące jednostki: (*C*)*codom* (19 wystąpień), (*E*)*евросодом* (9 razy), *codомит* (68 wystąpień, w liczbie pojedynczej zaledwie 18), *codомитка* (1 wystąpienie w liczbie mnogiej, patrz wyżej), *codомлянин* (11 wystąpień, wszystkie w liczbie mnogiej), *codомия* (pojawia się 27 razy), *codомизм* (3 razy), *codомитство*

³ Zapis zgodny z oryginałem.

(4 razy), *содомский* (45 razy), *содомитский* (6 razy), *содомски* (1 raz), *осодо-миться* (1 raz), *содомизация* (1 raz).

Sodoma (*Содом*) to opisane w Biblii (Rdz 19) miasto, które wraz z Gomo-
rą zostało ukarane „deszczem siarki i ognia od Pana” (Rdz 19, 24) za rozpustę.
Opowieść o zniszczeniu Sodomy jest jednym z nieodłącznych elementów tradycji
judeochrześcijańskiej, a sama nazwa stała się symbolem niemoralnego, z punk-
tu widzenia doktryny, postępowania w sferze seksualnej. Pytanie, które należy
zadać, brzmi: w jakim stopniu charakter przewin, będących przyczyną ukarania
w tej opowieści Sodomy, można wiązać z homoseksualnością, a co za tym idzie,
jakie jest miejsce pojęcia homoseksualności w strukturze semantycznej derywa-
tów nazwy Sodoma (*Содом*). Co ciekawe, w definicjach apelatywizowanej⁴ formy
содом ten element nie występuje (Dal’ 266; Fasmer 706; Kuznecov 1229; Ożegov
607; Bogatova 92; Sorokoletov 211–213; Švedova 913). W słowniku Aleksandra
Czudinowa z 1894 roku definicja w haśle *Содомъ* ogranicza się jedynie do obja-
śnienia geograficzno-historyczno-biblijnego: „Древний городъ у Мертваго моря,
жители котораго предавались разврату, за что и былъ истребленъ небеснымъ
огнемъ, вмѣстѣ съ Гоморрою; отсюда вообще городъ съ испорченными нра-
вами” (Čudinov 607–608). W słowniku tym dopiero jednostki derywowane od
nazwy własnej *Содом* (a nie od apelatywizowanej formy *содом*) we wzajemnym
powiązaniu wykazują bezpośrednią obecność semantycznej sfery seksualności
człowieka:

Содомить (по им. города Содома). Человѣкъ, предающийся содомскому грѣху;
Содомскій грѣхъ (отъ имени города Содома, въ которомъ употреблялся).
Противоестественное **удовлетворение полового побуждения – мужеложство** (Čudi-
nov 607).

Dość szeroko do sfery seksualności człowieka, w tym do homoseksualności,
odwołują się definicje zawarte w historycznym słowniku obejmującym okres XI–
XVII wieku (tom 26):

СОДОМЛЯНИНЪ, м. Порочный человек, особенно приверженный мужеложеству – от
названия г. Содом в Ханаане;
СОДОМСКИ (-СКЫ), нареч. 1. Подобно жителям Содома, погрязшим в грехах [...] 2. Противоестественно (о половом сношении между мужчинами, а также per anum) – по

⁴ Warto przytoczyć w tym miejscu najkrótszą choćby definicję apelatywizacji: „Apelatywi-
zacja to proces przechodzenia nazwy własnej w rzeczownik pospolity, czyli przechodzenia nomen
proprium w nomen appellativum” (Długosz-Kurczabowa 5). Nieco bardziej wyrafinowane podej-
ście do tej kwestii prezentuje, powołując się na innych autorów, Mariusz Rutkowski, który podkre-
śla, że apelatywizacja nie jest prostym „przejściem”, ale w jej wyniku pojawia się nowa jednostka
leksykalna, która wchodzi z onimem w relację homonimii (Rutkowski 28).

имени г. Содом в Ханаане, жители которого предавались этому пороку (ср. Быт. XIX, 5) (Bogatova 92);
СОДОМСТВО, с. «Содомский» грех, противоестественные половые отношения per anum (Bogatova 93).

W większości z dziewięciu zbadanych pod tym kątem słowników w ogóle nie ma jakichkolwiek elementów tego gniazda słowotwórczego, których definiensy bezpośrednio nawiązywałyby do sfery seksualnej⁵. Co prawda przy definicjach leksemu *Содом* przytaczana jest biblijna etymologia, ale sfera seksu jest w niej obecna jedynie pośrednio, np.:

Безнравственность, **распущенность**, **разврат**, парящие где-л. ♦ Содом и Гоморра. Полный беспорядок, хаос, беззаконие. ● От названия древних палестинских городов Содома и Гоморры, которые, по библейскому рассказу, были уничтожены землетрясением и огненным дождем за ужасающее беззаконие⁶ их жителей (Kuznecov 1229)

СОДОМ, -а, м. (разг.). Беспорядок, шум, суматоха. *Подняли целый с.* ♦ Содом и Гоморра (книжн.) – полный беспорядок, хаос [от названий городов, по библейской легенде, разрушенных стихией за **грехи** жителей] (Ožegov 607)

СОДО'М, -а, м. (разг.). Беспорядок, шум, суматоха. *Поднять с.* ♦ Содом и Гоморра (книжн.) – полный беспорядок, хаос [от названий городов, по библейскому сказанию, разрушенных и испепелённых Богом за **распутство** их жителей], *прил. содомский*, -ая, -ое. ♦ **Содомский грех** (книжн.) – **оргия**, сопровождаемая **противоестественными**⁷ **половыми отношениями** [podkrešlenie moje – P.Z.]. От назв. Города *Sodoma* в Древней Палестине (Švedova 913).

Najszerzej, i chyba wyjątkowo, omawiane gniazdo słowotwórcze reprezentowane jest w elektronicznym słowniku Uszakowa (Ušakov). Definiowane są tu jednostki:

⁵ W słowniku Dala są to leksemy derywowane od zapelatywizowanego już rzeczownika *содом*: „**Содомить** шумѣть, кричать, гамить, орать толпою, горланить, браниться, ругаться; поднятшь умь, брань, ссору. *Слышь, въ кабаць содомять какъ! -ся, влд.* шумѣть, кричать, браниться, ругаться. **Содомная, содомливая сходка**, бестолковая и шумная, крикливая. **Содомко говорить**, влд. громко, шумно, крикливо. **Содомщикъ, содомщица** сварливый орала, затейщикъ споръ” (Dal’ 266); słownik Fasmera: „содомить «шуметь, кричать»” (Fasmer 706).

⁶ Tutaj semantyka seksualna w ogóle nie występuje.

⁷ Znowu, podobnie jak w słowniku XI–XVII wieku (Bogatova 93), pojawia się określenie *противоестественный*, które, o ile zakładać, że zadaniem definicji słownikowej nie jest wartościowanie, nie powinno się w niej pojawić. Wydaje się to błędem tym bardziej, że semantyka tego przymiotnika jest w znacznej mierze nieokreślona i może on być w kolokacji *противоестественные половые отношения* interpretowany bardzo rozmaicie.

содом – 1. Крайний беспорядок, сильный шум, суматоха (разг. шутил.). 2. Шумная, буйная толпа (устар.). Шутов и дур содом. И. Дмитриев. а Содом и Гоморра (ритор.) – 1) то же, что содом, но в более сильной степени; 2) **разврат, развратнаяж жизнь**. (По имени древних городов южной Палестины – Содомы и Гоморры, к-рые, по библейской легенде, были разрушены огненным дождем и землетрясением за грехи жителей.);

содомизм – (книжн., мед.). Склонность к содомии;

содомит – (мед.). Человек, подверженный содомии, склонный к содомии (см. содомия в 1 знач.);

содомитка – (мед.). Женск. к содомит;

содомить – (простореч. шутил.). Устраивать содом (см. содом в 1 знач.), шуметь, ругаться, браниться;

содомия – (книжн.). 1. Скотоложество. 2. Педерастия, мужеложество (устар.). (По имени города Содомы, см. содом.)

содомский – (книжн. устар.). Греховный, развратный, преступный. Содомский грех (церк., книжн. устар.) *_* то же, что содомия (Ušakov).

W badanym materiale daje się zauważyć odwrotna tendencja niż zaobserwowana w większości słowników. Nie ma w nim bowiem jakichkolwiek użyć leksemów tej grupy, które nie odnosiłyby się do sfery seksualności człowieka, głównie do praktyk homoseksualnych, np.:

- (1) Когда-то казалось невозможным даже упоминать вслух об извращениях, названных медициной „педерастия”, а Библией – „содомия” ... [1]
- (2) Недаром же главный **содомит** Украины, глава „гей-форума” Святослав Шеремет заявляет, что „вся оппозиция к нам церковная, или околоцерковная” [2].
- (3) Сам факт того, что во главе Св. Престола стоит **содомит**, породила у части **гомосексуалистов** желание не только стать священниками, но и сформировать свой собственный религиозный орден [3].

Zgodnie z tym co twierdził Derrick S. Bailey (cyt. za Sozaev 59), utożsamienie pojęcia sodomii z praktykami homoseksualnymi bynajmniej nie wynika w oczywisty sposób z interpretacji biblijnej historii Sodomy. W tradycji rabinicznej „grzech Sodomy” był interpretowany jako brak gościnności, a skojarzenie tego pojęcia z homoseksualnością pojawia się dopiero w Kodeksie Justyniana⁸ (pierwsza połowa VI wieku). To dość późne powiązanie biblijnej historii unicestwionego za swoje grzechy miasta z homoseksualnością jest wyrazem zaostrenia oceny samego zjawiska. Skoro bowiem grzech Sodomy wymagał bezpośredniej i bezwzględnej reakcji Boga, był to grzech najcięższy z możliwych⁹. W tym

⁸ *Corpus iuris civilis*, novella 141.

⁹ Jak twierdzi James Allan Evans, to zaostrenie podejścia do homoseksualizmu (właściwie stanowcze potwierdzenie wprowadzonej przez Kodeks Teodozjusza kary śmierci poprzez ścięcie) było spowodowane serią trzęsień ziemi (jedno z nich doprowadziło do pęknięcia kopuły w kościele Hagia Sophia) i epidemiami dżumy w 542 i 558 roku (Evans 75).

powiązaniu tkwi również źródło skrajnie negatywnego nacechowania całego gniazda słowotwórczego¹⁰ w badanym dyskursie.

Jednostki należące do gniazda słowotwórczego fundowanego na rdzeniu *codom-* często w badanym materiale występują w podobnych kontekstach jak leksemymy z rdzeniem *гомосексуал-*, które bywają traktowane jako neutralne. Są one jednak, przez swoje odwołanie do historii Sodomy, zdecydowanie mocniej nacechowane. W dyskursie kierowanym do osób znających biblijny kontekst stanowią nie tyle nawet sygnał negatywnej oceny, ile swoiste wezwanie do zajęcia aktywnego stanowiska. Skoro bowiem Bóg zareagował, niszcząc Sodomę, to znaczy, że jej mieszkańcy na to zasługiwali, a zatem i współcześni „sodomici” winni być zneutralizowani, o ile nie w ogóle zniszczeni. W jednym z badanych tekstów znajdujemy wiele historycznych przykładów pozytywnie waloryzowanej przez autora badanej wypowiedzi walki z homoseksualnością, przy czym niekoniecznie odnoszących się do tradycji chrześcijańskiej, np.:

- (4) И в исторические времена за содомские грехи и разврат целые города истреблялись с лица земли. Так, в XIV в. обратились к Тамерлану за помощью женщины Багдада и Дамаска. Они жаловались на своих мужей, которые погрязли в мужеложстве. „Железный хромец” немедленно произвёл расследование, на котором развратники признались в скотских грехах. Тогда Тимур дал приказ своим военачальникам: „Пусть каждый из воинов моей 700-тысячной армии в течение двух дней принесёт отрубленную голову мужеложника. Если какой воин пожалует злодея, пусть сам останется без головы”. И выложили семь пирамид из голов, по сто тысяч в каждой – в назидание потомкам [4].

Tekst kończy się wezwaniem:

- (5) Сегодня, как никогда, за наших детей нужно бороться не на жизнь, а на смерть [4].

W parze z takim postrzeganiem kwestii homoseksualności, którego wyrazem jest częste (najczęstsze w badanych tekstach) posługiwanie się elementami omawianego gniazda słowotwórczego, pojawiają się liczne cechy przypisywane „sodomitom”, charakteryzujące ich jako środowisko obce, ekspansywne, a nawet agresywne. Zdecydowana większość odnotowanych użycy pojawia się w kontekstach dotyczących Zachodu, np.:

¹⁰ O jego potencjale pisze Nadieżda Orłowa: „Прецедентная ситуация «Гибель Содома [и Гоморры]» – одна из самых значимых и трагических в Библейском тексте – и одна из наиболее освоенных русской и европейской литературой и культурой. Эта освоенность проявляется в первую очередь в том, что сигналом данной прецедентной ситуации (ПС) в различных дискурсах служит концепт ‘содом’, обладающий огромными когнитивными потенциалами [...]” (Orlova 47).

- (6) Сегодня **содомитство** стало образом жизни большей части Америки [33];
- (7) В США, Англии, Германии и других западных странах **содомитство** не только легализовано, но и имеет льготы [4];
- (8) И если Европа так привержена **содомской мерзости**, тогда скатертью им дорога в ад [5].

Skojarzenie homoseksualności, czyli, trzymając się terminologii motywowanej biblijnie, sodomii ze światem Zachodu, który wobec tego skojarzenia nie może być waloryzowany pozytywnie, skutkuje pojawieniem się złożenia *Евро-содом*¹¹, funkcjonującego jako hasło wywoławcze (podkreślane często poprzez zastosowanie czcionki wersalikowej) w narracjach dotyczących liberalizmu obywatelskiego w Europie. Na przykład:

- (9) Достоевский против **евросодома**. Сегодня актуально, как никогда! [6];
- (10) **Евросодом**. За отказ от секспросвета – тюрьма! [7];
- (11) Обозревший **Евросодом**... Еврокомиссия обвинила патриарха Илию II в нетолерантности [8];
- (12) Адский **Евросодом**... Для тех, кто хочет в Европу. Детские площадки в педофильском стиле [9].

W funkcji swojego hasła dla określonego zakresu tematycznego funkcjonuje też formuła *планета Содом*, np.:

- (13) **Планета Содом**... Пропаганда извращений для детей: Дисней снимает первый фильм о педерасте [10];
- (14) **Планета Содом**... „Гомосексуализм” стал предметом в школах США [11];
- (15) **Планета Содом**... Технология продвижения извращений в России [12];
- (16) **Планета Содом**... Содомиты готовят массированное нападение на Россию [13].

Trzykrotnie w badanym materiale pojawia się parafraza nazwy Stanów Zjednoczonych odwołująca się do rzekomego zdominowania tego obszaru przez wpływy środowisk homoseksualnych:

- (17) **Содомские Штаты Америки**... В Нью-Йорке в свидетельствах о рождении появилась гендерно-нейтральная категория „X” [14];
- (18) США – **Содомские Штаты Америки**... Сенат штата Иллинойс проголосовал за преподавание истории ЛГБТ в школе [15];

¹¹ Por. „Не могу отделаться от ощущения, что это сказано о нынешней **содомитской Европе**. Разве европарламент, еврокомиссии и прочие демонские их сборища не являются современными содомлянами, проводниками греха и противоестественных извращений?” [17].

- (19) **Содомские Штаты Америки** – США... Калифорния вводит запрет на „попытки лечения” содомии [16].

Wszystkie wymienione formuły służą uwypukleniu podziału na opanowany przez homoseksualistów obszar Zachodu i z trudem broniącą się przed tym wpływem Rosję:

- (20) Зри в корень... **Содом в предвкушении победы** над Россией [18];
(21) Тезис о собственной исключительности и предпочтительности модели поведения и образа жизни стал знаменем гомосексуалистов, и никакие флаги мира их более не устраивают – **содом рвётся в решающий бой. И главная цель здесь – Россия**, ведь узаконивание в ней содомии автоматически обрушит весь остальной христианский мир [18];
(22) **Мировой содом пошёл в открытый бой** с традиционным обществом в 70-х годах прошлого века [19].

Rosja jest tu przedstawiana jako ostatni bastion broniący cywilizacji chrześcijańskiej przed agresją wojującego homoseksualizmu, który opanował już cały świat [*всемирный (глобальный) содом*], przy czym to opanowanie dokonuje się w pewnej zorganizowanej formie poprzez tworzenie lub podporządkowanie sobie struktur władzy (*содомократия*), np.:

- (23) На пути **мировой содомократии** стоит Россия [1];
(24) Только после полного извращения христианского вероучения [...] может восторжествовать **всемирный Содом** [2].

Wiąże się to z kategorią rzekomej ekspansywności środowisk LGBT, której bezpośrednimi wykładnikami są takie leksemy, jak należące do metaforyki militarnej rzeczowniki *наступление* i *нападение*, czasownik *нападать*:

- (25) Началом **наступления** мирового содома на Россию следует считать 8 марта 2017 г. [18];
(26) Впрочем, на этом **наступление** боевых содомитов на Россию пока захлебнулось [13];
(27) Содомиты готовят массированное **нападение** на Россию [13];
(28) Теперь содомиты, похоже, решили **нападать** на всех подряд [13].

Co istotne, „Sodoma” prezentowana jest jako zorganizowana siła, która w globalnej skali bierze górę, a to potęguje wrażenie obłożonej twierdzy. W badanych tekstach pojawiają się takie związki wyrazowe, jak *всепобеждающий содом*, *всепобеждающее шествие содомократии*, *победное шествие* oraz metaforyczne formuły fundowane na czasownikach *захлестнуть* i *накрыть* o ogólnym znaczeniu ‘zdominować’, np.:

- (29) Это – историческое событие, [...] создающее новую реальность „**всепобеждающего содома**” [20];
(30) И, выходит, теперь только они [верующие] мешают **всепобеждающему шествию содомократии** в мире [1];

- (31) Содомия **захлестнула** восходящую звезду бесовской эстрады [21];
- (32) С подачи королевского дома Англии **мир накрывает содомская революция** [20];
- (33) Гендерные технологии начали **победное шествие** по России. Извращенцы ликуют вместе со **всемирным Содомом** [22].

Obok „frontalnego ataku” homoseksualny „wróg” działa również w sposób bardziej ukryty, podstępny, mniej jawny (*вползает куда-л., проталкивать, проникновение, пропихнуть*), пр.:

- (34) Содомитска мерзость **вползает** в Церковь... [23];
- (35) В особенности же пугает **проникновение** в церковную ограду страшнейшего **содомского греха** – гомосексуализма [24];
- (36) Либеральная тусовка проталкивает Содом и Гоморру в Православную Церковь [25];
- (37) [...] мощное „гей-лобби” в органах власти РФ [...] держит патриотов в напряжении, то и дело норовя **пропихнуть** очередную инициативу от глобального Содома [13].

Z badanych tekstów wynika pewna interesująca prawidłowość – frontalne formy „ataku” wymierzone są bowiem w Rosję (prezentowaną w badanym dyskursie jako jedyną prawdziwie chrześcijańską cywilizację) jako całość, natomiast celem ofensywy „ukrytej” we wszystkich odnotowanych przypadkach jest Cerkiew bądź środowisko określone w ostatnim przykładzie jako *патриоты*. Taki podział sprzyja wytworzeniu wrażenia, że oto mamy do czynienia z dwiema liniami „obrony”, z czymś, co odpowiadałoby fortyfikacyjnej konstrukcji dolnej i górnej twierdzy, gdzie pierwszą linią obrony jest Rosja (dolna twierdza), a drugą (górną twierdzą, cytadelą) – Cerkiew i środowiska „patriotyczne”. Druga linia obrony jest przy tym mocniejsza, jej obsada jest na frontalny atak odporna i należy wobec niej działać za pomocą podstępu i fortelu.

Ekspansywny charakter środowisk LGBT podkreślany jest w badanych tekstach również poprzez odwołanie się do metafory choroby i zakażenia/zarażenia oraz czasowników i ich derywatów oznaczających działanie w kierunku rozprzestrzenienia czegoś z pozycji siły (*насаждать, навязывать*) пр.:

- (38) [...] oni восхищаются „талантами” тех, кто **заражает** мир **содомской гнилью**... Эти матери – более, чем убийцы... [26];
- (39) Эта педерасня **заражает** наших детей всеми смертными страстями и грехами, губящими души [27];
- (40) Парады **содомитов**, так называемые „парады гордости” – это один из инструментов мощного механизма социального **заражения**... [19];
- (41) Цель Запада – принудить малороссов и проживающих в Черногории и Македонии сербов к отказу от своего прошлого, отказу от

своей национальной идентичности, **навязать** им **содомские** „ценности”, перековать их в покорных рабов и слуг нового мирового порядка [28];

- (42) Чего только стоит его роль в „Интернах”, где **насаждается** блуд, **содомия**, лживость, пьянство, прочие грехи и страсти [29];
- (43) Беда наша в том, что мы, возмущаясь открытым **насаждением** содомского греха, терпимо относимся и даже порой оправдываем его „умеренные” проявления [6].

W analizowanych przykładach znalazły się również dwa leksemy odnoszące się do efektu tych ekspansywnych działań – *содомизация* i *осодомиться*:

- (44) Бенедикт немного уперся против **содомизации** – разрушения основ христианской этики [30];
- (45) Затем **осодомилось** вероучение множества протестантских сект [2].

O ile negatywne nacechowanie elementów gniazda słowotwórczego rdzenia *гомосексуал*- należało wykazać m.in. poprzez przywołanie ilustracji, w których występowały one na równorzędnych zasadach z innymi ujemnie wartościującymi jednostkami, o tyle w przypadku derywatów nazwy własnej *Содом* nie wydaje się to konieczne. Jednak przyjrzenie się tego typu kontekstom ujawnia pewną istotną różnicę. W przypadku rdzenia *гомосексуал*- w badanych materiałach współwystępowały reprezentacje pojęć z zakresu zjawisk społecznych czy indywidualnego behavioru człowieka (np. *педофилия*, *алкоголики*, *наркоманы*, *разврат*, *терроризм*, *избиение беременных женщин*). W kontekstach zawierających jednostki derywowane od nazwy własnej *Содом* pojawiają się leksemy należące do innego pola semantycznego związanego już ze sferą sakralną. Jednostki te, poczynając od formuły *содомский грех*, przenoszą dyskurs z obszaru „codziennosci” do obszaru metafizycznego starcia dobra ze złem, np.:

- (46) Парады содомитов, по словам очевидцев, – это настоящее **сатанинское** сборище [4];
- (47) Содомия захлестнула восходящую звезду **бесовской** эстрады [21];
- (48) И если Европа так привержена содомской мерзости, тогда скатертью им дорога в **ад** [5];
- (49) Но лучше умереть в бою, чем быть в **жидоантихристовом, сатанинском, содомском**, «новом мировом порядке»! [31];
- (50) **Антихристов** концлагерь уже являет себя в Евросодоме... [32];
- (51) **Адский Евросодом**... Для тех, кто хочет в Европу. Детские площадки в педофильском стиле [9];
- (52) А „благодаял” все это **содомско-сатанинское** сборище... католический священник [33];
- (53) Но мы же знаем, что все эти взаимные выпады с истериками феминисток и мужского движения, это вовсе не забавная игра и троллинг

с запасом попкорна, а **работа дьявола по насаждению ненависти и содомии** среди мужчин и женщин [34];

- (54) Евросодом... **Глубины Сатанинские**. В Европе оправдывают педофилию [35].

Genetyczna więź ze sferą sakralną aktualizuje się w badanych tekstach niemal automatycznie, co skutkuje wyraźnie mocniejszym nacechowaniem derywatów nazwy własnej *Содом* w porównaniu do elementów gniazda słowotwórczego rdzenia *гомосексуал-*. Zdecydowanie mocniej wybrzmiewają również leksemy wchodzące w związki wyrazowe z tymi derywatami: *содомская гниль, содомитская мерзость, вонючий содомит, содомская зараза, содомская скверна, сборище содомитов, сатанинская содомия*.

Wśród nominacji dotyczących osób homoseksualnych na pierwszy plan pod względem liczby odnotowanych użyć wysuwa się jednostka *содомит*. Podobnie, jak w przypadku nominacji *гомосексуалист*, również w liczbie mnogiej dotyczy ona zwykle mężczyzn (Kon 10). Z jednej strony waloryzacja, którą ze sobą niesie, motywowana jest biblijną opowieścią o tych, których należało zniszczyć, a więc jest jednoznacznie negatywna, ale z drugiej strony – nie jest to leksem w jakimkolwiek stopniu wulgarny, co ma duże znaczenie dla dyskursu, w którym wciąż podkreśla się, że wulgaryzacja języka jest złem. Swoją drogą, najbardziej nawet wulgarne określenia osób homoseksualnych pod względem aksjologicznym pozostają daleko w tyle za omawianą nominacją, jednoznacznie sytuującą denotat w kręgu metafizycznego zła. Omawiana jednostka pozwala więc nadawcom realizować szeroki zakres funkcji pragmatycznych (wyrażenie pogardy, potępienie, ośmieszenie, dyskredytacja itd.) przy jednoczesnym uniknięciu wulgaryzacji komunikatu.

Najczęściej występującym elementem omawianego gniazda słowotwórczego jest również nominacja *содомит*, której łańcuch słowotwórczy wygląda następująco: *Содом – содомия – содомит*. Jest to synonim nominacji *гомосексуалист*. W badanych tekstach pojawia się jednak również nominacja *содомлянин*, której łańcuch słowotwórczy jest krótszy: *Содом – содомлянин*. Zgodnie z budową (sufiksy -ян, -ин) ogólna semantyka tego typu nominacji daje się sprowadzić do znaczenia ‘mieszkaniec danego obszaru’, np. *киевлянин, северянин*. Tak też pierwotnie było w przypadku rzeczownika *содомлянин*, oznaczającego mieszkańca Sodomy:

- (55) Еще не легли они спать, как городские жители, **СОДОМЛЯНЕ**, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом [Книга Бытие 19: 4].

To znaczenie jest w badanych tekstach jak najbardziej aktualne w narracjach odwołujących się do biblijnej historii Sodomy, np.:

- (56) Так что же мы, русские люди, не смотрим вглубь истории, чтобы набраться мудрости и не унаследовать участи ниневитян или **СОДОМЛЯН**? [36].

Jednak w badanym materiale daje się zaobserwować również interesujące przesunięcia znaczenia rzeczownika *содомлянин* w kierunku nominacji *содомит*. Występują one w identycznych kontekstach, np.:

- (57) Поэтому **парады содомитов**, [...] с мистической стороны можно рассматривать, как ритуальное осквернение улиц и городов [37];
- (58) Он должен противостоять массовому разращению людей, в том числе **парадам содомлян...** [37].

W związku z tym, że użyć nominacji *содомлянин* nie odnotowano zbyt wiele (11 takich przypadków) i większość z nich (7 przypadków) odnosi się do mieszkańców Sodomy, należałoby uznać, że jest to jedynie przypadkowa zbieżność. Kryje ona w sobie jednak pewien istotny potencjał retoryczny. Chodzi tu o powiązanie semantyki przestrzennej obecnej w nazwach mieszkańców określonego terytorium z negatywną waloryzacją charakterystyczną dla nominacji *содомит*. Byłoby to idealne przedłużenie koncepcji *Евросодома* (*планета Содом*, *Содомские Штаты Америки*), wiążącej określony model swobody seksualnej (*содомский грех*) z kulturą Zachodu. Tę tezę może potwierdzać dystrybucja przymiotników *содомитский* i *содомский*, derywowanych odpowiednio: *Содом* – *содомский* (tj. odnoszący się do miasta Sodoma), *Содом* – *содомия* – *содомит* – *содомитский* (tj. homoseksualny). Podobna relacja między przymiotnikami będzie potwierdzeniem zaobserwowanej tendencji.

- (59) **Содомитские организации** в разных странах мира издают свои газеты... [4];
- (60) Становятся модными **содомитские свадьбы** [4];
- (61) Первая страна, которая признала **содомские браки** [...] – это Аргентина [38];
- (62) Этот фактор нельзя упускать из внимания при решении современных вопросов и, в частности, проблемы т. н. гей-парада и ЛГБТ-пикетов в Козельске, заявку на проведение которых подал в администрацию города лидер московского **содомского сообщества** Николай Алексеев... [39].

Przytoczone przykłady wskazują na pełną funkcjonalną synonimie tych form przymiotnikowych. Oznacza to, że kategorie przestrzenne zaczynają ponownie zlewać się z kategoriami moralno-obyczajowymi. Sodoma (miejsce) określa jednocześnie model behawioralny. Stąd już niedaleko do zbudowania analogicznego schematu odnoszącego się do Zachodu (czyli współczesnej Sodomy). Nie jest przypadkiem, że temat homoseksualizmu na Ukrainie wyłania się w badanym dyskursie właśnie w ostatnich latach, kiedy to kraj ten poddał się cywilizacyjnemu wpływowi Zachodu, np.:

- (63) Недаром же главный **содомит Украины**, [...] заявляет, что „вся оппозиция к нам церковная, или околоцерковная” [2];

- (64) В этом документальном видеофильме отображены события 25 мая, когда в день города Киева **международное гомосексуальное лобби** сделало попытку провести так называемый парад пидерастов в столице Украины [40].

Elementy gniazda słowotwórczego z rdzeniem *содом-* są w badanych tekstach wykorzystywane najczęściej dlatego, że w związku z silnym nacechowaniem aksjologicznym pozwalają unikać stosowania innych mocno zaksjologizowanych jednostek należących już do niższych rejestrów stylistycznych. Nic dziwnego, że w środowisku konserwatywno-prawosławnym na pierwszy plan wysuwają się jednostki motywowane biblijnie, a bogactwo ich form jest niezaprzeczalnym potwierdzeniem ich aktualności w badanym dyskursie. Z pragmatycznego punktu widzenia, z perspektywy celów, jakie prawdopodobnie przyświecają nadawcom badanych tekstów, leksemy należące do analizowanej grupy są optymalnym wyborem, ponieważ ich wydźwięk jest bardzo mocny, wyrazisty, są one aksjologicznie jednoznaczne, ale jednocześnie nie spychają dyskursu w kierunku wulgarności. Intensywność wyzyskiwania analizowanych jednostek w badanym dyskursie, bogactwo form i w ogóle stała obecność tematyki homoseksualizmu traktowanego jako zjawisko negatywne wskazuje na istotność tej kwestii dla danego środowiska – ultraprawosławnych rosyjskich nacjonalistów.

Bibliografia

- Bogatova, Galina Aleksandrovna, red. *Slovar' russkogo âzyka XI–XVII vv.*, vyp. 26. Moskva, Nauka, 2004.
- Čudinov, Aleksandr Nikolaevič. *Slovar' inostrannyh" slov", vošedših" v" sostav" russkogo âzyka.* Sankt-Peterburg". Izdanie knigoprodavca Vasiliâ Ivanoviča Gubinskogo. Tipografiâ Sergeâ Nikolaeviča Hudekova, 1894.
- Dal', Vladimir Ivanovič. *Tolkovyj slovar' živago velikoruskago âzyka. Tom četvertyj.* Sankt-Peterburg", Izdanie knigoprodavca-tipografa M. O. Vol'fa, 1882.
- Długosz-Kurczabowa, Krystyna. *Apelatywizacja biblijnych nazw własnych w języku polskim.* Wrocław–Warszawa–Kraków, Ossolineum, 1990.
- Evans, James Allan. *Justynian i imperium bizantyjskie.* Przeł. Barbara Godzińska. Warszawa, Bellona, 2008.
- Fasmer, Max. *Ėtimologičeskij slovar' russkogo âzyka.* T. 4. Moskva, Progress, 1987.
- Herek, Gregory M. „Beyond «homophobia»: Thinking about sexual prejudice and stigma in the twenty-first century”. *Sexuality Research and Social Policy*, 1 (2), 2004, s. 6–24.
- Kon, Igor' Semenovič. *Liki i maski odnopoloj lûbvi. Lunnyj svet na zare.* Moskva, AST-Olimp, 2003.
- Kuznecov, Sergej Aleksandrovič. *Bol'šoj tolkovyj slovar' russkogo âzyka.* Sankt-Peterburg, Norint, 2000.
- Laboratoriâ issledovanij seksual'nosti. *Nasilie protiv LGBT v Rossi po dannym media.* Sankt-Peterburg, 2017. Web. 14.03.2019. <https://lgbtrightsinrussia.files.wordpress.com/2017/09/otchet-media-hate.pdf>.

- Orlova, Nadežda Mihajlovna. „Dinamičeskij harakter biblejskoj precedentnosti”. *Izvestiâ Saratovskogo universiteta*. T. 9. *Sociologîa. Politologîa*, vyp. 1, 2009, s. 46–53.
- Ožegov, Sergej Ivanovič. *Slovar' russkogo âzyka*. Moskva, Izdatel'stvo „Russkij âzyk”, 1988.
- Rutkowski, Mariusz. *Nazwy własne w strukturze metafory i metonimii*. Olsztyn, Wydawnictwo UWM, 2007.
- Sorokoletov, Fedor Pavlovič, red. *Slovar' russkich narodnyh govorov*, vyp. 39. Sankt-Peterburg, Nauka, 2005.
- Sozaev, Valerij. *Kak izbežat' ispol'zovaniâ âzyka vraždy v otnošenii lesbiânok, geev, biseksualov, transgenderov. Rukovodstvo dlâ žurnalistov*. Moskva, Moskovskaâ hel'sinkskaâ gruppa, 2013.
- Švedova, Nataliâ Ū'evna. *Tolkovyj slovar' russkogo âzyka s vključeniem svedenij o proišhoždenii slov*. Moskva, Azbukovnik, 2011.
- Ušakov, Dmitrij Nikolaevič. *Tolkovyj slovar' Ušakova onlajn*. Web. 11.03.2019. <https://ushakov-dictionary.ru/>.
- Zygmunt, Aleksej Igorevič. „Problematika nasiliâ v Russkoj pravoslavnoj cerkvi v postsovetskij period”. *Gosudarstvo, religiâ, cerkov' v Rossii i za rubežom*, nr 3, 2014, s. 117–145. LiveInternet.ru. Web. 30.12.2018. <https://www.liveinternet.ru/stat/3rm.info/index.html?period=month>.
- Moskva – Tretij Rim. Web. 04.01.2019. <http://3rim.info/1117-obnovleno-prodolzhenie-kak-my-pederastov-gonyali-iz-pervyx-ust-video-foto.html>.
- Rambler. Web. 30.12.2018. <https://top100.rambler.ru/navi/?theme=1166%2F1167&resourceId=2421338&page=3#2421338>.

Źródła przykładów

- [1] Râbčenko, Lûdmila. *Pust' pravoslavnye sami uničtožat svoi cennosti*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/45252-pust-pravoslavnye-sami-unichtozhat-svoi-cennosti.html>.
- [2] *Vatikan i „cerkov' êvtanzii”*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/34911-vatikan-i-cerkov-evtanzii.html>.
- [3] Četverikova, Ol'ga. *Postsobornaâ cerkov'*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/64848-postsobornaya-cerkov-olga-chetverikova.html>.
- [4] Bobylev, Evgenij. *Telegoniâ – nakazanie za blud...* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/58636-telegoniya-nakazanie-za-blud-pr.html>.
- [5] Pavlov, Aleksandr. *K čemu vedut „cennosti”, navâzyvaemye nam apostasijnoj Evropoj?* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/34085-k-chemu-vedut-cennosti-navyazyvaemye-nam-apostasiynoy-evropoj.html>.
- [6] Terleckij, Aleksandr. *Dostoevskij protiv evrosodoma. Segodnâ aktual'no, kak nikogda!* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/41300-dostoevskiy-protiv-evrosodoma-segodnya-aktualno-kak-nikogda.html>.
- [7] *Evrosodom. Za otkaz ot seksprosveta – tûr'ma!* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/38195-evrosodom-za-otkaz-ot-seksprosveta-tyurma-video.html>.
- [8] *Obozrevšij evrosodom... Evrokomišâ obvinila patriarha Iliû II v netolerantnosti*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/73161-oborzevshij-evrosodom-evrokomišija-obvinila-patriarha-iliju-ii-v-netolerantnosti.html>.
- [9] *Adskij Evrosodom... Dlâ teh, kto hočet v Evropu. Detskie plošadki v pedofil'skom stile*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/51899-evrosodom-detskie-ploščadki-v-pedofil'skom-stile-foto.html>.

- [10] *Planeta Sodom... Propaganda izvrašenij dlâ detej: Disnej snimaet pervyj fil'm o pederaste.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/72214-planeta-sodom-propaganda-izvrashcheniy-dlya-detey-disney-snimaet-pervyy-film-o-pederaste-video.html>.
- [11] *Planeta Sodom... „Gomoseksualizm” stal predmetom v školah SŠA.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/70092-planeta-sodom-gomoseksualizm-stal-predmetom-v-shkolah-ssha.html>.
- [12] *Planeta Sodom... Tehnologiâ prodvženiâ izvrašenij v Rossii.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/58539-planeta-sodom-tehnologiya-prodvizheniya-izvrashcheniy-v-rossii-video.html>.
- [13] *Planeta Sodom... Sodomity gotovât massirovannoe napadenie na Rossiû.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/72080-planeta-sodom-sodomity-gotovyat-massirovannoe-napadenie-na-rossiyu.html>.
- [14] *Sodomske Štaty Ameriki... V N'û-Jorke v svidetel'stvah o roždenii poâvilas' genderno-nejtral'naâ kategoriâ „X”.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/72996-sodomske-shtaty-ameriki-v-nju-jorke-v-svidetelstvah-o-rozhdenii-pri-ukazanii-pola-rebenka-pojavilas-genderno-nejtralnaja-kategorija-x.html>.
- [15] *SŠA – Sodomske Štaty Ameriki... Senat štata Illinojs progolosoval za prepodavanie istorii LGBT v škole.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/71240-ssha-sodomske-shtaty-ameriki-senat-shtata-illinojs-progolosoval-za-prepodavanie-istorii-lgbt-v-shkole.html>.
- [16] *Sodomske Štaty Ameriki – SŠA... Kaliforniâ vvodit zapret na «popytki lečeniâ» sodomii.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/70978-sodomske-shtaty-ameriki-ssha-kaliforniya-vvodit-zapret-na-popytki-lecheniya-sodomii.html>.
- [17] *Svâšennoe pisanie o „evropejskih cennostâh” – polovyh izvrašeniâh.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/35467-svyaschennoe-pisanie-o-evropejskih-cennostyah-polovyh-izvrashcheniyah.html>.
- [18] *Zri v koren'... Sodom v predvkušeniî pobedy nad Rossiej. Smotri, č'imi rukami kuetsâ eta pobeda.* Web. 11.03.2019. <http://3rm.info/9558-zri-v-koren-sodom-v-predvkusheniî-pobedy-nad-rossiej-smotri-chimi-rukami-kuetsya-eta-pobeda.html>.
- [19] *Diversiâ protiv Rossii... Sodom trebuet prav i vlasti, gosudarstvo emu daet.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/70800-diversiya-protiv-rossii-sodom-trebuet-prav-i-vlasti-gosudarstvo-emu-daet.html>.
- [20] *Râbičenko, Lûdmila Arkad'evna. Global'naâ transformaciâ... S podači korolevskogo doma Anglii mir nakryvaet sodomskââ revolûciâ.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/71871-globalnaya-transformaciya-s-podachi-korolevskogo-doma-anglii-mir-nakryvaet-sodoms-kaya-revoljuciya.html>.
- [21] *Vostrâkov, Nikolaj. Gor'kie plody vospitaniâ bez Boga.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/43603-gorkie-plody-vospitaniya-bez-boga.html>.
- [22] *Filimonov, Valerij Pavlovič. Vsemirnyj sodom rukoplešet... Smena pola v Rossii – pod zakonom.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/70247-vsemirnyy-sodom-rukopleschetsmena-pola-v-rossii-pod-zakonom.html>.
- [23] *Sodomskaâ merzost' vpolzaet v cerkov'... Drug mitropolita Ilariona rasskazal o „glubokoj lûbvi” meždu sodomitami.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/71683-sodoms-kaya-merzost-vpolzaet-v-cerkov-drug-mitropolita-ilariona-rasskazal-o-glubokoy-lyubvi-mezhdu-sodomitami.html>.
- [24] *Zisis, Feodor. Vsled za èkumenizmom prišel gomoseksualizm.* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/63526-vsled-za-ekumenizmom-prishel-gomoseksualizm-protopresviter-feodor-zisis.html>.

- [25] *Liberal'naâ tusovka protalkivaet Sodom i Gomorru v pravoslavnuû cerkov'*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/63453-liberalnaya-tusovka-protalkivaet-sodom-i-gomorru-v-pravoslavnyyu-cerkov.html>.
- [26] *O licedeâh: Vozvedennoe v kul'tiskusstvo vrat'. Gniûšie otbroisy vseh vremen i narodov – „gospoda” licedei!* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/64234-o-licedeyah-vozvedennoe-v-kult-iskusstvo-vrat.html>.
- [27] *Cena uspeha v šoubiznese... Dmitrij Malikov raskryl svâzannyj s geâmi i evreâmi sekret uspeha*. Web. 11.03.2019. <http://3rim.info/12407-cena-uspeha-v-shou-biznese-dmitriy-malikov-raskryl-svyazannyj-s-geyami-i-evreyami-sekret-uspeha.html>.
- [28] Mel'nikov, Dmitrij. *Zapad v vojne protiv Hrista... Nasil'stvennaâ antikanoničeskaâ avtokefalizaciâ kak oružie vragov Pravoslaviâ i slavânstva*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/72231-zapad-v-vojne-protiv-hrista-nasilstvennaya-antikanonicheskaya-avokefalizaciya-kak-oruzhie-vragov-pravoslaviya-i-slavyanstva.html>.
- [29] *Vot tak razrušaiût našu cerkov'!... Ohlobystin: Cerkov' emu nraivtsâ, no poka on budet rastlevat' narod. S razrešeniâ patriarha*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/70556-vot-tak-razru-shayut-nashu-cerkov-ohlobystin-cerkov-mne-nraivtsya-no-poka-ya-budu-rastlevat-narod.html>.
- [30] Četverikova, Ol'ga. *Vas obâzatel'no obmanut. Ne vedites' na mežcerkovnyj dialog s katolikami*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/58753-ne-vedites-na-mezhcerkovnyj-dialog-s-katolikami-vas-obyazatelno-obmanut-on-chetverikova.html>.
- [31] *Plameneet molitvennyj meč. Rus' svâtuû angely hranât!* Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/60560-plameneet-molitvennyj-mech-rus-svyatuyu-angely-hranyat.html>.
- [32] *Èto prosto užas! Detej v lagerâ perevospitaniâ. V Niderlandah gomofobov lišaiût roditel'skih prav i otbiraût detej*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/72975-jeto-prosto-uzhas-detej-v-lagerja-perevospitaniya-v-niderlandah-gomofobov-lishajut-roditelskih-prav-i-otbirajut-detej.html>.
- [33] *Planeta Sodom... Konec Evropy: na gej-parad v Švecii vlasti obâzali vyjti voennyh, policejskih i sotrudnikov MID*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/72128-planeta-sodom-konec-evropy-na-gey-parad-v-shvecii-vlasti-obyazali-vyyti-voennyh-policejskih-i-sotrudnikov-mid.html>.
- [34] Bor, Hakin. *Okolofutbol'noe skotstvo... Blud, vojna na uničtoženie i novyj trend v propagan-de*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/71902-okolofubolnoe-skotstvo-blud-vojna-na-u-nichtozhenie-i-novyy-trend-v-propagande.html>.
- [35] *Evrosodom... Glubiny sataninskie. V Evrope opravdyvaiût pedofiliû*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/71868-evrosodom-glubiny-sataninskie-v-evrope-opravdyvayut-pedofiliyu.html>.
- [36] Dobyčîn, Aleksej. *Vosstan' «četverodnevnaâ Rossiâ»! Čast' III – Sobornyj greh*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/1776-vosstan-chetverodnevnyaya-rossiya-chast-iii.html>.
- [37] Arhimandrit Rafaîl (Karelin). *Neuželi Sodom – naš budušij dom? Gomoseksualistami ne rož-daûtsâ – imi stanovâtsâ*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/58872-neuzheli-sodom-nash-buduschiy-dom-gomoseksualistami-ne-rozhdayutsya-imi-stanovyatsya-arhimandrit-rafaïl-karelin.html>.
- [38] Četverikova, Ol'ga. *“Iezuitskaâ petlâ dlâ Rossii”. Čast' pervââ*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publications/62887-iezuitskaya-petlya-dlya-rossii-chast-pervaya-on-chetverikova.html>.
- [39] Strogova, Elena. *Obozrevšie sodomity... Podana zaâvka na razrešenie gej-parada râdom s Optinoj Pustyn'û*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/main/73039-nashestvie-sodomitov-podana-zajavka-na-razreshenie-gej-parada-rjadom-s-optinoj-pustynju.html>.
- [40] *Gomoseksual'nyj terrorism zahlestnul planetu*. Web. 11.03.2019. <https://3rm.info/publication-s/37796-gomoseksualnyj-terrorizm-zahlestnul-planetuvideo.html>.

ANNA ŻEBROWSKA

Влияние русского языка на белорусские говоры (на примере полевых исследований в Мядельском районе Минской области)

The influence of the Russian language on contemporary Belarusian dialects (on the example of field research carried out in Myadzyel district in the Minsk region)

Abstract. The aim of this article is to describe the role of the Russian language in a multilingual environment, which is the Belarusian-Polish-Lithuanian borderland. The study pays particular attention to the influence of the Russian language on contemporary Belarusian dialects, in particular on the Central Belarusian dialect. Part of the Central Belarusian dialect is the dialect of Kamarova (Myadzel district, Minsk region), where I have conducted field research since 2010. The article provides an analysis of selected fragments from the interviews with local residents, indicating a significant impact of the Russian language (primarily at the lexical level) on the speech of the residents of Kamarova, regardless of their age, education, status, position, etc. Moreover, the long and continuing influence of the Russian language on Belarusian dialects, its strong position in Belarus and its high prestige suggest a change in the dialect of Kamarova, in which lexical elements of the Polish/Lithuanian language are gradually being replaced by their Russian equivalents.

Keywords: Belarusian dialects, Belarusian-Polish-Lithuanian borderlands, Komarovshchizna, Myadzel district, Minsk region

Anna Żebrowska, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
zanna@amu.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2551-3753>

Введение

Белорусско-литовско-польское пограничье представляет собой многоэтнический, многоязычный и многокультурный ареал, являющийся объектом исследования историков, этнологов, культурологов, лингвистов и специалистов многих других областей. Исследованиям этой проблематики, охватывающей разносторонние языковые аспекты, посвящены многочисленные

работы как польских (Bednarczuk 1999, 2010; Engelking 2000, 2006, 2012; Golachowska 2010, 2012; Radzik 2000a, 2000b; Smułkowa 2002, 2007, 2009, 2010, 2011, 2016; Zielińska 2002, 2008, 2012 и мн. др.), так и зарубежных исследователей (Astręjka 2010, 2013; Budźko; Cyhun 2018; Erker 2013, 2014; Guszczewa; Smalanczuk; Wiemer 2003, 2006).

Особую ценность представляют работы известного польского диалектолога, слависта Эльжбеты Смулковой, руководившей рядом полевых исследований, результатом которых стали обширные монографии *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej* (Smułkowa 2007) и *Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność* в двух томах (Smułkowa 2009, 2011). Вторую работу (*Brasławszczyzna...*) Смулкова называет научно-исследовательской лабораторией северо-западного участка данного пограничья, направленной „przede wszystkim na poznanie i przedstawienie aktualnego stanu językowego regionu, zwłaszcza słownictwa, ze szczególnym zwróceniem uwagi na zakres użycia i charakterystykę mówienia *po polsku i po tutejszemu, po białorusku*, jako środków komunikacji dla tego terenu od dawna podstawowych” (Smułkowa 2011: 8).

Значение междисциплинарных исследований на Браславщине подчеркивалось как польскими (Barszczewska; Karaś; Zielińska 2013), так русскими (Tolstaâ) и белорусскими (Cyhun 2011) исследователями. На основании проведенного анализа двухтомной публикации *Brasławszczyzna...* и доступных на нее рецензий, вне всякого сомнения, можно констатировать, цитируя российского лингвиста Светлану Толстую, что „все дальнейшие исследователи этого региона уже не смогут обойтись без обращения к этому фундаментальному труду, созданному совместными усилиями польских и белорусских диалектологов и изданному в Варшаве” (Tolstaâ 198). Необходимо отметить, что данное издание чрезвычайно значимо также для исследования других регионов, расположенных на пограничье языков и культур, в том числе Комаровщицны¹ (д. Комарово и ряд окрестных деревень), где с 2010 года нами проводятся полевые исследования. Именно на этой территории и сфокусируются наши дальнейшие рассуждения, целью которых является: 1) краткая историческая характеристика исследуемого ареала; 2) социолингвистическая ситуация данной местности и 3) представление влияния русского языка на современный диалект, функционирующий на этой территории.

¹ В соответствии с правилами русского языка польское название *Komarowszczyzna* должно переводиться как Комаровщина. В нашей статье оно выступает как Комаровщица, поскольку в архивных русскоязычных источниках данная местность выступает именно под таким названием.

Расположение и историческая характеристика Комаровщины

Комаровщина расположена в северо-западной Беларуси по знаменитому Полоцкому тракту (сейчас – автомобильная трасса Вильнюс – Полоцк), в 40 километрах от литовской границы, 80 км от Вильнюса и 180 км от Минска. Исследуемая территория, находясь в Мядельском районе Минской области, граничит с Вилейским районом этой же области, Поставским и Докшицким районами Витебской области, Островецким и Сморгонским Гродненской области.

Комаровщиной ранее называли поместье, восходящее к XIV веку. Усадьба на протяжении шести столетий меняла своих владельцев и принадлежала таким известным родам, как Гаштольды, Котлы, Радзивиллы, Комары, Козел-Поклевские, Хоминские, Пашкевичи, Борткевичи, Бениславские и Старжинские. Последними ее владельцами – с конца XIX в. (1888) и до начала Второй мировой войны (1939), был дворянский род Старжинских (Gil', Draŭnicki 22–24). В 1939 г., после вступления Красной армии, имущество было разграблено, а хозяйство стало частью колхоза (сначала „17 Сентября”, а затем „Константиново”). Позже (1996) к Комарову была присоединена соседняя деревня Кутьки, в настоящее время на белорусских картах отмеченная под названием д. Комарово, а среди местных жителей называемая по-прежнему Кутьки. В наших исследованиях Комаровщина имеет символический характер, поскольку название относится не только к д. Комарово, но и к окрестным деревням (Бакшты, Богатьки, Борисы, Венцевичи, Ворошилки, Грумбиненты, Константиново, Куркули, Нарейши, Нетьки, Ольшево, Семки, Старая, Фалевичи, Януковичи, Яцыны). В настоящее время перечисленные местности являются частью Свирского сельсовета Мядельского района Минской области, ранее они входили в состав Свенянского уезда Виленской губернии.

За свою многовековую историю (XIV–XIX вв.) Комаровщина меняла не только владельцев, но и общественно-политическую систему. Согласно историческим данным (Lemâšonak; Draŭnicki; Gil', Draŭnicki), поместье Комарово сформировалось до 1330 года и входило в состав Полоцкого княжества. Полоцкое княжество, а вместе с ним и вся Мядельщина, вплоть до XVI в. было частью Великого княжества Литовского (ВКЛ), возникшего в XIII веке в результате объединения славянско-литовских племен. С XVI-го по XVIII век мядельские земли входили в состав Речи Посполитой. После ее раздела власть на Мядельщине менялась еще несколько раз: сначала она принадлежала Российской империи, затем, после заключения Рижского договора, Польше, позднее Белорусской ССР, немецким оккупантам и снова Советскому Союзу. В 1991 году, после распада СССР, Беларусь была про-

возглашена независимой республикой, которой остается до настоящего времени.

Передвижение границ, а также неоднократная смена властей, вызывавшая то полонизацию, то русификацию местного населения, отразилась на формировании традиций данного региона и, несомненно, на местной разновидности белорусского языка, называемой самими жителями *простаі мовай, сваей, вясковай*.

Социолингвистическая ситуация Комаровщины

Языковая ситуация исследуемой территории, подобно как и современной Беларуси, отличается неоднородностью. Она характеризуется наличием нескольких языковых систем, образовавшихся в результате взаимодействия белорусского, русского, польского и литовского языков.

Белорусский язык представлен литературным белорусским языком и местным говором. В степени владения русским языком также наблюдается вариативность форм: от литературного языка с незначительными белорусскими интонационными особенностями до смешанной речи. Кроме того, Комаровщина как и вся Мядельщина, расположенная в северо-западной Беларуси, в силу своей исторической судьбы относится к региону, который в прошлом был частью Польши, поэтому здесь и в настоящее время отмечается влияние польского языка. Однако его роль сводится в основном к символической функции, заключающейся в том, что в сознании человека сохраняется польское происхождение (у многих имеются в наличии документы, подтверждающие этот факт), традиции, переданные предками, и чувство связи с Польшей. При этом знание польского языка преимущественно ограничивается пониманием, а его использование – конфессиональной сферой. Близость границ с Литвой объясняет наличие в речи местного населения элементов литовского языка, которое наблюдается прежде всего в речи старшего поколения и проявляется на лексическом уровне в заимствовании отдельных выражений (например, *абжаргаць* – рус. *оседлать коня, переступить через что-л.*; *бразгаць* – рус. *стучать; говорить невнятно, быстро*; *дзірван* – рус. *залежные земли; кумпяк* – рус. *ветчина, окорок* и мн. др.).

Анализ собранного материала указывает на то, что коренные жители в основном пользуются местным говором, сложившимся под влиянием польского, русского, белорусского и литовского языков. При этом в речи его носителей в зависимости от возраста отмечаются некоторые различия. Например, язык старшего поколения представляет собой смешение польского и белорусского языков с незначительным количеством русской

лексики; среднее поколение старается общаться на белорусском литературном языке, однако в некоторых ситуациях – в банке, в магазине, на почте, в беседе с представителями власти и т. п. – на русском с фонетическими, а нередко и лексическими особенностями белорусского языка. В речи отдельных информантов чувствуется также влияние польского языка. Однако следует подчеркнуть, что жители, родившиеся после Второй мировой войны и получившие среднее или высшее образование, способны разграничивать белорусский литературный язык, русский и местный говор. Поэтому высказывания среднего поколения характеризуются большей чистотой языка, чем высказывания старожилов. Дети и молодежь в школе, на уроках, говорят на белорусском или русском литературном языке; на перемене и вне школы (между собой) – преимущественно на русском; с родителями или жителями деревни, исходя из сложившихся обстоятельств, – на русском языке или на местном говоре.

Такое распределение находит свое подтверждение в примерах, которые приводятся и анализируются в дальнейшей части статьи. Принимая во внимание тему данных рассуждений и объем статьи, мы сосредоточимся исключительно на влиянии русского языка, наблюдающемся в речи жителей Комаровщины. Взаимодействия с другими языками (польским и литовским) представлены в монографии *Komarowszczyzna. Język pogranicza białorusko-polsko-litewskiego* (Żebrowska).

Русский язык и говор жителей Комаровщины

Русский язык, являющийся одним из государственных языков и пользующийся огромным престижем среди белорусских граждан, играет неоспоримую роль в формировании современной социолингвистической ситуации Беларуси. Его влияние заметно во всех направлениях и областях человеческой деятельности, независимо от общественного статуса, профессии, возраста, образования и других факторов (ср. Guszczewa). Свое отражение оно находит также в речи сельских жителей, что попытаемся показать, приводя фрагменты высказываний представителей разных поколений (младшего, рожденного в 1970–2000-х гг.; среднего, рожденного после Второй мировой войны; старшего, рожденного в довоенный период), живущих в деревне Комарово и окрестных деревнях. Влияние русского языка на белорусскую речь коренных жителей исследуемого ареала в основном проявляется на лексическом уровне, хотя, несомненно, существуют примеры фонетической и грамматической интерференции (ср. Guszczewa 230). Принимая во внимание наличие частотности и интенсивности лексических заимствований в речи

жителей Комаровщины, в данной статье мы сосредоточимся исключительно на них.

Речь младшего поколения, в сравнении со средним и старшим, характеризуется наибольшим присутствием русского языка в жизни молодых жителей Комаровщины, а его влияние проявляется как в официальных, так и в неофициальных сферах общения. Оно заметно также и в местном говоре, которым молодые люди пользуются в сфере семейного и соседского общения. Примером этому послужат фрагменты бесед с представителями данного поколения.

Первое из них принадлежит молодому человеку в возрасте 28 лет. Языком его повседневной коммуникации является местный говор, вне сферы семейного общения данный респондент пользуется русским языком.

(1) Я приеду где-та чытырнацтава августа, а патом уже будзем сматреть, как там палучицца² (Комарово, мужчина, 1991 г. р.).

(2) Ну ні знаю, як сказаць... гэта цяшка *яб'ясніць*. Карані ў мяне польскія, дзетка і бапка некалі гаварылі па-польску. Гэта даўней. З намі ўжо не. [...] З намі, так як цяпер гаворым, па проту, па-свойму. Нас ужо ні вучылі па-польску. Многа маіх *друзей* ездзіць у Польшчу, у Беласток ці куды там, алі ні па музеях хадзіць, толькі купіць – прадаць і нават. Ёсь многа й такіх, каторыя *работаюць* у Польшчы ці ў Літве (Комарово, мужчина, 1991 г. р.).

Первая цитата была услышана и записана во время беседы респондента со своим другом. Вторая – взята из проведенного нами интервью. Нетрудно заметить, что в первом случае (1) автор цитаты пользуется русским языком, в котором заметно фонетическое влияние белорусского; во втором (2) – этот же респондент использует белорусский язык, в котором прослеживается лексическая интерференция: *яб'ясніць* вместо бел. *растлумачыць*; *друзей* вместо бел. *сяброў*; *работаюць* вместо бел. *працуюць*. Объяснить это можно тем, что интервью проводилось нами на белорусском языке, тогда как собеседник нашего респондента пользовался русским языком. Подобная ситуация достаточно распространена и вполне естественно воспринимается жителями исследуемого ареала. Сказанное подтверждается очередным высказыванием (3), характеризующим речь женщины, рожденной в 1984 году и в неофициальной сфере общения также пользующейся белорусским диалектом. В нем мы отметили такие русизмы как: *ні нада* вместо бел. *ні трэба*; *зачем* вместо бел. *навошта*; *так* вместо бел. *дык*; *ложка* вместо бел. *лыжка*; *у шкафу* вместо бел. *у шафе*.

² Запись всех приведенных фрагментов высказываний жителей Комаровщины отражает фактическое произношение слов и выражений.

(3) Ай, ну ні *нада* гаварыць таго, чаго ні было. Скажы, вот *зачем* мне выдумваць, раз ты ні брала, *так* што гэта *ложка* робіць у маім *шкафу* (Комарово, женщина 1984 г. р.).

Влияние русского языка заметно также в речи представителей среднего поколения, причем его проявление характерно как для жителей с высшим образованием, в том числе учителей белорусского языка или истории Беларуси, так и для респондентов со средним и специальным образованием. Вначале предложим фрагмент из высказывания женщины со средне-специальным образованием, работающей секретарем в профессиональном училище в Комарово (4), а затем учительницы, преподающей историю Беларуси в белорусскоязычной школе (5):

(4) Дзеці ні чытаюць, колькі вы чыталі, ці помніш, сколькі ты чатала, сколькі ты прынасіла *журналаў*, кніжак ні было. Я пачынала з вамі [работать – пояснение автора, А.Ж.], кніжак ні было, толькі ўвялі гісторыю Беларусі. Я ш помню, як вы кніжкамi мяняліся, *художественную ліцэратуру* чыталі. [...] А што ш, мы *пачці*, ну яшчэ калі пара школ у раёне, так мала ш беларускамоўных і ёсь, *да*, *вот* мы *вот* застаёмся беларускамоўнай школай, а так *шас* усе памінялі на рускія. [...] Но і цяпер, кап дзеці усё тое бралі, што мы даём, кап яны хацелі гэта браць, дык ім бы *тожа хватала*. Другі *вапрос* у тым, што, ну, так (Куркули, женщина 1971 г. р.).

(5) Раўг[г]еня гэта з жытнёвай мукі [...], неяк яна заквашавалася і *палучалася* такая *вот*, ну, ні кісель, а *іменна вот*, ну, нешта, я ні магу табе *аб'ясніць*, я *вот дажа прывкус вот* [...]. А я тады ўжо стала ўзрастаць, тады ужо *брусніку* мы збіралі, ў катлах варылі, вялікія такія *вот*, у вёдры налівалі, *тожа ў* посьце *в аснаўном* з бульбай гэту *брусніку* мама ўсё, вадой развядуць і *вот* мы елі гэту *брусніку* (Комарово, женщина 1955 г. р.).

Необходимо пояснить, что вторая респондентка родилась в польской католической семье. Ее родители общались на польском языке и строго придерживались польских традиций. Сама женщина пассивно владеет польским языком, а общаться старается на белорусском литературном языке, который, как вытекает из приведенной цитаты (5), не лишен влияния русского языка (*палучалася* вместо бел. *атрымоўвалася*; *вот* вместо бел. *вось*; *іменна* вместо бел. *менавіта*; *аб'ясніць* вместо бел. *растлумачыць*; *дажа* – бел. *нават*; *прывкус* – рос. *привкус*, бел. *прысмак*; *брусніка* – рос. *брусника*, бел. *брусніцы*; *тожа* вместо бел. *таксама*; *в аснаўном* – рус. *в основном*, бел. *у асноўным*).

В речи учительницы также выступает русскоязычная лексика, несмотря на то, что существуют ее белорусские эквиваленты: *журналы* вместо бел. *часопісы*; *художественная ліцэратура* вместо бел. *мастацкая літаратура*; *пачці* вместо бел. *амаль*; *да* вместо бел. *так*; *вот* вместо бел. *вось*; *шас* – разговорный вариант русского наречия *сейчас* – тогда как в белорусском языке выступает выражение *цяпер*; *тожа* – рус. *тоже*, бел. *таксама*; *хватала*

– вместо бел. *хапала*; *вапрос* – вместо бел. *пытанне*. Можно предположить, что причиной подобного языкового поведения является не отсутствие знаний о родном языке, поскольку неоднократно мы были свидетелями, когда в ситуациях, требующих официальной речи, респондентка пользовалась чистым белорусским литературным языком, – а сильная интерференция русского языка, присутствующего во всех коммуникационных сферах. Дополнительным фактором может быть также свободная обстановка общения и наше длительное знакомство, поскольку в таких ситуациях собеседник ведет себя естественно и не следит за своей речью.

Необходимо подчеркнуть, что большое количество русских заимствований наблюдается в речи респондентов, занимающих в свое время ту или иную должность (напр., директора, экономиста, бухгалтера и т. д.). Приведем пример из интервью с женщиной, работавшей экономистом в колхозе „Константиново”:

(6) Марына во мая званіла, кажыць, мама, у нас *на рабоце* *обичым* вызвалі... гэты *госкантроль*, наляцелі усё трасець, *апламбіраваны ўсе шчыта*, палучкі ні даюць. Ні маюць чым плаціць. Казала ні знаю, што будзіць (Комарово, женщина 1957 г. р.).

В процитированном фрагменте (6) обнаружены такие лексемы, как: *на рабоце* вместо бел. *на працы*; *обичым* – рус. *в общем*, бел. *у агульным*; *госкантроль* вместо белорусского *дзяржкантроль*; *апламбіраваны шчыта* – рус. *опломбированы счета*, бел. *апламбаваныя рахункі*.

Идентичная закономерность прослеживается и в речи респондентов, рожденных в довоенный период:

(7) Ну дык *вот* карова была, малака было. Ну, *эта* такое *вот*, мама доіць карову, а мы ўтраёх стаім с *крушкамі ўжо*, малака *этага*. Ну, *картошка* ш, соткі ш *тожа* далі, *картошка* ш была, ужо свая. Во так і жылі. Дык я ціпер хлеба [...] *нікагда* ні выкіну (Куркули, женщина 1933 г. р.).

(8) Я тры класы польскай школы канчаў. І гэта было ўсё. *Патом* у вярэнную схадзіў, болей *нільзя* ш было *рабіць* на маеі *рабоце*. Я *рабіў* дваццаць сем гадоў *замдзірэктарам* у вучылішчы. Гэдакая *должнась* і *работа* была *сложная*. І схадзіў можа *у начале* восьм клас [...] (Комарово, мужчина 1929 г. р.).

Цитата (7) включает в себе следующие лексемы, заимствованные из русского языка: *вот* – бел. *вось*; *эта* – рус. *это*, бел. *гэта*; *с крушками* – рус. *с кружками*, бел. *з кубкамі*; *этага* – рус. *этого*, бел. *гэтага*; *картошка* вместо бел. *бульба*; *тожа* вместо бел. *таксама*; *нікагда* вместо бел. *ніколі*. Этот фрагмент принадлежит женщине, которая родилась и всю жизнь прожила в деревне Куркули, однако, работая кассиром в местном колхозе, она вынуж-

дена была пользоваться русским языком, что нашло свое отражение также в языке повседневного общения.

Автор последнего фрагмента (8), выполняя должность заместителя директора профессионального училища в д. Комарово, также был вынужден обращаться к русскому языку, поэтому и его местный говор не лишен русскоязычной лексики, например, вместо бел. *пасля* выступает рус. *потом* (в речи респондента *патом*); *нільзя* – рус. *нельзя*, бел. *нельга*; *рабіць, работа* вместо бел. *працаваць, праца*; *замдзірэктар* вместо бел. *намеснік дырэктара*; *должнась* – рус. *должность*, бел. *пасада*; *сложная* вместо бел. *складаная*; *у начале* – рус. *в начале*, бел. *спачатку*.

Нами приведены лишь избранные фрагменты высказываний, однако уже на их основании можно констатировать сильное, длительное и продолжающееся воздействие русского языка на белорусские говоры. Причем, как уже отмечалось ранее, оно затрагивает все сферы общения (образования, культуры, науки, массовой коммуникации, соседские, семейные и т. п.) и касается человека с любым социальным статусом, образованием, профессией, занимаемой должностью и т. п. В качестве доказательства мы приведем еще одно высказывание, принадлежащее учителю белорусского языка и литературы, в прошлом директора белорусскоязычной школы, истинного борца за белорусские традиции и культуру:

(9) Знаіця, што такое аір? У балоце растуць такія [...] Яе ні было *этай* расьліны ў нас. Прывязьлі яе сюды татары. І гэта расьліна асабліваь такая, лто яна забівае бактэрыі. І *вот*, калі ў лужыне ці ў балаціне яе засадзілі, і каб ні захварэць дзізіньцірыяй ці якой хваробай, садзілі аір. І там, *гдзе* *эты* аір расьце, яны бралі ваду, сьмела пілі кіпячоную і ні хварэлі. *Вот*, што аір (Комарово, мужчина 1932 г. р.).

Данный фрагмент, так же, как и полное интервью с учителем, характеризуется наибольшей языковой чистотой, однако и в его речи выступают русизмы. В цитате (9) к ним относятся: *это* вместо бел. *гэта*; *вот* вместо бел. *вось*; *гдзе* – рус. *где* и бел. *дзе*. Наличие русскоязычной лексики в речи этого информанта дополнительно свидетельствует о существенном влиянии русского языка на белорусские говоры, а также подтверждает все сказанное до сих пор.

Заключение

Прослеживая социолингвистическую ситуацию Комаровщины на протяжении всего периода полевых исследований (2010–2019 гг.) и анализируя собранный материал, можно заметить, что современный белорусский говор

жителей деревни Комарово и окрестных деревень находится под существенным влиянием русского языка. Русский язык, являющийся важной составной достаточно сложной социолингвистической ситуации данного ареала, пользуется высоким престижем и употребляется практически во всех сферах общения.

Описывая место того или иного языка, характерного для многоязычной среды, необходимо учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы его развития и функционирования. Сферы употребления данного языка, степень владения им, индивидуальные возможности респондента, а также его возраст и социальный статус предопределяет состояние белорусской речи и наличие заимствованных компонентов из русского языка. Свидетельствует об этом ряд примеров, записанных нами в ходе полевых исследований, а также несколько приведенных в настоящей статье.

Проведенный анализ собранного материала позволяет говорить о влиянии русского языка на местный говор жителей Комаровщины независимо от поколения, которое, в частности, проявляется на лексическом уровне. При этом насыщенность русской лексикой, как уже отмечалось, зачастую зависит от внеязыковых факторов, на что указывают, например, процитированные фрагменты (1–8).

Речь представителей молодого поколения характеризуется наибольшим присутствием русского языка, которое может колебаться от русского литературного языка с фонетическим влиянием белорусского до менее или более насыщенного русскоязычными заимствованиями белорусского говора (1–3). В говоре респондентов, рожденных в послевоенный и довоенный период, количество русской лексики зависит от образования и занимаемой должности (6–8), хотя, в той или иной степени, влияние русского языка на местный говор проявляется в речи каждого жителя исследуемого ареала (4, 5, 9).

Длительное и продолжающееся воздействие русского языка на белорусские говоры, его сильная позиция в стране и высокий престиж позволяют говорить об изменении белорусского говора Комаровщины, в котором лексические элементы польского/литовского языка постепенно заменяются русскими эквивалентами.

Библиография

- Astrėjka, Vera. „Belaruskiâ paũnočna-zahodniâ zanal'nyâ moũnyâ adroznenni âk vynik rėgiãnal'nyh ětna-kul'turnyh kantaktaũ i suvãzãũ”. *Acta Baltico-Slavica*, nr 37, 2013, s. 311–322.
- Astrėjka, Vera. „Slavãna-balckae leksiãnae ũzaemadzeãne ũ gavorkah paũnočna-zahodnãj dyãlekt-naj zony belaruskaj movy”. *Belaruskã lingvistyka*, vyp. 65, 2010, s. 11–19.

- Barszczewska, Nina. [Rec.]. „*Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność*”. Red. nauk. Elżbieta Smułkowa. T. 1. *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2011, ss. 659. T. 2. *Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu (Słownik brasławski)*. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2009, s. 765”. *Acta Albarutenica*, t. 12, 2012, s. 261–266.
- Bednarczuk, Leszek. *Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Kraków, Lexis, 2010.
- Bednarczuk, Leszek. „Litewsko-słowiańskie pogranicze językowe w pierwszej połowie XX wieku w świetle badań Olgierda Chomińskiego”. *Acta Baltico-Slavica*, nr 24, 1999, s. 95–105.
- Budźko, Iryna. „Gwary białoruskie rejonu brasławskiego: geneza, geografia, uwarunkowania socjolingwistyczne”. *Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1. *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców*. Red. nauk. Elżbieta Smułkowa. Warszawa, Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2011, s. 141–171.
- Cyhun, Genadz'. *Prastora movy. Moŭnyâ suvâzi. Gistoryâ sloŭ: vybranyâ pracy*. Minsk, Belaruskâ navuka, 2018.
- Cyhun, Genadz'. [Rec.]. „*Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność*”. T. 2. *Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu (Słownik brasławski)*”. *Belaruskâ lingvistyka*, nr 67, 2011, s. 179–182.
- Draŭnicki, Âs'ka. *Kamarova. Maâ Vilenščyna*. Pastavy, Sumeżža, 2004, s. 3–30.
- Engelking, Anna. „Kategoria mieszana mowa w ujęciu mieszkańców pogranicza językowego na Grodzieńszczyźnie. Spojrzenie antropologa”. *Z Polskich Studiów Slawistycznych*. Seria 12. *Językoznawstwo. Prace na XV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Mińsku 2013*. Warszawa, Polska Akademia Nauk, Komitet Słowianoznawstwa, 2012, s. 21–29.
- Engelking, Anna. „Po swojemu, po polsku, po białorusku. Praktyka językowa a poczucie tożsamości narodowej prawosławnych mieszkańców pogranicza polsko-białoruskiego”. *Oblicza lokalności. Różnorodność miejsc i czasu*. Red. Joanna Kurczewska. Warszawa, IFiS PAN, 2006, s. 26–46.
- Engelking, Anna. „Tożsamość «tutejsza» na wielojęzycznym pograniczu. Spostrzeżenia na przykładzie parafii nackiej”. *Język a tożsamość na pograniczu kultur*. Red. Elżbieta Smułkowa, Anna Engelking. Białystok, Katedra Kultury Białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku, 2000, s. 17–23.
- Ërker, Aksana. „Specyfika imennyh paradigim v belarusskom smešannom govore na balto-slovânskome pogranic'ie”. *Balto-slovânskie issledovaniâ*, nr 18, 2013, s. 193–229.
- Ërker, Aksana. „Sposoby vyraženiâ prošedšego vremeni v belarusskom smešannom govore na balto-slovânskome pogranic'ie”. *Slavica Bergensia*, nr 12, 2014, s. 130–149.
- Gil', Mihał, Âs'ka Draŭnicki. „Kamarova (Kamaroŭščyna)”. *Bylyâ sâdziby i parki Paazer'â. Mâ-dzel'sčyna*. Pastavy, Sumeżža, 2008, s. 22–31.
- Golachowska, Ewa. *Jak mówić do Pana Boga? Wielojęzyczność katolików na Białorusi na przełomie XX i XXI wieku*. Warszawa, Instytut Slawistyki PAN, Wydawnictwo Agade Bis, 2012.
- Golachowska, Ewa. „Język modlitwy na współczesnej Grodzieńszczyźnie”. *Językowe i kulturowe dziedzictwo Wielkiego Księstwa Litewskiego. Księga jubileuszowa na 1000-lecie Litwy*. Red. Zofia Sawaniewska-Mochowa, Jolanta Mędelśka. Bydgoszcz, Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, 2010, s. 222–239.
- Guszczeva, Olga. „Zakres użycia języka rosyjskiego i jego oddziaływanie na gwary białoruskie i polszczyznę w rejonie brasławskim”. *Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1. *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców*. Red. Elżbieta Smułkowa. Warszawa, Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2011, s. 214–246.

- Karaś, Halina. *Polska leksykografia gwarowa*. Warszawa, Wydział Polonistyki UW, 2011.
- Lemâsonak, Uladzimir. „Akupacyjny rëżym”. *Pamâc'. Mâdzelski raën*. Red. Âraslaŭ Genryhavič Zvâruga. Minsk, Belaruskaâ êncyklapedyâ, 1998, s. 187–188.
- Radzik, Ryszard. „Język jako wyznacznik tożsamości Białorusinów”. *Język a tożsamość na pograniczu kultur*. Red. Elżbieta Smułkowa, Anna Engelking. Białystok, Katedra Kultury Białoruskiej Uniwersytetu w Białymstoku, 2000a, s. 71–82.
- Radzik, Ryszard. *Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000b.
- Smalanczuk, Aleś. „Narodowy i kulturowy rozwój Braślowszczyzny w XIX wieku”. *Braślowszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1. *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców*. Red. Elżbieta Smułkowa. Warszawa, Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2011, s. 47–73.
- Smułkowa, Elżbieta. *Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2002.
- Smułkowa, Elżbieta. *Moje pogranicza w historii, języku i wspomnieniach*. Warszawa, Instytut Sławistyki PAN, Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2016.
- Smułkowa, Elżbieta. „Problem zapożyczeń w warunkach rozpadającej się społecznej wielojęzyczności. Rozważania wstępne”. *Studia Białorutenistyczne*, nr 4, 2010, s. 283–295.
- Smułkowa, Elżbieta, red. *Braślowszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1. *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców*. Warszawa, Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2011.
- Smułkowa, Elżbieta, red. *Braślowszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 2. *Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu (Słownik braślowski)*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009.
- Smułkowa, Elżbieta, Anna Engelking, red. *Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej*. Warszawa, Wydawnictwo DiG, 2007.
- Tolstaâ, Svetlana. [Rec.]. „*Braślowszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1. *Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców*”. Red. nauk. Elżbieta Smułkowa. Warszawa: Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego, 2011, ss. 659 + 1 płyta CD. T. 2. *Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu (Słownik braślowski)*. Red. nauk. Elżbieta Smułkowa. Warszawa: Wydawnictwa UW, 2009, ss. 765”. *Rocznik Sławistyczny*, 61, 2012, s. 190–198.
- Wiemer, Björn. „*Mowa Prosta (Präliminaria zu einer strukturellen Beschreibung)*”. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*, nr 6, 2003, s. 227–237.
- Wiemer, Björn. „Osušestvlenie soglasnyh v «move prostoj» kak pokazatel' izmenenij v usloviâh kontaktov”. *Acta Baltico-Slavica*, nr 30, 2006, s. 439–452.
- Zielińska, Anna. *Mniejszość polska na Litwie kowieńskiej. Studium socjolingwistyczne*. Warszawa, Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2002.
- Zielińska, Anna. „Pogranicze wschodnie i zachodnie. Wspólnota doświadczeń”. *Polskie dziedzictwo kulturowe na Kresach*. Red. Ewa Dzięgieł. Warszawa, Instytut Języka Polskiego PAN, Wydawnictwo Semper, 2012, s. 395–404.
- Zielińska, Anna. [Rec.]. „*Braślowszczyzna. Pamięć i współczesność*. T. 1. *Historia regionu, charakterystyka socjolingwistyczna, świadectwo mieszkańców*”. Red. nauk. Elżbieta Smułkowa. Insytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego, Wydaw-

- nictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2011, ss. 659”. *Acta Baltico-Slavica*, nr 37, 2013, s. 601–612.
- Zielińska, Anna. „Zmiana, zachowanie i utrata języka w rodzinach na pograniczu słowiańsko-bałtyckim”. *Tożsamość – Język – Rodzina. Z badań na pograniczu słowiańsko-bałtyckim*. Red. Anna Engelking, Ewa Gołachowska, Anna Zielińska. Warszawa, Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2008, s. 165–176.
- Żebrowska, Anna. *Komarowszczyzna. Język pogranicza białorusko-polsko-litewskiego*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM, 2019.

BARTOSZ JUSZCZAK

Leksyka słowiańskich dialektów miejskich: egzoetnonimy w gwarze Warszawy, Brna i Moskwy

The vocabulary of Slavonic urban dialects: Exoethnonyms in Warsaw, Brno and Moscow dialects

Abstract. The present study concentrates on the issue of exoethnonyms and, in particular, exoethnonyms replacing orthonyms in the vocabulary of Slavonic urban dialects – namely, the urban dialect of Warsaw, the Hantec slang of Brno and the urban dialect of Moscow. Based on the data extracted from dictionaries, it was possible to select such designations. From the linguistic point of view, these nominations are either occasionalisms or names more deeply rooted in the lexical system of the urban dialects in question. The article includes the analysis and classification of the research data in terms of the linguistic and extralinguistic motivation and axiological evaluation of particular items.

Keywords: ethnonyms, abusive exoethnonym, Warsaw urban dialect, Hantec slang of Brno, Moscow urban dialect

Bartosz Juszcak, Uniwersytet Wrocławski, Wrocław – Polska, bartosz.juszcak@uwr.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7058-0384>

Dialekty miejskie są formacjami interesującymi pod wieloma względami, gdyż stanowią przykłady potocznych wariantów języka narodowego, które ukształtowały się na przełomie XIX i XX wieku, w okresie dużych przemian społecznych i gospodarczych w całej Europie. W swoich strukturach zawierają elementy języka potocznego, codziennego. Ważną rolę odgrywa w nich swoista leksyka, która poprzez struktury i motywacje oddaje koloryt minionych czasów, wskazuje na stosunki międzyludzkie i kreuje obraz użytkowników tych kodów językowych.

Badanie dialektów miejskich (dalej DM) w perspektywie diachronicznej jest ważne z co najmniej kilku powodów. Po pierwsze, nie zostały one do dziś poddane wszechstronnej analizie językoznawczej, przede wszystkim w zakresie ich semantyki i motywacji w wymiarze całościowym; po drugie, badanie tych formacji z uwzględnieniem nowych metodologii, zwłaszcza aspektów językowo-kultu-

rowych (zob. np. Święcicka 2006, 2012), które w dzisiejszych czasach zyskują na popularności wśród lingwistów słowiańskich, pozwala na rekonstrukcję językowego obrazu ówczesnych miast i ich mieszkańców, wskazuje na zainteresowania, profesje oraz cechy charakteru mieszkańców, a także stosunki z sąsiadami i ich jakość. Badania te są istotne, gdyż pozwalają porównać utrwalone w świadomości narodu różnego rodzaju stereotypy socjalne z faktami językowymi, dzięki którym jesteśmy w stanie zrekonstruować stereotyp językowy miast i ich mieszkańców.

Leksyka interesujących mnie DM¹ jest bardzo zróżnicowana, a jej pogrupowanie w pola semantyczne pokazuje całkowitą funkcjonalność komunikatywną tych kodów językowych na płaszczyźnie potocznych, codziennych kontaktów mieszkańców badanych miast. Poszczególne DM mają pokrywającą się liczbę grup tematycznych leksyki, różną natomiast w zakresie wypełnienia ilościowego danej grupy. Jest to m.in. konsekwencją indywidualnego podejścia leksykografa w selekcji szerokiego materiału językowego, gdyż nie wszystkie jednostki zostają uwzględnione w opracowaniu końcowym. We wszystkich trzech formacjach miejskich wyróżnić można pokrywające się zakresy tematyczne: 1. Człowiek jako istota psychiczna; 2. Człowiek jako istota fizyczna²; 3. Użytki; 4. Prostytycja; 5. Zawody; 6. Elementy przestrzeni miejskiej; 7. Transport miejski; 8. Handel i usługi; 9. Narodowości. We wszystkich DM zawartość materiałowa (językowa) tych pól jest podobna lub całkowicie pokrywa się, co wskazuje z jednej strony na dużą zbieżność, lecz również i na indywidualność językowo-kulturową miasta i jego mieszkańców.

W niniejszym artykule zostanie zaprezentowana i przeanalizowana grupa egzoetnonimów i etnonimów przezwiskowych³ narodowości rejestrowanych w trzech słowiańskich DM – gwarze warszawskiej (dalej GW), brneńskim hantecu (dalej H) i dialekcie miejskim Moskwy (dalej DMM) w aspekcie semantycznym i pragmatycznym, a także pod kątem ewentualnego udziału tych jednostek leksykalnych w budowaniu stereotypów etnicznych określonych narodów⁴. Zebrany materiał zostanie przeanalizowany z perspektywy motywacji poszczególnych nazw (motywacja językowa i pozajęzykowa), a także ich oceny aksjologicznej.

¹ W kręgu moich zainteresowań znajdują się DM Warszawy, Brna, Moskwy, a ponadto Lwowa i Poznania w aspekcie językowo-kulturowego obrazu przestrzeni miejskiej.

² Nazw dwóch pierwszych grup tematycznych używam za Małgorzatą Witaszek-Samborską i Anną Piotrowicz.

³ Etonimy przezwiskowe budowane są na zasadzie charakterystycznych cech ludzi stanowiących wspólnotę (Cieślíkova 181).

⁴ Przez pojęcie stereotypu rozumiem za Jerzym Bartmińskim „subiektywnie determinowane wyobrażenie przedmiotu obejmujące zarówno cechy opisowe, jak i wartościujące oraz będące rezultatem interpretacji rzeczywistości w ramach społecznych modeli poznawczych” (Bartmiński 64).

Materiał językowy niezbędny do zrealizowania tak sformułowanych zadań badawczych został wyekscerpowany z trzech źródeł leksykograficznych, które kodyfikują leksykę dialektów miejskich badanych miast⁵. Warto dodać, że tego typu nominacje pojawiają się również w innych źródłach opisujących historię danego miasta (źródła pamiętnikarskie, historyczne, biograficzne i in.⁶).

Pierwsze z nich to *Słownik gwary warszawskiej XIX wieku* (Wieczorkiewicz). Źródło to zawiera ok. 9 tys. leksemów, zróżnicowanych pod względem używalności przez poszczególne grupy społeczne zamieszkujące Warszawę (rzemieślnicy, mieszczenie, studenci, półświatek przestępczy). Słownik Bronisława Wieczorkiewicza to autentyczny zapis języka mieszkańców XIX-wiecznej Warszawy, których gwara miejska powstała na podłożu gwar północno-mazowieckich i znalazła się pod wpływem oddziaływań języków i kultur obcych, przede wszystkim języka rosyjskiego (w największym stopniu), a także języka niemieckiego i jidysz. Śladem tych relacji są pozostałości językowe w postaci zapożyczeń oraz kalk semantycznych i strukturalnych.

Brneński hantec, podobnie jak GW, ukształtował się na przełomie XIX i XX wieku. Rozwój tej formacji jest jednak nieco odmienny. Powstał również na podłożu gwar terytorialnych (gwary hanackie), jednakże oddziaływanie języka obcego, niemieckiego, na jego struktury miało inną jakość ze względu na bilingwizm czesko-niemiecki i neutralne kontakty społeczne koegzystujących ze sobą narodów w Brnie i jego bliskich granicach. Materiał odnoszący się do H został wyekscerpowany ze słownika czeskiego języka nieliterackiego (Hugo), który oddaje leksykę H całościowo, a nie tylko i wyłącznie przez pryzmat socjolektu grupy społecznej Plotny, jak w słowniczku Otakara Nováčka (Nováček).

Dialekt miejski Moskwy (ros. *обиходно-разговорный язык Москвы*) to formacja o parametrach lingwistycznych zbliżonych do wcześniej wspomnianych dialektów miejskich Warszawy i Brna. Istniejące podobieństwa można zaobserwować na płaszczyźnie chronologicznej, socjalnej, funkcjonalno-komunikatywnej, strukturalnej oraz pragmatycznej. Stoję na stanowisku, że DMM może być zestawiony z GW i H. Badana formacja językowa doczekała się również opracowania leksykograficznego, nieco innego charakteru niż wcześniejsze słowniki, gdyż dodatkowo poza materiałem językowym zawiera szerokie komentarze omawianych jednostek, odnoszących się do kultury i codziennego życia XIX-wiecznej Moskwy. Ujęty w nim materiał to leksyka zaczerpnięta z prac o Moskwie, powstałych w XIX i XX wieku, a także literatury pięknej „moskiewskiej”. Słow-

⁵ Wziąłem pod uwagę tylko i wyłącznie opracowania *sensu stricto* leksykograficzne. W zakresie leksyki DM powstają również opracowania amatorskie, w wersjach papierowych i internetowych.

⁶ Na bazie tego typu tekstów powstał m.in. słownik Władimira Jelistratowa.

nik Władimira Jelistratowa *Áзык staroj Moskvy. Lingvoènciklopedičeskij slovar'* (Elistratov) zawiera ok. 4 tys. zróżnicowanych pod względem semantyki haseł.

Badania etnonimów w literaturze onomastycznej mają dość długą historię we wszystkich interesujących nas językach narodowych, choć stopień opracowania tego zagadnienia jest różny⁷. Etonimy nazywają „grupy wspólnotowe, które łączą więzi społeczne, kulturowe, język, a także wspólnie zajmowany teren” (Rzetelska-Feleszko et al. 479). Z punktu widzenia klasyfikacji wyróżnić możemy dwa rodzaje tego typu nominacji: (1) nazwy wychodzące od danej grupy (endogeniczne), np. *Słowianie* oraz (2) powstałe na zasadzie opozycji *swój vs. obcy*, tj. *Niemcy*, *Rosjanie* itd. (Rzetelska-Feleszko et al. 479). W przypadku tych drugich, opierających się na opozycji, mamy do czynienia najczęściej z nominacjami obcej proveniencji, które zostały zaadaptowane do polszczyzny, lub nazwami egzogenicznymi (Malec 185). Ciekawy przykład nazw etnonimicznych stanowią egzoetnonimy, czyli nazwy nadane danej społeczności przez przedstawicieli innej grupy społecznej (nazwy zewnętrzne). To właśnie w ich strukturze dostrzec możemy (poza budową językową) różnego rodzaju sądy i oceny, kreujące część stereotypu narodowego. Za nazwy wchodzące w skład egzoetnonimów egzogenicznych możemy uznać również *egzoetnonimy* przezwiskowe. Nazwy przezwiskowe, jak pisze Aleksandra Cieślikowa, to „emocjonalnie nacechowane, występujące w mikrowspólnocie, czyli są charakterystyczne dla kontaktu nieoficjalnego” (Cieślikowa 121). Takimi właściwościami cechują się DM, będące kodami typowymi dla małej, zamkniętej terytorialnie wspólnoty, funkcjonalnie wykorzystywanymi w kontaktach nieoficjalnych. Nawiązując do zagadnienia stereotypów narodowych, warto zaznaczyć, że nazwy egzoetnonimiczne wiernie i dość bezpośrednio oddają sposób postrzegania członków różnych grup etnicznych, gdyż stanowią element budulcowy ogólnego stereotypu, który jest „determinowany ogólnokulturową opozycją *swój-obcy*, a także związany z aktualnymi stosunkami i konfliktami pomiędzy tymi grupami” (Bartmiński, Panasiuk 387). W zebranych materiale językowym w zakresie egzoetnonimów istnieje duża dysproporcja z punktu widzenia zróżnicowania geograficznego tych nazw, jak i ich liczby. GW rejestruje 57 jednostek, H – 10, najmniej jednostek odnajdujemy w DMM – tylko 7 nominacji.

W GW egzoetnonimy podzielić można na dwie grupy. **Pierwszą** grupę stanowią określenia przedstawicieli narodów, z którymi warszawiaczy nie mieli bliższych kontaktów językowo-kulturowych. Wyróżnić możemy: Amerykanin – *Amerykańczyk*, *Yankes*; Anglik – *Anglikanin*, *Janglik*; Belg – *Belgik*; Francuz – *Frajcuz*; Szwajcar – *Gryzoń*; Włoch – *Italiano*; Japończyk – *Japoniec*; Austriak

⁷ O szerokim opracowaniu tego zagadnienia na gruncie języków słowiańskich świadczą choćby poszczególne rozdziały odnoszące się do wszystkich języków słowiańskich w encyklopedii słowiańskiej onomastyki (Rzetelska-Feleszko et al. 476–535).

– *Kaiserlik*; Litwin – *Litwos*; Monakijczyk – *Monakista*; Holender – *Olender*. Nazwy te to przede wszystkim urobienia polegające m.in. na zniekształceniu nazw państw, np. *Amerykańczyk*, *Anglikanin*, *Belgik*, *Japoniec*, *Litwos*. Dwa egzoetnonimy w tej grupie to nominacje obcej proveniencji: *Keiserlik* (od niem. *der Kaiser* ‘cesarz’ lub *kaiserlich* ‘cesarski’); *Italiano* (wł. *Italiano* ‘włoski’, adj.).

Grupa **druga** to egzoetnonimy nominujące przedstawicieli narodów, z którymi warszawiacy mieli bliższe kontakty. Grupa ta jest liczniejsza. Wyróżnia się również ze względu na motywację i aksjologię poszczególnych określeń. Odnotowujemy tu określenia Niemca: *Derdidas*, *Miemiec*, *Niemiaszek*, *Niemra*, *Pluder*, *Pludrak*, *Szko*; Rosjanina: *Istinny*, *Kacap*, *Ruski* oraz w największej ilości Żyda: *Beduin*, *Garbatonosa*, *Gudłaj*, *Gudłajka*, *Izraelita*, *Jerozolimska Szlachta*, *Jewrej*, *Judek*, *Kaktus*, *Litwak*, *Lud wybrany*, *Łapserdaczka*, *Łapserdak*, *Łódzki szlachcic*, *Mojżesz*, *Nasz*, *Niechrzczony*, *Palestyńczyk*, *Parch*, *Persak*, *Przechrzcianka*, *Siab-siumćwinik*, *Starozakonny*, *Syn Izraela*, *Szajgec*, *Szeine morenie*, *Szwargociarz*, *Żyd*, *Żydówka*, *Żydziak*, *Żydzisko*, *Żydzio*.

Egzoetnonimy w H, jak już zostało zasygnalizowane, stanowią mniej liczny zbiór. Również ten materiał rozdzielić można na dwie grupy, podobnie jak w przypadku GW. W skład grupy **pierwszej** wchodzi zatem jedynie trzy określenia: Włoch – *Taloš* (urobienie od starej ekspresywnej formy rzecz. *Talián* ‘Włoch’); Węgier, Węgrzy – *Feferóni*, *Paprikáš* (od nazw papryki i węgierskiego dania). Grupa **druga** zawiera nominacje Rosjan – *Azbuci* (od nazwy alfabetu ros. *азбука*), *Rusál* (pogard.); Romów – *Morák* (od rom. zwrotu *more* ‘przyjacielu, kolego’); Polaków – *Pšonci*, *Pšonka* (od świszczącego dla Czechów odbioru naszej mowy lub od polskiego związku wyr. *psiakrew*) oraz Czechów – *Cajzl*, *Čížek* (od niem. *Das Zeisig* ‘czyżyk’). Określenia Czechów wprowadzamy tu celowo, co wynika, z wciąż żywego w świadomości Czechów podziału krain geograficznych w Republice Czeskiej: Czechy właściwe, Morawy i Śląsk. Mieszkańcy tych regionów wykazują się pewnym indywidualizmem i stronią od generalizacyjnego określenia ich mianem Czechów.

W przyjętym wcześniej podziale materiału językowego egzoetnonimy DMM dzielą się następująco: w skład grupy **pierwszej** wchodzi określenia Włochów – *тальянцы*; Niemców – *якала*, *якала шут немецкий* ‘ironicznie o Niemcu’; *тундер-ветер* ‘ironiczna nazwa Niemca’ (od niem. *das Donnerwetter* ‘burza; psia kość!’). Egzoetnonimy grupy **drugiej** to określenia Chińczyka – *кутаѣза*; Francuzki – *французенки* ‘pogardliwie o Francuzce’ oraz Żyda – *иерусалимский дворянин*.

W zaprezentowanym materiale zwraca uwagę duża dysproporcja występowania badanych nazw w różnych dialektach. Odnosi się ona nie tylko do określeń poszczególnych narodów, lecz również do liczby nazw przedstawicieli konkretnej grupy etnicznej. Najbardziej rzuca się w oczy brak jakichkolwiek potocznych

określeń Niemca w gwarze miejskiej Brna, a wiadomo przecież, że w mieście tym Niemcy byli obecni już od XIII wieku⁸. Fakt ten może być sygnałem i dowodem neutralnych kontaktów obu narodów, których stosunki zmieniły się dopiero po II wojnie światowej. Równie zaskakujący jest brak określeń Polaków w DMM, choć w języku literackim i potocznym tego typu nazwy występują (np.: *пшук, пшеки*).

Bezspornie najokazalej wygląda kompleks egzoetnonimów pochodzących z gwary warszawskiej, gdzie odnotowujemy nie tylko największą liczbę określeń innych narodów, lecz również, co szczególnie ważne, „paralelizm nazewniczy” kilku ważnych grup etnicznych: Niemców, Rosjan i szczególnie Żydów. Paralelizm ten zachodzi nie tylko w obrębie jednego DM, ale także obserwujemy go w konfrontacji dwóch gwar, np. *Jerozolimska Szlachta* i moskiewskie *иерусалимский дворянин*. Możliwe, że mamy do czynienia z kalką lub importacją z języka rosyjskiego do polskiego. W dalszych rozważaniach skupię się przede wszystkim na analizie danych dialektu miejskiego Warszawy, a w szczególności określeń Żyda, ponieważ są one najliczniejsze i najciekawsze z punktu widzenia motywacji językowej i pozajęzykowej⁹.

Wyekscerpowane hasła słownikowe nie są jednorodne z punktu widzenia ich charakteru lingwistycznego i tym samym komunikacyjnego, a także wartości kognitywnej. „Zespół warszawski” stanowią: (1) okazjonalne (ale neutralne) nominacje i (2) deskrypcje oraz (3) określenia wartościujące.

- (1) **Nominacje okazjonalne** (również i w zespołach przykładów z dialektów Brna i Moskwy) odnoszą się przede wszystkim do przedstawicieli narodów, z którymi społeczności miast nie miały do czynienia w kontaktach codziennych. Wyróżnić tu możemy np. warszawskie: *Amerykańczyk, Yankes, Anglikanin, Janglik, Belgik, Frajcuż, Gryzoń*; brneńskie: *Taloś, Feferóni, Paprikáš* czy moskiewskie: *тальянцы, французенки*.
- (2) **Deskrypcje** typu: *Garbatonosa, Lud wybrany, Syn Izraela, Niechrzczony, Siabsiumćwinik, Starozakonny, Łódzki szlachcic, Jerozolimska Szlachta* (por. moskiewskie: *иерусалимский дворянин*), *Beduin, Kaktus*. Jednostki tej grupy mogły pełnić funkcję zarówno neutralnego, jak i wartościującego opisu. Wyrażenia mogły mieć wydźwięk eufemistyczny (*Starozakonny, Izraelita, Mojżesz, Syn Izraela*), lecz w pragmatyce użycia większości dominuje ironia i sygnał dystansu. Wartościujące deskrypcje nawiązują

⁸ O bilingwizmie czesko-niemieckim pisze Marie Krčmová: „stálé soužití obou národností vedlo kdysi k vytváření konverzačního jazyka, který byl kombinací lexikálních prvků německých s českým gramatickým systémem” (Krčmová 24).

⁹ Na temat stereotypów etnicznych, w tym stereotypu etnicznego Żyda, zarówno językowego, jak i społecznego, istnieje bogata literatura naukowa we wszystkich uwzględnionych w artykule językach narodowych. Por. m.in. prace Moniki Łaszkiewicz, Marzeny Marczewskiej, Marka Nekuli oraz Olgi Bielowej i Kiry Łapszynowej.

do wyglądu zewnętrznego i stroju: *Łapserdak*, *Łapserdaczka*, *Gudłaj*, *Gudłajka* lub też potocznego (naiwnego) odbioru dźwięku obcej mowy: *Szwargociarz*. W ostatnim przykładzie ocena zbudowana jest na semantyce oraz pragmatyce czasownika *szwargotać*, pot. ‘mówić w języku, którego ktoś nie zna lub nie lubi, zwłaszcza po niemiecku’¹⁰.

- (3) **Określenia wartościujące** stanowią najciekawszą część badanego słownictwa, gdyż to właśnie one w sposób najbardziej bezpośredni oddają charakter relacji między przedstawicielami różnych narodów i narodowości tworzących społeczność miasta: *Gudłaj*, *Gudłajka* ‘pogardliwie Żyd’, *Łapserdak*, *Łapserdaczka* ‘przestarzałe, pogardliwie o Żydzie’¹¹, *Parch* ‘przestarzałe, obraźliwie o Żydzie’, *Szajgec* ‘pogardliwie młody Żyd’.

Wśród warszawskich egzoetnonimów odnoszących się do Żydów sporą grupę stanowią derywaty fundowane przez różnorodne określenia przedstawicieli tej narodowości i urabiane za pomocą przyrostków (feminatywnych oraz deminutywnych i augmentatywnych): *Judek*, *Persak*, *Żydówica*, *Żydział*, *Żydzisko*, *Żydział*.

Kontynuując próby odtworzenia motywacji poszczególnych określeń Żyda i sytuacji, jakie przyczyniły się do ich powstania, należy przyrzeć się sposobowi, w jaki nowo nadane określenie łączy się z pierwotnym desygnatem. Pomocą w odtworzeniu stanu rzeczy może być klasyfikacja Czesława Kosyła, który wyróżnia dwa sposoby motywacji przydomków, a ponadto słownik etymologiczny Aleksandra Brücknera. Pierwszy ze sposobów podanych przez Kosyła to bezpośredni, w którym wyraz motywujący jest użyty w swoim podstawowym znaczeniu, oraz drugi, gdzie wyraz motywujący nazwę użyty jest metaforycznie lub metonimicznie (Kosyl 443). Wśród motywacji bezpośrednich możemy wyróżnić:

- a) **nazwy zawierające charakterystykę cech zewnętrznych osoby nazywanej (wygląd zewnętrzny, wiek, styl ubioru):** *Garbatonosa*, *Gudłaj*, *Gudłajka* (od ukr. *Кудлаї* ‘człowiek z rozczochranymi włosami’), *Łapserdaczka*, *Łapserdak*, *Parch*, *Żydzisko*, *Żydział*, *Żydówica*, *Żydział*;
- b) **nazwy zawierające charakterystykę cech wewnętrznych:** brak motywacji tego typu;
- c) **nazwy ze względu na charakterystyczną czynność, sposób wykonywania czynności, mówienia:** *Szwargociarz*;
- d) **nazwy określające nosiciela ze względu na miejsce pochodzenia lub zamieszkania:** *Beduin*, *Jewrej*, *Judek*, *Litwak*, *Persak*, *Łódzki szlachcic*, *Żyd*.

Drugi zbiór tworzą nazwy pośrednie typu:

¹⁰ W GW istnieją również inne czasowniki określające sposób mówienia typowy dla Żydów: *tsykanie* ‘sposób mówienia Żydów żargonem’ oraz *żargonować* – ‘mówić w języku jidysz’. Nie tworzą one jednak derywatów egzoetnonimicznych.

¹¹ Formacje *Łapserdak*, *Łapserdaczka* używane były również w szerszych znaczeniach – ‘człowiek nędznie ubrany’ oraz ‘nicpoń, łobuz’.

- a) **określenia nosiciela motywowane faktami religijnymi na zasadzie metaforyzacji/metonimizacji:** *Mojżesz, Niechrzczony, Przechrzcianka, Starozakonny*;
- b) **określenia, które są przykładem eufemizmów frazeologicznych (biblijnych):** *Syn Izraela, Izraelita, Lud wybrany, Palestyńczyk, Jerozolimska Szlachta*.

W zgromadzonym materiale językowym wyróżnić można dodatkowo leksemy o niejasnej motywacji pozajęzykowej, np.: *Kaktus, Nasz*, oraz te bazujące na naśladownictwie języka jidysz bądź wyrażen w tym języku: *Siabsiumćwinik* ‘postępowy Żyd’, *Szajgec* ‘Żyd elegant’.

Interesujące jest, że w materiale językowym GW brakuje określeń Żyda motywowanych cechami wewnętrznymi, cechami charakteru czy usposobienia, choć w języku ogólnym określenia takie istnieją. Pokazał to w swoich badaniach Jerzy Bartmiński, wskazując, że nazwy Żyda, a co za tym idzie, kreowany przez nie stereotyp językowy, mają charakter dychotomiczny, który przejawia się w ujemnych (np. brudny, nieuczciwy w handlu) i dodatnich (np. inteligentny, mądry, skrupulatny) konotacjach (Bartmiński, Panasiuk 388–389). Podobny obraz Żyda wyłonił się z analiz Jarosława Pacuły (Pacuła 142). Przykładem określeń o motywacji wewnętrznej w materiale polsko- i rosyjskojęzycznym są następujące leksemy i związki wyrazowe, np.: *żyć* ‘być skąpym’, *жидиться* czy związki frazeologiczne: *Kochajmy się jak bracia, liczymy się jak Żydzi; Живи, что брат, а торгуйся, как жид; Подом дворянин, а делами жидовин* itp. Struktura leksemów *Parch, Jewrej* może sugerować, iż w tym przypadku mamy do czynienia z rosyjskimi pożyczkami językowymi.

Analizując leksykę egzoetnonimiczną badanego typu, warto zastanowić się nad jej potencjałem dyskursywnym. Mam tutaj na myśli modusy, w jakich wyrazy te były używane. W niniejszym przypadku można wydzielić dwa: opisowy i bezpośredni. Modus opisowy realizowany był w formule z przyimkiem *o*, np. „*o X/Y...*”, zaś modus bezpośredni w formule bez przyimka: „*ty X/Y!*”. Modus opisowy „*o Żydzie*” realizują następujące jednostki: *Beduin, Jewrej, Judek, Litwak, Persak, Łódzki szlachcic, Mojżesz, Niechrzczony, Przechrzcianka, Starozakonny, Syn Izraela, Izraelita, Lud wybrany, Palestyńczyk, Jerozolimska Szlachta*. Modus bezpośredni to egzoetnonimy kierowane do Żyda w trakcie sytuacji komunikacyjnych, np.: *Garbatonosa, Gudłaj, Gudłajka, Łapserdaczka, Łapserdak, Parch, Żydzisko, Żydziuk, Żydówica, Żydzia, Szwargociarz, Żyd*. Należy tutaj dodać, iż zwroty bezpośrednio charakteryzują się silną ekspresją, a określenia tu zawarte to przede wszystkim przykłady nominacji przezwiskowych, motywowane w sposób pośredni, czyli mające bezpośredni związek z desygnatem¹².

¹² Typologia powyższych modusów jest oparta na zastosowanym schemacie definicyjnym w słowniku GW.

Określenia pozostałych bliskich sąsiadów użytkowników GW charakteryzują się podobną motywacją językową i pozajęzykową. Motywacje bezpośrednie realizowane są przez jednostki: *Pluder*, *Pludrak* (ze względu na ubiór, z niem. *Pluderhose* ‘pludry, rodzaj spodni’), *Kacap* (wygląd, a także importacja językowa); *Derdidas*, *Miemiec*, *Niemiaszek*, *Niemra* (sposób mówienia – nawiązanie do niemieckich zaimków oraz utarte określenie Niemca jako osoby niemej); *Istinny*, *Ruski* (ze względu na pochodzenie; dodatkowo importacja językowa).

Należy podkreślić, że motywacja określeń Żyda w GW jest warunkowana czynnikami kulturowymi, historycznymi i religijnymi. Większość określeń to jednostki o charakterze przezwiskowym, ekspresywnym i obelżywym. Z punktu widzenia motywacji językowej nazwy te są oparte na różnych procesach derywacyjnych. Ich motywacja pozajęzykowa opiera się przede wszystkim na stereotypowych cechach fizycznych Żyda (ubiór, wygląd, sposób mówienia). Większość z nich, jak to sygnalizowano, ma konotacje ujemne i można je traktować jako przykłady nominacji implikujących agresję werbalną, gdzie, jak pisała Maria Peisert:

Zastąpienie imienia lub nazwiska oponenta leksyką obraźliwą [...], która swoją znieważającą moc czerpie z obniżającego statusu porównania do przedmiotów, zwierząt, itp. [...] budzą ośmieszające, zdeformowane asocjacje z osobą, do której się odnoszą. A ich najważniejszą funkcją jest zepchnięcie oponenta na niższe poziomy hierarchii społecznej (Peisert 156).

Warto zauważyć, że tylko w przypadku określeń Żyda odnajdujemy jednostki odsyłające do jego religijności, w odniesieniu do innych narodowości w badanych DM zjawisko takie nie występuje.

Omawiana leksyka charakteryzuje się różnorodną i bogatą semantyką, a także motywacją językową i pozajęzykową oraz charakterem komunikacyjnym. Z tego też względu niektóre z przytoczonych jednostek mogą być klasyfikowane w różny sposób, gdyż w mojej ocenie realizują dwa różne parametry przyjętej klasyfikacji, np. *Gudłaj*, *Gudłajka* jako deskrypcja oraz określenie wartościujące. Przeanalizowany materiał nie odsyła w sposób bezpośredni do stereotypu narodowego poszczególnych nacji. Jednakże w zróżnicowanych kontekstach sytuacyjnych i tekstowych może stanowić ważny nośnik stereotypowych sądów i ocen.

Bibliografia

- Bartmiński, Jerzy. „Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu «matki»”. *Język a kultura. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki: teoria, metodologia, analizy empiryczne*. Red. Janusz Anusiewicz, Jerzy Bartmiński, nr 13, 1998, s. 63–83.
- Bartmiński, Jerzy, Jolanta Panasiuk. „Stereotypy językowe”. *Współczesny język polski*, V. Red. Jerzy Bartmiński. Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014, s. 371–95.
- Belova, Ol'ga, Kira Lapšinova. „Osobennosti kognitivnogo i affektivnogo urovnej etničeskikh stereotipov v sovremennom sociume”. *Social'naâ politika i sociologičâ*, nr 8, 2011, s. 181–93.

- Brückner, Aleksander. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, Wiedza Powszechna, 1970.
- Cieślakowa, Aleksandra. „Przezviska”. *Polskie nazwy własne. Encyklopedia*. Red. Ewa Rzetelska-Feleszko. Warszawa–Kraków, Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2005, s. 119–34.
- Elisratov, Vladimir. *Ázyk staroj Moskvy. Lingvoènciklopedičeskij slovar'*. Moskwa, Russkie slovari, 1997.
- Hugo, Jan, red. *Slovník nespisovné češtiny*. Praha, Maxdorf s.r.o., 2009.
- Kosyl, Czesław. „Nazwy osobowe. Przezviska”. *Współczesny język polski*, V. Red. Jerzy Bartmiński. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014, s. 431–445.
- Krčmová, Marie. *Běžně mluvený jazyk v Brně*. Brno, Univerzita J.E. Purkyně, 1981.
- Łaszczewicz, Monika. „Stereotyp Żyda utrwalony w języku polskim”. *Stereotypy – walka z wiatrakami?* Red. Anna Bujnowska, Joanna Szadura. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011, s. 93–102.
- Małec, Maria. „Etnonimy. Nazwy narodowości. Nazwy mieszkańców”. *Polskie nazwy własne. Encyklopedia*. Red. Ewa Rzetelska-Feleszko. Warszawa–Kraków, Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2005, s. 181–87.
- Marczewska, Marzena. „Stereotypy etniczne we współczesnym polskim dyskursie publicznym”. *Res Historica*, nr 46, 2018, s. 283–300.
- Nekula, Marek. „Etnické stereotypy a jejich artikulace v češtině (a v němčině)”. *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity*, t. A47, 1999, s. 65–75.
- Nováček, Otakar. *Brněnská plotna*. Brno, Edice ON svazek I., 1929.
- Pacula, Jarosław. „Polskie i rosyjskie egzoetnonimy i przezviska Żyda w kontekście stereotypu językowego”. *Linguarum Silva*, nr 1, 2012, s. 135–148.
- Peisert, Maria. *Formy i funkcje agresji werbalnej. Próba typologii*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004.
- Rzetelska-Feleszko, Ewa et al. *Słowiańska onomastyka: encyklopedia*. T. I. Warszawa–Kraków, Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 2002.
- Świącicka, Małgorzata. „Stereotyp w lingwistycznych badaniach przestrzeni miejskiej: stan, metody, perspektywy”. *Języki słowiańskie w ujęciu socjolingwistycznym: prace przygotowane na XV Międzynarodowy Kongres Słowistów Mińsk 2013*. Red. Halina Kurek. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2012, s. 243–57.
- Świącicka, Małgorzata, red. *Miasto: przestrzeń zróżnicowana językowo, kulturowo i społecznie*. T. 1. Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2006.
- Wieczorkiewicz, Bronisław. *Słownik gwary warszawskiej XIX wieku*. Warszawa, PWN, 1966.
- Witaszek-Samborska, Małgorzata, Anna Piotrowicz. *Słownictwo gwary miejskiej Poznania w ujęciu tematycznym*. Poznań, Wydawnictwo Nauka i Innowacje, 2018.

EKATERINA STARODWORSKAJA

Metajęzykowe oblicze ironii

The metalinguistic aspect of irony

Abstract. The paper deals with the problem of relations between verbal irony and metalinguistic features of the natural language. It is shown that the irony in the vast majority of situations involves the reaction to a real or imagined speech, which proceeds from the fact that the human mind, the main target of irony, is explicated in a manner making it possible to be examined and evaluated precisely in speech. The target of the irony is man, his intellectual abilities, ethic and aesthetic choices, his views and beliefs, while his speech (word, statement, text, manner of speaking) turns out to be the direct pretext for ironic utterance.

Keywords: irony, metalinguistic expressions, Russian language, verbal, speech

Ekaterina Starodworskaja, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska/
Irkucki Uniwersytet Państwowy, Irkuck – Rosja, starodvor@gmail.com, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6323-2376>

Celem niniejszego artykułu jest wstępne rozpoznanie jednego z zakresów funkcjonowania ironii, tzn. tych przypadków, które wiążą się z bezpośrednią **metajęzykową** reakcją na czyjąś wypowiedź, jej formę i treść, ukryte w niej wartości. Realizacja wspomnianego celu wymaga przypomnienia kluczowych zagadnień i pojęć, którymi będziemy operować podczas badania przykładów zawierających ironiczne wypowiedzi metajęzykowe – bezpośredni przedmiot przedstawionej analizy. Sam kluczowy termin użyty w tytule niniejszego referatu – *ironia* – już wymaga wyjaśnienia i deszyfracji, uściślenia tego, co rozumiemy przez to pojęcie. Nie jest to próżne pytanie, jak zobaczymy później, m.in. dlatego, iż liczni badacze, pracujący w różnorodnych dziedzinach nauk humanistycznych, używają tego terminu w stosunku do, jak można się domyślać, różnych obiektów i mechanizmów. Jednakże obok terminu *ironia* występuje wiele innych, czasami nawiązujących do tych samych przykładów, wśród których wymienimy chociażby humor, komizm, sarkazm, antyfrazę, parodię, żart (listę tę można by kontynuować).

Ironia jako zjawisko skomplikowane i wieloaspektowe, realizowane za pomocą rozmaitych środków (*stricte* językowych, przy czym ironia korzysta ze wszystkich podsystemów języka, szeroko pojętych komunikacyjnych, paralingwistycznych, przede wszystkim gestów i mimiki, strukturalnych i innych) w rozprawach humanistycznych (z dziedziny lingwistyki, literaturoznawstwa, filozofii, teorii sztuki etc.) może być pojmowana jako swoisty światopogląd, postawa filozoficzna, zasada artystyczna, sposób poznania i nauki, środek stylistyczny, akt komunikacyjny i strategia ponadtekstowa (Głowiński 6). Oczywiście jest, że tradycyjny opis ironii, spotykany jeszcze u autorów antycznych („udawana skromność”, przygana przez pochwałę¹), nie obejmuje całej różnorodności wypowiedzi ironicznych. Wśród tychże mieszczą się zarówno klasyczne przykłady, typu stwierdzenia: jaka ładna pogoda, wypowiedzianego w sytuacji, kiedy pogoda tak naprawdę jest brzydka (tutaj rzeczywiście ukryty sens jest zupełnie sprzeczny zarówno z jawnym znaczeniem przymiotnika oceniającego, jak i z szeroko pojętym kontekstem), jak i wypowiedzi bardziej skomplikowane, w których składzie może nie być żadnego elementu w jakikolwiek sposób związanego z ocenianiem:

[Panie A i B rozmawiają po tym, jak B najechała na krawężnik, wyjeżdżając z parkingu]

A: They just built that while you were in the store.

B: I know² (Attardo 171).

Oczywiście nie jesteśmy w stanie zaproponować jedynego słusznego określenia ironii – realizacja tego celu wymagałaby publikacji kilkutomowej pracy zbiorowej. Skupmy się zatem na tych właściwościach ironii, które, jak się wydaje, decydują w większości przypadków o jej zastosowaniu i są bezpośrednio związane z jej aspektem metajęzykowym.

Salvatore Attardo, jeden z autorów ogólnej teorii humoru werbalnego (The General Theory of Verbal Humor), przywołuje powyższy przykład, by zaprezentować różnice pomiędzy ironią a humorem. Tych różnic, jak stwierdza Attardo, jest tak naprawdę niewiele, a jedna z nich to pełnienie przez ironię funkcji wartościowania, ewaluacji. Ocena, z którą mamy do czynienia za sprawą ironii, to niewątpliwie w większości przypadków ocena negatywna. Celem ironii, tym obiektem, który zostaje oceniony, jest przede wszystkim człowiek, tyle że nie sam w sobie, lecz jego cechy i właściwości – uogólniane i rozumiane jako pewien

¹ Przywołajmy przykład tego typu klasycznej definicji: „троп [...], заключающийся в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному; перенос по контрасту, по полярности семантики” (*Ėnciklopediâ „Russkij âzyk”* 1997).

² A: Zbudowali to, kiedy byłaś w sklepie.

B: No wiem.

światopogląd, zbiór typowych przekonań i zasad, wyznaczników pewnej kultury (nawet jeśli w konkretnej wypowiedzi formalnie chodzi np. o kopanie rowu czy budowę drogi):

Вот землекоп траншею роет,
Вгрызаясь в грунт
За пядью пядь.
То пыль со лба стряхнет порою,
То потную откинет прядь.
[...]
Вот он в земле почти по шею,
Вот он совсем пропал из глаз.
Растет и ширится **траншея**,
Такая нужная для нас.

А завтра утром
В час рассветный
Сюда он явится опять
И будет столь же беззаветно
Ее обратно засыпать.

О, Русь, загадочная Русь,
Никак в тебе не разберусь.
(И. Иртеньев)

By rzecz ująć z detalami
temat tak zakończyć mogę:
**budowaliśmy z kumplami
coś płaskiego, jakby drogę,**
a że praca była ostra
i częściowo za darmo, choć,
droga wyszła dosyć prosta,
tylko wyboista trochę.
(W. Młynarski)

W centrum uwagi znajduje się więc nie rów czy droga, zaś człowiek i jego działalność jako wyrażenie treści pewnej kultury, a nawet cywilizacji (w powyższym przypadku za pośrednictwem oceny typowych cech budownictwa socjalistycznego ocenia się system socjalistyczny jako taki).

Mechanizm ewaluacji polega m.in. na tym, że najpierw to, co się ocenia, powinno zostać zauważone, dostrzeżone, znaleźć się w polu widzenia odbiorcy. Jednak kolor skóry, kształt uszu czy długość palców, chociaż wszystkie te cechy dostrzec bardzo łatwo, same w sobie rzadko występują jako powód ironii. Dlaczego? Odpowiedź na to pytanie jest ściśle związana z podejściem do ironii jako do jednej z odmian implicytnej (ukrytej) agresji. Agresja jest właściwa człowiekowi w nie mniejszym stopniu niż np. szczurom czy gęsiom, jak to przekonywująco dowiódł jeszcze Konrad Lorenz w pracy *Tak zwane zło*. Jednak charakterystyczną cechą współczesnego społeczeństwa jest, jak zauważa Lorenz,

niemożność wyładowania agresywnych popędów w stopniu „przewidzianym” dla naszego gatunku. Zachowanie pokoju jest pierwszym obowiązkiem obywatelskim, a sąsiednia wroga wioska, która ongiś stanowiła obiekt zaspokajający wewnątrzgatunkową agresywność – znika w mglistej dali. W miarę coraz wyższego rozwoju cywilizacji wszystkie warunki sprzyjające właściwemu działaniu naszych naturalnych skłonności do społecznego zachowania się stają się coraz mniej korzystne, podczas gdy wymagania stawiane temu zachowaniu równocześnie

wzrastają. „Bliźniego” każą nam traktować tak, jak gdyby był naszym najlepszym przyjacielem, pomimo że niekiedy nawet w ogóle go nie widzieliśmy. Co więcej, możemy rozumowo pojąć, że jesteśmy zobowiązani do miłowania także i naszych nieprzyjaciół, a to nigdy nie przyszłoby nam nawet na myśl na podstawie naszych naturalnych skłonności (Lorenz 292–293).

Eliminacja agresji czy nawet tego, co może zostać odebrane jako bezpodstawna agresja, staje się coraz bardziej radykalna (por. zjawisko poprawności politycznej³). Starając się, by nasze zachowanie było idealnie zgodne z normami społecznymi, rezygnujemy nie tylko z agresji fizycznej, lecz w wielu przypadkach również z jawnej agresji werbalnej (nawet o siódmej rano w zatłoczonym autobusie nie możemy powiedzieć komuś, kto nadepnął nam na stopę, że jest świnią czy łajdakiem⁴).

Jawna agresja jest niemożliwa (albo przynajmniej niepożądana), więc rozmówcy, dążąc do tego, by ich wypowiedzi były zgodne z Zasadą Uprzejmości, stosują agresję implicytną. Zasada Uprzejmości (*Politeness Principle*) została sformułowana przez brytyjskiego językoznawcę Geoffreya Leecha jako uzupełnienie słynnej Zasady Kooperacji Herberta Paula Grice’a⁵. Ta ostatnia opisuje ogólny mechanizm wydobywania przez odbiorcę ukrytych sensów wypowiedzi, sformułowanej przez nadawcę w konkretnej sytuacji komunikacyjnej, natomiast Zasada Uprzejmości wyjaśnia, w jakim celu nadawca w ogóle zadaje sobie trud formułowania wypowiedzi w ten (bardziej przecież skomplikowany), a nie inny sposób. Praktyczny sens przestrzegania Zasady Uprzejmości został ujęty przez Leecha w następujący sposób: „unless you are polite to your neighbour, the channel of communication between you will break down, and you will no longer be able to borrow his mower” (Leech 82)⁶.

Ironię Leech pojmuje jako drugorzędną zasadę, która eksploatuje Zasadę Uprzejmości i opisuje jej mechanizm następująco: „If you must cause offence, at least do so in a way which doesn’t overtly conflict with the PP, but allows the

³ Zwróćmy uwagę chociażby na stopniowo ewoluujący zakaz używania w przestrzeni publicznej – przede wszystkim w Stanach Zjednoczonych – tzw. słowa na literę N (*N-word*), najpierw jako określenia nacechowanego negatywnie i pełniącego funkcję pejoratywną, aktualnie – nawet w cytatach czy refleksji na temat używania tegoż słowa.

⁴ Oczywiście powiedzieć jednak możemy, ale w tym przypadku będziemy musieli pogodzić się z konsekwencjami, które w mniejszym czy większym stopniu polegałyby na tymczasowym czy stałym wykluczeniu ze wspólnoty.

⁵ Przypomnijmy, jak ta zasada działa według Grice’a w przypadku ironii: „Dla A i jego słuchaczy jest rzeczą zupełnie oczywistą, że A nie wierzy w to, co powiedział; słuchacze wiedzą przy tym, iż A wie, że jest to dla nich oczywiste. Jeśli więc wypowiedź A miała w ogóle o czymś informować, to A chciał zapewne wygłosić inny sąd niż ten, który wygłosił. Musi to być sąd w jakiś wyraźny sposób powiązany z wygłoszonym; najoczywistszym związkiem jest tu sprzeczność” (Grice 107).

⁶ „Jeśli jesteś nieuprzejmy w stosunku do swojego sąsiada, kontakt między wami urwie się i nie będziesz mógł dłużej pożyczać od niego kosiarki”.

hearer to arrive at the offensive point of your remark indirectly, by way of implicature” (Leech 82)⁷. Poniższy przykład może posłużyć jako wyrazista ilustracja ukrycia obraźliwego sensu wypowiedzi za pomocą ironii, ze względów przeważnie pragmatycznych:

Читка „Джаз-комедии” закончилась. Серьезные, искусственные в искусстве люди обрели вновь свою серьезность и искусственность. – **Вещь блестяще талантлива**, – сказали они, – **но социального хребта в ней нет**. После столь **глубокомысленного вывода** мои коллеги стали резать сценарий под корень, как режут сорную траву. **Я не буду приводить имен и цитат**. Из имен можно составить не одну славную страницу истории советского кинематографа (Aleksandrov 1976)⁸.

Skoro już nadawca (w tym przypadku autor wspomnień, radziecki reżyser, który, co oczywiste, tak naprawdę nie uważa wniosku komisji za głęboki i przemyślany, ale nie przekazuje tej informacji wprost; zwróćmy uwagę także i na szerszy kontekst: za ukryciem negatywnej oceny idzie ukrycie imion i nazwisk tych, którzy, zdaniem autora, zachowali się co najmniej nieuczciwie) podejmuje starania, by zakamufłować negatywną ocenę, byłoby szkoda, żeby ten wysiłek poszedł na marne, czyli na opis tego, na co człowiek nie ma wpływu, co od niego nie zależy (jak wspomniany kształt uszu czy długość palców). Wypowiedź celująca w wygląd zewnętrzny, nawet niejawnie negatywna, i tak zostanie odebrana jako nieurprejma/niestosowna lub nawet absurdalna.

Tym sposobem dochodzimy do wniosku, iż oceniane cechy powinny mieć **wartość semiotyczną**, ponieważ ironiczny komentarz jest związany z ich wewnętrzną treścią (albo z tym, co mówca uważa za ich wewnętrzną treść). Nie ma więc nic dziwnego, że ironia w wielu sytuacjach wiąże się z reakcją na pewną **realną bądź wymyśloną wypowiedź**, gdyż **ludzka świadomość i – szerzej – światopogląd, główny cel ironii, stają się widoczne przede wszystkim w języku, mowie, akcie komunikacji**. Podsumowując, celem ironii jest człowiek, jego zdolności intelektualne, wybory estetyczne i etyczne, przyswojone przez niego poglądy, jego kulturowa czy polityczna tożsamość, a bezpośredni pretekst, powód do ironicznej wypowiedzi to szeroko pojęta mowa (w konkretnych przypadkach jawiąca się jako słowo, zdanie, wypowiedź, tekst, sposób mówienia etc.), w której zostały zawarte. Trzeba zauważyć, że najważniejszą rolę odgrywa tutaj postać interpretatora, ironisty właśnie, który jest w stanie dostrzec w wypowiedzi treść podlegającą ocenie i odnieść się do niej:

⁷ „Jeśli już musisz kogoś obrazić, rób to w taki sposób, który nie będzie jawnie sprzeczny z Zasadą Uprzejmości, ale umożliwi odbiorcy pośrednie wydobycie obraźliwego sensu twojej wypowiedzi – przez wyciągnięcie implikatury”.

⁸ Tu i dalej przykłady z Narodowego Korpusu Języka Rosyjskiego.

- Вчера бежала я за вами, бежала, все ноги стерла, – рассказала баба Лиза (рыночная торговка). – Прямо сердце захолонуло. А вас и след простыл.
- Как вы на таком ветру целый день? – спросила я.
- **Такая жизнь наша страшная, – с удовольствием сказала** баба Лиза.

Nie jest ważne – przynajmniej dla stwierdzenia faktu obecności ironii w powyższym przykładzie – czy narrator (rosyjska pisarka Tatiana Tołstaja) faktycznie dostrzegł intonację zadowolenia w wypowiedzi interlokutorki, czy ta charakterystyka została przez pisarkę narzucona; najważniejsze, że wypowiedź jest traktowana jako wyraz pewnego stanu psychicznego, być może nawet światopoglądu, do którego narrator nastawiony jest co najmniej sceptycznie.

Kolejnym dowodem na to, że ironia to bardzo często reakcja na czyjąś wypowiedź (lub to, co zostaje odebrane jako wypowiedź, słowo, akt komunikacyjny, sposób wypowiedzania się etc.), są współczesne teorie ironicznego dekonstruowania sensu, m.in.:

- teoria przywołania (*The Echoic Mention Theory*) Dana Sperbera i Deirdre Wilson (1992), polegająca na tym, że mówca odcina się od wygłoszonego przez siebie sądu (bo w rzeczywistości ten sąd należy/może należeć do kogoś innego), co wiąże się z pragmatycznym efektem wyśmiewania i pogardy wobec tego innego, a raczej jego sądu;

- teoria udawania (*The Pretence Theory*) Raymonda Gibbsa i Herberta Colstona (Clark, Herrig): ironista udaje osobę, która mogłaby wypowiedzieć się w taki właśnie sposób serio i jednocześnie uwypukla kontrast pomiędzy sobą i wspomnianą osobą, swoimi a jej poglądami; można tutaj przywołać również koncepcję obcego słowa Michaiła Bachtina (Vološinov).

Jest jasne, że autorka powieści o represjach stalinowskich Lidia Czukowska nie solidaryzuje się z wypowiedzią Andrieja Żdanowa w sprawie czasopism „Zvezda” i „Leningrad” i nie pochwala jej, zaś używa utartych zwrotów z radzieckich gazet, udaje słuszną ideologiczną postawę, by „wysadzić” te zwroty od środka i wprowadzić skrajnie negatywną ocenę tej postawy: „Поэзию Ахматовой Жданов **попросту, по-нашему, по-рабочему, с большевистской прямотой определил** так: «хлам»”. Porównajmy rzeczywiste cytaty z radzieckich gazet:

Но мы должны **с полной революционной прямотой сказать**, что работа профессиональных и общественных организаций [...] в области вооружения техникой рабочих, колхозников, хозяйственников не находится еще в соответствии с задачами третьего, решающего года пятилетки („Izvestiâ”, 9.03.1931).

Успехи русских в космосе стали для нас привычными, – заявил корреспонденту ТАСС механик одного из тунисских предприятий. – Поэтому я затрудняюсь дать оценку этому событию. Одним словом, **по-нашему, по-рабочему**, это здорово! („Večernââ Moskva”, 16.06.1963).

– teoria pośredniej negacji (*The Indirect Negation Theory*) Rachel Giory (Giory, Fein, Schwartz) skupia się na tym, iż ironia polega na ukrytym zaprzeczeniu tego, co zostało jawnie wypowiedziane.

Wszystkie te koncepcje mają więc ze sobą coś wspólnego: wynika z nich, że ironia jest zawsze i bezpośrednio związana z pewną lingwistyczną substancją, z językowym „opakowaniem” pewnej myśli, poglądu, sądu.

Właśnie to „opakowanie”, będąc, po pierwsze, łatwo zauważalne, a po drugie, zawierając w sobie treść wartą oceniania, komentowania i dyskusji, bardzo często występuje jako powód do ironii, a ta ironia zostaje zawarta w komentarzu do wypowiedzi. W związku z tym niezwykle perspektywicznym kierunkiem badań ironii werbalnej jest analiza jednego z jej najbardziej efektywnych lingwistycznych narzędzi, mianowicie tzw. **wyrazów metajęzykowych**, pełniących funkcję sygnału ironii, a jednocześnie występujących jako semantyczny współczynnik tego zjawiska. Wszystkie przykłady użyte w artykule (za wyjątkiem dwóch pierwszych cytatów z Irteniewa i Młynarskiego), zarówno te przywołane wyżej, jak i kolejne, są zbudowane według określonej struktury, której podstawowymi składnikami są czyjaś wypowiedź, najczęściej bohatera, i autorski komentarz do niej, zawierający wyraz metajęzykowy.

Termin *metajęzykowy* został tutaj użyty zgodnie z definicją Romana Jakobsona, który, wymieniając główne funkcje aktu mowy, pisze o funkcji metajęzykowej w następujący sposób:

W nowoczesnej logice zostało dokonane rozróżnienie między dwiema płaszczyznami języka: „językiem przedmiotowym”, mówiącym o przedmiotach, i „metajęzykiem”, mówiącym o samym języku [...]. Lecz metajęzyk jest nie tylko koniecznym instrumentem naukowym używanym przez logików i lingwistów. Gra on również ważną rolę w naszej mowie codziennej. Podobnie jak Jourdain Molière’a, który nie wiedział, że mówi prozą, używamy metajęzyka, nie zdając sobie sprawy z charakteru metajęzykowego naszej działalności. Ilekroć nadawca lub odbiorca chcą sprawdzić, czy posługują się jednakowym kodem, mowa zostaje sprowadzona do kodu: przybiera ona funkcję metajęzykową (Jakobson 438).

Podstawowym składnikiem dekonstrukcji ironicznej, na co wskazują chyba wszyscy ironiolodzy, jest **sprzeczność** pomiędzy jawnie przedstawioną, konwencjonalną treścią a szeroko rozumianym kontekstem oraz ukrytym sensem, który zostaje wyciągnięty przez odbiorcę właśnie na podstawie negacji dosłownego znaczenia.

Analiza wyrazów metajęzykowych pod kątem ironii wiąże się z określeniem rodzaju sprzeczności pomiędzy wypowiedzią nadaną bezpośrednio przez autora tekstu literackiego, przede wszystkim prozatorskiego lub non-fiction (lub bohatera tegoż tekstu) a wyrazem metajęzykowym użytym jako komentarz do tej właśnie wypowiedzi.

Przywołajmy jeszcze kilka przykładów wspomnianej sprzeczności, pokażmy uniwersalność opisywanego w artykule mechanizmu ironii, jak również ustalmy, na czym polega ta sprzeczność:

– У нас опять что-нибудь взорвалось? – светски осведомился я. – **Пока нет, – с оптимизмом ответил** Салас (http://samlib.ru/i/izmajlowa_k_a//good.shtml)⁹.

Wyraz metajęzykowy *с оптимизмом ответил* wspiera tutaj ogólnie ironiczną strategię tekstu, a odrębne komponenty, zawarte w semantycznej strukturze rzeczownika *оптимизм* są sprzeczne z jawnie przedstawioną informacją o realnej możliwości wybuchu [‘бодрое и жизнерадостное мироощущение, **исполненное веры в будущее**; склонность во всем видеть хорошие, светлые стороны’ (Evgen’eva)].

Один робкий турист страшился близко подходить к обрыву. – А что мне делать, – обратился он к гиду, – если я упаду? – **В этом случае, сэр, – с энтузиазмом ответил гид, – не забудьте посмотреть направо. Вид там просто потрясающий!** (<https://self.wikireading.ru/11681>).

Zauważmy, że *с оптимизмом* to raczej charakterystyka treści wypowiedzi (*оптимистичное высказывание* zasadniczo nie wymaga widocznego ożywienia nadawcy), natomiast *с энтузиазмом* raczej komentuje formę. W tym przypadku celem miękkiej ironii jest szalenie zaangażowany przewodnik, który nawet w sytuacji śmiertelnego niebezpieczeństwa umie odnaleźć powód do zachwytu. Analiza tego przykładu umożliwi nam także demonstrację tego, czym ironia różni się od językowego żartu, który tutaj został zrealizowany jako pointa dowcipu. Dowcip zostałby dowcipem nawet w przypadku braku drugiego wyrazu metajęzykowego: żart, jak widzimy, nie wymaga sprzeczności jawnego i ukrytego sensu, tylko nieoczekiwanego wniosku, szokującej pointy.

Sprzeczność pomiędzy treścią, formą czy szeroko rozumianym kontekstem wypowiedzi a komentarzem metajęzykowym jest, jak się wydaje, uniwersalnym mechanizmem ironicznego przekazu (nie tylko w języku rosyjskim):

The best bit of the park, **I was told enthusiastically** by our fixer prior to arrival, was the grand, looped roller coaster built under the guidance and inspiration of Kim Il-sung himself. Without his wisdom, the ideologue explained, Korea would never have become the world class nation-state it currently is... (https://www.vice.com/en_au/article/kwn85e/north-korea-fun-fair-mangyongdae-hoban-death)

Tutaj wyraz metajęzykowy *to tell enthusiastically* jest odbierany ironicznie głównie na podstawie sprzeczności pomiędzy entuzjazmem przewodnika a wiedzą narratora (i, oczywiście, odbiorcy tekstu) o stanie rzeczy, typowym dla totalitarnego

⁹ Ten przykład i dalsze są wynikami wyszukiwania w Google.

państwa. Entuzjazm pośrednika zostaje więc oceniony jako sztuczny i na ogół absurdalny (co jest podkreślone przez wspomnienie osobistego udziału głowy państwa w opracowaniu projektu kolejki w wesołym miasteczku).

„Ten model ma całkiem nowy kształt perforacji siateczki tnącej” – **powiedział entuzjastycznie** Brand manager CEEMEA marki Braun, dumnie potrząsając depilatorem – „Super, prawda?” (<http://web.adwertajzing.pl/kampania.php?id=3>)

W tym przypadku przyczyna entuzjastycznego podejścia managera (mianowicie charakterystyka techniczna produktu) nie wydaje się autorowi komentarza uzasadniona, entuzjazm jest oceniany jako sztuczny i nieszczerzy, a celem ironii, jak się wydaje, jest nie tyle wspomniany manager sam w sobie, lecz rozpowszechniony i nieprzekonywujący styl promocji towaru. Raz jeszcze chcę podkreślić reprezentatywność ironicznego nacechowania wyrazów metajęzykowych jako reakcji na komentowaną wypowiedź, która nie jest oceniana jako taka, lecz jako wyraz treści kulturowych i światopoglądowych, mających wartość semiotyczną.

Związek pomiędzy wypowiedzią ironiczną, która jest tak naprawdę cytatem, i jakąś inną wypowiedzią (bardzo często identyczną formalnie, merytorycznie, ale nie pragmatycznie) nie zawsze przedstawiony *explicite*, zauważony przez badaczy, m.in. Michaiła Bachtina i Rolanda Barthesa, nie został na razie szczegółowo przedstawiony w literaturze lingwistycznej. W artykule skupiliśmy się na tych przypadkach, w których cytowana, komentowana wypowiedź jest przedstawiona w sposób jawny i sprzeczność się uzewnętrznia (co w żadnym wypadku nie oznacza, że semantyka komentarza nie zawiera wewnętrznej sprzeczności). Przykłady o takiej strukturze jasno przedstawiają sprzeczne składniki ironicznej wypowiedzi, a więc pozwalają uściślić rodzaj i stopień sprzeczności.

Podkreślmymy raz jeszcze, na czym polegają relacje pomiędzy ironią a funkcją metajęzykową języka naturalnego:

- ironia jest „opakowaniem” oceny (zwykle negatywnej);
- ocenia się człowieka;
- przedmiotem oceny nie jest jednak człowiek jako taki, lecz przypisane mu przez ironistę wartości i poglądy – to, co człowiek wybiera z własnej woli, za co ponosi odpowiedzialność;
- wartości i poglądy owe stają się widoczne przede wszystkim w wypowiedziach (albo tym, co traktuje się jako wypowiedź);
- koniec końców, ocenia się więc wypowiedź, a przez nią – jej autora, jego poglądy;
- ten mechanizm najbardziej przezroczyście wygląda właśnie w przypadku użycia przez autora wyrazów metajęzykowych komentujących treść wypowiedzi bohatera, a więc, jak się wydaje, takie użycia zasługują na bardziej rozbudowaną i szczegółową analizę.

Bibliografia

- Aleksandrov, Grigorij. *Èpoha i kino*. Moskva, Politizdat, 1976.
- Attardo, Salvatore. „Humor and Irony in Interaction: From Mode Adoption to Failure of Detection”. *Say not to Say: New Perspectives on Miscommunication*. Red. Luigi Anolli, Rita Ciceri, Giuseppe Riva. Amsterdam–Washington, IOS Press, 2002, s. 166–185.
- Clark, Herbert, Richard J. Gerrig. „On the Pretense Theory of Irony”. *Journal of Experimental Psychology*, nr 113, 1984, s. 121–126.
- Ènciklopediâ „Russkij âzyk”*. Moskva, Naučnoe izdteľ'stvo BRE, 1997.
- Evgen'eva, Anastasiâ P., red. *Slovar' russkogo âzyka: w 4-ch t.* Moskva, Poligrafresursy, 1999.
- Gibbs, Raymond. „On the Psycholinguistics of Sarcasm”. *Journal of Experimental Psychology*, nr 105, 1986, s. 3–15.
- Giora, Rachel, Ofer Fein, Tamir Schwartz. „Irony: Graded Salience and Indirect Negation”. *Metaphor and Symbol*, nr 13, 1998, s. 83–101.
- Głowiński, Michał. „Ironia jako akt komunikacyjny”. *Ironia*. Red. Michał Głowiński. Gdańsk, Słowo/obraz terytoria, 2002, s. 5–16.
- Grice, Paul. „Logika a konwersacja”. *Język w świetle nauki*. Red. Barbara Stanosz. Warszawa, Czytelnik, 1980, s. 91–114.
- Jakobson, Roman. „Poetyka w świetle językoznawstwa”. *Pamiętnik Literacki*, nr 2, 1960, s. 431–473.
- Leech, Geoffrey N. *Principles of Pragmatics*. London, Longman, 1983.
- Lorenz, Konrad. *Tak zwane zło*. Przeł. Anna D. Tauszyńska. Warszawa, PIW, 1972.
- Vološinov, Valentin N. *Marksizm i filozofiâ âzyka*. Leningrad, Priboj, 1929.
- Wilson, Deirdre, Dan Sperber. „On Verbal Irony”. *Lingua*, nr 87, 1992, s. 53–76.

VARIA

VERA MENIAILO

NATALIA TULIAKOVA

13th Conference of the Estonian Association of Comparative Literature (EACL), 2019

Vera Meniailo, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg – Russia, Menyaylo917@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4063-3235>

Natalia Tuliakova, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg – Russia, ntulyakova@hse.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0685-4993>

The Estonian Association of Comparative Literature (EACL) held its biannual conference for the thirteenth time at the Department of Literature and Theatrical Studies of the University of Tartu between September 29 and October 1, 2019. The conference was held in homage to Gustav Suits, the first chaired professor of literature of the University of Tartu, and an Estonian poet. The international conference was supported by the Faculty of Humanities of the University of Tartu, Estonian Ministry of Education and Research, Estonian Cultural Endowment, and Centre of Excellence in Estonian Studies. This year the topic of the conference was “The Current State of Literary Theory, Research and Criticism in (Non-“Centric”) National Cultures” and thus the tradition of addressing issues related to interaction between centric and non-centric literatures and cultures was efficiently maintained.

During the two working days participants from around twenty countries discussed questions connected with national literary theory traditions, teaching literary theories, and the application of literary theories in practice. The most discussed literary theories turned out to lie in the sphere of translation and reception, studies of literary identity, and historical discourse in national literatures.

A group of talks was united by an attempt to establish a link between literary theory and literature or, more broadly, culture. Scholars turned to the literature of

Lithuania, France, Russia, Estonia, and Cuba, and connected it to the current trends in philosophy, sociology, and psychology. **Ausra Jurgutiene** (Institute of Lithuanian Literature and Folklore, Lithuania) in her paper “Some Comments on Literary Theory in Nowadays Lithuania” gave a broad picture of Lithuanian literary journals, anthologies of literary translations, and associations. Ausra identified the key challenges that Lithuanian literary studies face nowadays, among which are disputes over ways of teaching literature, the positions of “small” literatures, the accurate translation of theoretical works, and the critical attitude to outdated dogmas. **Francesca Manzari** (University of Rome “La Sapienza”, Italy) gave a talk “On a Peripheral Theory of Love”, in which she analysed the 13th century Tuscan poetry, i.e. its philosophic implications. Using Giorgio Agamben’s research into the poetry, Francesca outlined the relations between knowledge, philosophy and poetry in Western culture. The 13th century was shown as a demarcation line, after which ‘knowledge and word’ were separated, which gave an impetus to literary studies thriving, where the “word” became an object of knowledge.

Raili Marling (University of Tartu, Estonia) delivered the paper “Traveling Theory Reimagined: Feminist Literary Theory in Estonia”, which identified the place of Estonian feminist literary theory in the Anglo- and American-centric reality of today. Distinguishing between international and local feminist theory, Raili stressed that feminism is not a cosmopolitan, but rather an imperialistic theory. Thus, in the constantly changing political world, feminism is a ‘traveling theory’. In the 1990s western feminists went east to spread their ideas, but met strong oppositions. However, they were not only rejected, but also appealed to the public, which created hybridized, or creolized systems. In Estonia, Raili Marling argues, such a situation can be observed. What we see is a lack of local engagement with the theory, and feminism in Estonia exists in a state of practicing and isolation.

Vera Meniailo (National Research University Higher School of Economics, Russia) summarized the theory of foregrounding developed by the Russian scholar Irina Arnold in the late 20th century in her paper “I.V. Arnold’s Theory of Foregrounding and its Application to Text Analysis”. The theory stands on the grounds that key elements of the text (such as title, key words etc.) are always intentional and thus should be considered first in order to objectively disclose the author’s message. Vera illustrated the relevance of this theory to contemporary text analysis by the material of her own research, in which she applied principles of foregrounding to the analysis of key concepts in John Fowles’ novels. The paper “Genre Studies in Russian Literary Research: Current Challenges and Needs” by **Natalia Tuliakova** (National Research University Higher School of Economics, Russia) outlined the major achievements of Russian scholars in developing genre theory and identified some pitfalls, which result from the lack of a comparative perspective.

Kaisa Ling (University of Tartu, Estonia) spoke on “The Perpetuation of Neo-baroque in Theory and in Practice”, namely, on Alejo Carpentier, José Lezama Lima, and Severo Sarduy, the Cuban authors of Neo-Baroque poetics theory, and how their ideas concerning the nature of the language were reflected in their novels. Literary texts referred to as ‘neo-baroque’ are first and foremost “difficult, confusing, convoluted, and controversial” as they highlight the role of language and form in creating a literary world. **Anne-Marie Le Bailiff** (independent researcher, France) discussed the status of Paris as a literary capital in her talk “Paris, ‘un lieu centre de tous les centres’ est-ce toujours d’actualité?”. Applying the ideas of the recently deceased Pascale Casanova, Anne-Marie identified the reasons for changes of the Paris status, among which are new methods of writing and a different type of relationships between writers, readers, and publishers, which dictates a new balance of forces in the writing – readership – publishing triangle.

As it has been already mentioned, theories of translation and reception gained much attention during the conference, starting with the plenary speech “L’Essence éthique du dialogue culturel” given by **Ladislav Franek** (Slovak Academy of Sciences), who stressed the importance of literature as a means of establishing and maintaining cultural dialogue in the contemporary world. **Harvi Lee Hix** (University of Wyoming, USA) in the paper “Aspects of Current Literary-Critical Discourse” focused on what he defined as the ‘translation inertia’ that equally finds a place in translations of the Bible and in political slogans. He stressed the importance of world literature and close attention to words, the meanings of which change over time. As it is impossible to secure the meaning of any text, literary studies help to overcome these challenges. **Lora Tamošiūnienė** (Mykolas Romeris University, Lithuania) argued in her speech “Translating Nature Excerpts” that translation could emphasize the importance of such elements of a text that are often left unnoticed by contemporary readers and even scholars. Nature scenes descriptions are among such deprived elements. However, analysis of nature excerpts translations shows that certain landscapes tend to be ‘translated’ consistently.

Susanna Soosaar’s (University of Tartu, Estonia) paper “The Relevance of the Reading Experience” gave an overview of Reader-Response theories, looking more closely at Wolfgang Iser’s and Stanley Fish’s ideas. Then Susanna described how the theories were translated into Estonian and gave tribute to the most significant Estonian researchers in the field – Jaanus Vaiksoo, who stated that a generation has a collective way of reading, and Johanna Ross, who suggested several models of reading the Soviet Estonian *Bildungsroman*. Drawing on the same culture, in the paper “La crise de l’attention et la critique dans la société contemporaine hypermédiate” **Tanel Lepsoo** (University of Tartu, Estonia) dwelt on the role of literature and arts in the modern world characterized by its attention

crisis. Drawing on the analysis of Reed Morn's prose and the ideas articulated by Lionel Ruffel and Yves Citton, Tanel asserted that art is a mediascape that helps the reader to find shelter, and at the same time to enter different ethnoscapas and be for a while a part of a different identity.

Identity was another key question discussed during the conference. Different aspects of identity (national, gender, social and even literature identity) were analyzed by participants from China, India, Lebanon, France and Hungary. Several speakers shared their ideas on double identities, be they of readers, scholars, or literary characters. **Kai Yung Lee** (University of Hong Kong, China) gave a talk on "Grappling with Contrasting Identities", in which she outlined the reasons for double identities emergence, challenges associated with them and ways of tackling them. **Lu Jinjin** (Masaryk University, Czech Republic) shared her dual experience of research in Australia and China in the paper titled "Cinderella and Pandora's Box: Auto-Ethnographic Reflections on My Early Career Trajectory between Australia and China". Using metaphoric images of Cinderella and Pandora, Jinjin dwelt on the obstacles to the career of a female bilingual in a multicultural surrounding. This experience resulted in a series of auto-ethnographic reflections, which the scholar briefly described in her talk, expressing the hope that this narrative would help readers to re-evaluate cultural stereotypes about Westerners and Asians. **Kuber Nag** (Indian Institute of Technology, India) discussed "Writing in the Vernacular: Asserting Dalit Identity in Odia Dalit Literature?", analysing Dalit identity, repressed due to its marginal status, but established through the process of writing, because literature can help to improve the situation as reading requires sympathetic identification with the protagonist.

Several papers covered the topic of writers' national identity. **Renáta Balázs'** (Eötvös Loránd University, Hungary) paper "Writing of Contemporary National Literary History in Finland and Hungary – a Comparative Approach" compared the representation of literary history in two countries with a cognate language, Hungary and Finland. What unites them is belonging to minor cultures, hence a necessity to connect to major literary histories. In addition, the scholar presented a productive model of the cultural gravitation developed by Melinda Szarvas, which can explain the shifting relations between major and minor cultures. As for Finnish literary history, it is complicated by the debated question of what it is to be a Finnish writer. Does it mean writing in Finnish, living in Finland, having Finnish citizenship? The answer dictates the model of literary history, e.g. in the 2013 book *Finnish literature (Suomen nykykirjallisuus)*, where one chapter is wholly devoted to migrant literature. **Sara Bédard-Goulet** (University of Tartu, Estonia) talked about "Litteratures migrantes: Concept from an Excentric Literary Field", which addressed the concept of migrant literature and its realization in the largely multicultural Canadian-Quebec literature, as opposed to French and Canadian

literatures. Sara characterized Quebec literature as a ‘hybridity movement’. The typical features she identified were the topic of displacement, specific forms that tend to be autobiographical, and hybrid texts. The scholar also emphasized the necessity to connect migrant literature to the related concepts of ethnic literature, immigration literature, exile literature, diaspora literature, emigration literature, cosmopolitanism and nomadism. **Lucía Caminada Rossetti** (independent researcher, Argentina) in the talk titled “How we Read Argentinian Literature as Part of the Latin-American One? Debates, Characteristics and Dialogues” asked to what extent it is reasonable to see Argentine literature within the context of Latin-American literature. What is Latin-American literature as a whole and how representative is the literature of Argentina?

Another two papers looked at the identity issue in the oeuvre of particular authors. In the paper “Aesthetic perspectives and the critique de Emilia Pardo Bazán: Naturalism in *La tribuna*” **Dolores Thion-Soriano** (University of Nantes, France) discussed the Spanish writer in the context of European and Spanish naturalism. Bazán’s Obras imbued Spanish cultural traditions, scientific method, and feministic views. **Laure Zarif Keyrouz’s** (University of Trieste, Italy) “Representation of Places within the Literature and Art of Etel Adnan in the Two Books *In the Heart of the Heart of Another Country* and *Of Cities & Women (letters to Fawwaz)*” analysed the 2005 and the 1993 novels by the American-Lebanese writer. Their main topics are the search for identity – political, and geographic – on the boundary of several countries. In this context it is essential for a literary critic how these places are construed.

Other scholars approached literature from the historical perspective, either analyzing how a particular historic period affected the development of literature or literary studies, or ascertaining how historic events are reflected in literature and the visual arts. **Beata Waligórska-Olejniczak** (Adam Mickiewicz University, Poland) in the paper “Working through War Trauma in Contemporary Russian Cinema: the State of Current and Prospective Research” presented an attempt to interpret contemporary Russian war movies within the trauma studies context, comparing it with similar phenomena in German and USA cultures. Beata traced how post-traumatic identity is construed ‘between memory and forgetting’. Historical trauma in contemporary cinema is visually represented by ‘second witnesses’, the generation that was not directly influenced by the military events. Still, evidence shows that trauma, notwithstanding how old, still has to be worked on.

Artis Ostups’ (independent researcher, Latvia) “The Demands of History: Conceptualizing the Post-Revolutionary Melancholy of Contemporary Latvian Fiction” reviewed modern historical Latvian fiction and its major novels, particularly, “We. Latvia. The 20th century” (2014–2018). Artis suggested several ways of interpreting the interest in history in its current form of ‘melancholy and mourn-

ing': in Freudian terms of the reaction to traumatic loss, in the context of Tony Judt's historical analysis of Post-war events, through drawing a parallel with the 2009 Nobel Prize winner Herta Müller's ideas. **Audinga Pelurityte-Tikuišiene's** (Vilnius University, Lithuania) paper "History in Contemporary Lithuanian Literature" was connected to the one given by Artis, presenting an overview of the range of historical genres in Lithuanian contemporary literature. Audinga managed to show the shift from lyrical poetry prevalence to drama, especially in the oeuvre of Sigitas Geda and Marius Ivaškevičius.

Anneli Mihkelev (Tallinn University, Estonia), whose interest lies in the field of life-writing, highlighted the changes that this phenomenon is currently undergoing in her research "Poetry and Life Writing in Contemporary Cultures". Among the most noticeable trends, she emphasized the blending of autobiography with fiction, authors' desire to concentrate on historical events of global significance, and the focus on social and cultural life within the historical context. One more recent change is that life writing has penetrated into the sphere of the visual and performing arts. It is worth mentioning that Anneli is one of the organizers of the 12th International Conference of Baltic Literary Scholars Life Writing and History Writing in Contemporary Baltic Cultures held in Tallinn in November 2019. This research was echoed by **Joanny Anne Moulin** (Aix-Marseille University, France), who delivered a paper "Biography: A Blind Spot of French Theory". President of the Biography Society, and a biographer herself, she gave a talk on the French theory of biography. This theory spread in the 1970s and 1980s and, based on Jacques Derrida's philosophy of deconstruction and post-structuralist conceptions of Jacques Lacan and Michel Foucault, led to the situation when biography studies started to be neglected by academic research. Although the situation has improved recently for autobiographic studies, the same is not yet true for biography. Still, Joanny expressed the hope that relevant biography theory will develop soon.

Marisa Kerbizi and Edlira Macaj (Alexander Moisiu University, Albania) stressed the devastating impact that the ideology of a certain political regime has on art in the paper "Albanian Literature and its Critical Evaluation Process". The scholars made a case study of Albanian literature during the period of communism, when many authors were not published, were excluded from school curricula and even suffered repressions. The modern stage of another literary culture, namely postcolonial (the paper "Redefining Postcolonial Literature in the Contemporary Age: A Comparative Approach"), was described by **Shivani Ekkanath** (UC Berkeley, Le Havre campus, France), a young Indian writer living in Singapore.

A special section paid tribute to Gustav Suits, and 100 years of Tartu University, and was completely held in the language of the country hosting the conference – Estonian. **Elle-Mari Talivee's** (Estonian Academy of Sciences) paper

“Eesti kirjanikud ja 1905, aasta tuli” demonstrated how the 1905 Revolution influenced Gustav Suits’s political thought, and how his poetry that reflected the fighting spirit and the rebellious mood is linked to the tradition of Estonian industrial poetry. Elle-Mari also established the historical literary context for the Young Estonia movement’s emergence. **Hasso Krull** (University of Tartu, Estonia) examined in “Luxembourggi aias: Gustav Suits ja Euroopa Liit” the views of Young Estonia and Gustav Suits on Estonia, Europe, and the search for a cultural force within the latter, which enabled the scholar to trace the origin of the Pan-European idea in Suits’ works.

The paper “Õitsilise motiiv Juhan Liivi jutustuses «Vari» ja Karl Eduard Söödi varase loomeperioodi luules” by **Lauri Pilter** (University of Tartu, Estonia) compared several passages from the poetry of Juhan Liiv and Karl Eduard Sööt, focusing on the floral motif of blooms. This motif presents difficulties for translators, because the word “Õitsiline” (related to both ‘blooming’ and ‘nocturnal’) cannot be translated into any other language with a single word. **Tanar Kirs** (University of Tartu, Estonia) in the paper “Juhan Liivist Gustav Suitsuni. Luulevõrdlused” compared Juhan Liiv and Gustav Suits from the perspective of generation values, the attitude to time, and the past, present, and future. Tanar attempted to explain Liiv’s appreciation of the younger poet.

Liina Lukas (University of Tartu, Estonia) emphasized the link between Baltic and German literary criticism, i.e. Georg Brandes and Gustav Suits. Throughout the paper named “Baltisaksa kirjanduskriitika ja Georg Brandes” Liina studied the contacts between the two scholars, Suits’ perception of Baltic German literary criticism, and explained why Brandes was important for Estonian literary criticism. **Mirjam Hinrikus** (Estonian Academy of Sciences) and **Tiina Kirss** (University of Tartu, Estonia) in their paper “Gustav Suitsu kirjandusteoreetilistest ideedest” focused on Suits’s national identity. Could he be considered a Nordic writer due to Brandes impact? The scholars also discussed Suits’ theoretical views and the views on Estonian literary history articulated in his lectures.

Marin Laak’s (Estonian Literary Museum) paper “Gustav Suitsu mõjukriitikast” followed the Estonian criticism of the 1920s that she called “impact criticism”, meaning the search for literary role models and influences. Marin compared impact criticism with the criticism in the “Noor-Eesti” periodical. She argued that impact criticism is still an effective tool for literary historians. The paper “Murulugemine ja peebujutt” by **Arne Merilai** (University of Tartu, Estonia) discussed the Estonian researchers Karl Muru (1927–2017) and Harald Peep (1931–1998) and their method. In their usage of the national biobibliographic and intertextual impact critical method, they followed the tradition developed by Suits.

Several talks were devoted to teaching literature, current trends in this area and problematic issues that need to be tackled. Several scholars focused on prac-

tical aspects of teaching literary theory. An important tool in literary studies was presented by **Sven Vabar** (independent researcher, Estonia) in the paper “EWOD: The Online Dictionary Connecting Estonian Literature with Global Networks”. He spoke on the *Estonian Writers Online Dictionary* compiled by University of Tartu, Department of Literature and Theater Studies of the Institute of Cultural Research, which primary aim was to collect and categorize the existing bibliographical data about Estonian literature and writers. After navigating the audience through the website of the dictionary, Sven stressed that this project would facilitate access to the data on Estonian literature for research endeavours outside Estonia. Sven is the managing editor of the Dictionary, while the editors-in-chief are Jüri Talvet and Arne Merilai.

Katre Talviste (University of Tartu, Estonia), a professor, translator, and publisher, continued her series of reports on literary pedagogy in Estonia. In Katre’s paper “From Teaching What We Know Towards Teaching What We Do” it was maintained that teaching theory should be accompanied with translation into the national language and the other way round. “Twenty Years of Literature at University. An Insider’s Perspective” by **Anneli Niinre (Kõvamees)** (Tallinn University, Estonia) shared the scholar’s personal experience of teaching and studying literature at Tallinn university.

Marco Pajević (University of Tartu, Estonia) in his talk “For a Re-Appreciation of the Literary in Literary Studies” stressed the gap between language and literary studies, with the former overwhelmingly predominant in universities. Although literature is far from being in crisis due to a large number of literary TV shows popularizing literature, the value of literary studies has decreased, as well as the value of literary theory. It happens on a par with the Anglo-centric approach to world literature and comparative studies, read mostly in English. In Marco’s view, the attitude to language and poetics should be re-considered. Poetics should be seen as a form of cognitive science, and language – as an access to reality, which is nothing without interpretation and context.

In the final paper, which united and summarized to a certain extent the ideas expressed by the above-mentioned presenters, **Jüri Talvet** (University of Tartu, Estonia) addressed the question whether it is possible to revitalize the humanities, and how. The answer was: partly through reworking our understanding of the canon and teaching literature. Quoting professor Talvet, ‘every nation should be free to define their canon’, and each has their national history of World Literature, which was demonstrated throughout the conference. Unfortunately, in the modern world, departments offering majors in comparative or world literature are few. One way out could be a new form of representing world literature in coursebooks. Jüri shared his experience of writing the 2019 book *Critical Essays on World Literature, Comparative Literature, and the ‘Other’*, published by Cambridge

Scholars Publishing. Professor Talvet's approach is innovative in the way that it combines creative writing, aesthetics, and philosophy, as inherent components of World Literature. The latter is seen as a mental spiritual vehicle that allows readers to grasp all the forms of the Other (understood in the vein of Montaigne and Bakhtinian philosophical terms). Another essential point was an effort to embrace Occidental and Oriental tradition, which, taken separately, are 'exhausted' and 'not real', respectively. As the western canon is very different from the eastern one, the latter is typically excluded from western studies of the world literature. Still, it, on a par with smaller national histories, such as Estonian, should become part of supra-national literary history. This can be achieved by the combined efforts of interpreters, translators, teachers, scholars, and readers.

The conference turned out to be a very engaging, thought-provoking event, featuring many outstanding scholars. It came as no surprise that the discussions that followed the papers were animated and stimulated the cultural dialogue and exchange of ideas.

